

Андрей Шарый

Дунай: река империй

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11655331
Дунай. Река империй: КоЛибри, Азбука-Аммикус; М.; 2015
ISBN 978-5-389-10487-7

Аннотация

Три тысячи километров Дуная, второй по протяженности реки Старого Света, – три тысячелетия истории человечества. Речное движение от германского истока к украинско-румынскому устью через территории Австрии и Словакии, Венгрии и Хорватии, Сербии и Болгарии – это путешествие в прошлое могущественных империй и в настоящее новой Европы. Во все времена Дунай вдохновлял на подвиги и свершения полководцев и политиков, поэтов и художников, композиторов и скульпторов. Сегодняшние поездки по Дунаю подтверждают: эта река обозначает важнейшую политическую и культурную дугу Старого Света, зону соперничества и сотрудничества народов, область взаимопроникновения их языков и обычаев. Дунай был и остается для человека и человечества – путем, целью, берегом, фронтирой, мечтой. Как сказал поэт, в дунайских водах «расплавлены и радость, и печаль». Но что важнее: построить крепость у реки или перебросить через нее мост?

Работа А. Шарого не имеет аналогов в отечественной литературе. По охвату исторического, культурологического, географического материала, по смелости мысли и изяществу обработки текста это междисциплинарное исследование составляет уверенную конкуренцию лучшим европейским образцам «дунайского жанра». Автор делится уникальным опытом изучения мифологии Дуная и впечатлениями от путешествий по великой реке. Отдельная глава книги посвящена роли Дуная в истории России.

Содержание

Система понятий: дунайская азбука	5
1	13
2	24
3	39
4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Андрей Шарый

Дунай. Река империй

© Шарый А., 2015

© Оформление ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015

КоЛибри®

* * *

Все у меня в глубине!
Всей истории сводки,
Утонувшие, будто колодки,
Державшие столько наций.
Здесь крылья, отрезанные не вчера,
Здесь утопленники-вечера¹.

Эндре Ади. Признание Дуная. 1915 год

¹ Перевод Леонида Владимирова.

Система понятий: дунайская азбука

Существительные понятия

Адмирал
Акватория
Байдарка
Бакен
Банка
Бар (отмель)
Баржа
Баркас
Бассейн (реки)
Бездна
Берег
Бескозырка
Бечевник
Болото
Ботель
Боцман
Браконьер
Бриз
Брод
Буй
Буря
Бьеф
Ванна
Ватерлиния
Ведро
Верфь
Верховья
Весло
Водоворот
Водокачка
Водолаз
Водомерка
Водоноша
Водопад
Водораздел
Водоросли
Водосбор
Водосток
Водохранилище
Водяная (мельница)
Водяной
Волна

Вымпел
Гавань
Галька
Гидрография
Гидромантия
Гидроплан
Гидросистема
Гирло
Гладь
Глоток
Глубоководье
Губа
Гудок
Дамба
Дебаркадер
Дельта
Дно
Дождь
Докер
Долина
Жажда
Жижга
Завихрение
Заводь
Зажор
Заплесок
Запруда
Заструга
Засуха
Затон
Затор
Ива
Излучина
Ил
Инфильтрация
Ирригация
Исток
Камбуз
Камыш
Канавка
Канал
Каньон
Капитан
Капля
Катер
Каюта
Кикимора
Киль
Ключ

Коллектор
Конденсация
Корма
Кормчий
Корыто
Коса
Кран
Круг (спасательный)
Круговорот
Круиз
Кубрик
Кувшин
Лагуна
Лайнер
Ландшафт
Лебедь
Ледостав
Ледоход
Леска
Лесосплав
Лещадь
Ливень
Лиман
Линь
Лихтер
Лодка
Ложбина
Лоцман
Луг
Лужа
Лягушка
Матрос
Мачта
Маяк
Меандр
Междуречье
Межень
Мелиорация
Мель
Мост
Мыс
Набережная
Навигация
Наводнение
Наносы
На приколе
Наяда
Невод
Нырок

Обрыв и омут
Огрудок
Одинец
Озеро
Ординар
Осадки
Осередок
Осока
Остров
Острога
Отлив
Паводок
Паромщик
Пароходство
Пережат
Печина
Пирс
Пиявка
Плавки
Плавни
Плавник
Плес
Плоскодонка
Плот
Плотина
Побочень
Поверхность (воды)
Пойма
Половодье
Полынья
Понтон
Поплавок
Порог
Порт
Потамология
Поток
Потоп
Прачечная
Прижим
Прилив
Пристань
Приток
Пробоина
Прорубь
Протока
Путь и цель
Пучина
Рак
Рангоут

Рафтинг
Регата
Рейд
Рейс
Речник
Риф
Рубка
Рукав
Русалка
Русло
Ручей
Рыбнадзор
Рында
Рябь
Ряска
Сеть
Слив
Снасти
Снежница
Сплавина
Стапель
Старица
Сток
Стрежень
Стрелка
Стремнина
Субмарина
Судовладелец
Сухогруз
Тальвег
Тарзанка
Теплоход
Теснина
Трап
Трирема
Тритон
Труба
Трюм
Удочка
Узел
Уключина
Улов
Урез
Уровень
Устье
Утес
Утопленник
Уха
Фарватер

Флотилия
Фонтан
Цистерна
Чайка
Чайник
Шальга
Шкипер
Шлюз
Шлюпка
Штурвал
Шуга
Эстуарий
Якорь
Ялик
Яма
Яхта

Прилагательные понятия

Бурный
Быстрое
Ветреная
Вешние
Водоплавающий
Волглый
Глинистая
Глубокая
Голубая
Грунтовые
Грязная
Дренажная
Затхлая
Зыбкая
Канализационный
Ключевая
Колодезная
Корабельный
Коренной (берег)
Кристальный
Купальный
Ледяная
Мокрый
Мутная
Наветренный
Остойчивый
Парус
Песчаное
Пиратский
Питьевая

Плавное
Пляжный
Подветренный
Пресная
Природный
Прозрачная
Промозглый
Проточная
Прохладная
Родниковая
Росистая
Свежая
Серебряная
Соленая
Спокойная
Сточная
Стоячая
Стремительная
Судоходный
Сухопутный
Сырая
Талая
Текучий
Теплая
Тихая
Топкий
Тростниковый
Туманное
Фекальные
Флотский
Холодная
Чистая

Глагольные понятия

Баламутить
Брызгать
Бултыхаться
Булькать
Бушевать
Впадать
Впитать
Всплыть
Выпить
Высушить
Грести
Дрейфовать
Журчать
Захлебнуться

Искупаться
Испаряться
Источать
Лавировать
Литься
Моросить
Мыться
Набухать
Напиться
Наполнять
Нырнуть
Обмакнуть
Откачать
Отражаться
Пениться
Переправиться
Пересохнуть
Питать
Плескаться
Плюхнуться
Плыть
Погрузиться
Подсекать
Поймать
Покачиваться
Причалить
Протечь
Пузыриться
Разливаться
Размывать
Распугать
Растворить
Рыбачить
Смочить
Сплавляться
Стирать
Струиться
Табанить
Течь
Тонуть
Тралить
Утолить
Форсировать
Хлестать
Хлюпать
Хлынуть
Циркулировать
Штормить
Шуметь

1

Путь реки. От Черного леса до Черного моря

*Если уразумеешь подлинное происхождение рек, поймешь, что
больше вопросов у тебя нет.*

Луций Анний Сенека. Натурфилософские вопросы. Книга III. 63 год

Историки считают: когда восточные славяне были язычниками, в раннем детстве своей цивилизации, любую полноводную реку они называли Дунаем. Лингвисты уточняют: это название восходит к еще более давней кельтской традиции. *Dānuvius* означает “быстрая вода” (от *danu* – быстрый, стремительный и *vius* – вода, река). Возможно, источник имени нужно искать глубже в древности, в эпохе Заратустры, в древнеперсидских словах со слогами “да”, “до”, “ду”. А то и еще дальше в прошлом: установлено, что задолго до начала времен понятие “река” обозначалось односложными протоиндоевропейскими словами “да на” (“течет здесь”), “до на” (“протекает здесь”), “ду на” (“протекает внутри здесь”). Всюду в гидронимах – “дн”: Днепр, Дордонь, Дон, Днестр, Двина...

На разных языках, живых и мертвых, у Дуная насчитывается больше дюжины названий. Пока река течет по Германии и Австрии, она женского рода. На славянских территориях Дунай меняет род на мужской, в албанском и румынском возвращает себе женственность, в древнегреческом и на латыни снова предпочитает мужественность. В венгерском и турецком Дунай вовсе теряет признаки пола, поскольку эти языки обходятся без родовой грамматической категории. В словенском языке Дунай “раздваивается”: *Dopava* женского рода – это река, а *Dunaj* мужского рода – это город Вена. У Дуная долго было сразу два названия: верхнее течение реки обозначали заимствованным из кельтского латинским *Danubius* (*Dānuvius*), а нижнее – по-гречески *Ἰστρος*. Плиний, Страбон, Птолемей спрашивали себя, где заканчивается одна река и начинается другая. Овидий называл Дунай “двуименным” (*bisnominis*).

Истоки Дуная находятся на восточных отрогах невысокой горной гряды Шварцвальд на юго-западе Германии. Там, близ старого городка Донауэшинген, на высоте 678 метров над уровнем Мирового океана сливаются воедино два чистых потока. У немцев на сей счет есть романтическая легенда о речных духах, прекрасных юных девах Брег и Бригах, оказавшихся в плену у Властелина горы. Сестры часто ссорились, так как Брег хотела добраться до Черного моря, а Бригах мечтала побывать в гостях у Рейна. Властелин горы помог исполнить сокровенные девичьи желания. Дунай он устремил к теплому юго-восточному морю, а в Дунай направил приток, вытекающий из холодного Боденского озера, сквозь которое проходит Рейн. Геология немного по-другому устроила отношения Дуная и Рейна, перемешав их воды. Оформившись, у городка Иммендиген Дунай уходит под землю (специалисты называют это явление “поглощением поверхностных вод”), но затем появляется снова. Дунайские воды забирает речка Аах, впадающая в Боденское озеро, через которое протекает Рейн. Таким вот хитрым способом природа соединяет Северное и Черное моря.

Дунай – единственная река в Европе, измерение которой ведется не по течению, а против него. Нулевой знак Дуная в румынской части дельты, в трех тысячах верст от Донауэшингена, установлен на молу в городке Сулина, а в украинской (огромное зеро на бетонной подушке) – на оконечности речного острова Анкудинов. Справочники указывают, что точная полная протяженность Дуная составляет 2845 километров. Это немало, однако вовсе не мировой рекорд, всего лишь 29-я строка в сводном списке, между Брахмапутрой из Южной Азии и Токантинсом из Бразилии. А вот в Европе протяженнее только Волга, хотя существенно протяженнее, примерно на восемьсот километров.

Измерения Дуная дают и другие данные – 2888 километров. Это если считать до истока ручья Брег, который далее всего отстоит от условной точки соединения реки с Черным морем. Со строго географической точки зрения, возможно, именно родник Брег, расположенный на опушке леса на некрутом склоне холма Катценштайг, и следовало бы полагать подлинным началом Дуная. У этого источника (неподалеку от местечка Фуртванген, в частном землевладении, на территории национального парка Зюдшварцвальд) установлен памятный знак. Надпись на вмонтированной в замшелый валун темно-медной табличке гласит: “Здесь, на высоте 1078 метров над уровнем моря, на расстоянии 2888 километров от устья Дуная и в ста метрах от водораздела Дуная и Рейна, Черного и Северного морей, берет начало Брег, главная из рек, образующих Дунай”. Воистину пастораль: лужайка с белой кашкой и желтым одуванчиком, дощатая изгородь природных расцветок, скромные деревянные скамейки, вдали солидный дом бауэра. Именно так, в спокойствии кущи, под пение птиц, под шорох и шепот ветра, под светом солнца и мерцанием звезд должно возникать величие мира. “В Шварцвальде, где сумрак вечно зелен, / Ты родился под елью вековой”, – столетие назад сообщил Дунаю немецкий поэт и политик Иоганнес Роберт Бехер². Насаждения рядом с истоком реки действительно еловые.

Миф, как это часто случается, оказался сильнее правды жизни. В туристических проспектах фигурирует еще один источник Дуная, который к рождению реки никакого отношения не имеет, но тем не менее в массовом сознании считается главным. Источник находится в Донауэшингене, рядом с дворцом и садом местных землевладельцев князей Фюрстенбергов, справа от высокого цоколя храма Святого Иоганна. Фюрстенберги, городские отцы и пионеры местного пивоварения, проявили совершенный волонтаризм: приказали обрамить родник каменным резервуаром, украсив его скульптурной композицией “Источник Дуная”. Я наблюдал этот бассейн в состоянии глубокого ремонта, с ободраным до скелета бетонным остовом, влагу строители на время купировали. Зачатый родником водоток фальшиво называется *Donaubach*, Дунайский ручей. Упрятанный в подземные трубы, через сотню метров он вливается в смилившую горный нором Бригах.

Это место в 1910 году Фюрстенберги посвятили своему покровителю императору Вильгельму II, обозначив памятную точку античного вида беседкой о четырех колоннах, которой присвоили пышное имя “Дунайский храм”. Этот храм не родившейся еще реки выгодно смотрится с противоположного берега Бригах, с подворья городского музея современного искусства. На выставочную площадку иногда подъезжают от соседнего дома престарелых бабушки в инвалидных колясках: полюбоваться козырными экспонатами – алюминевым деревом под названием “Портрет дерева” и клубком алюминевых труб под названием “Портрет камня”. В полутора километрах к западу, за обширным загоном для выпаса княжеских лошадей (формально все еще в границах Донауэшингена), прекрасные девы, вырвавшиеся из плена Властелина горы, наконец-то встречаются: плавная зеленоволосая Бригах соединяется здесь с прямой, как палка, Брег. Брег выглядит скучным рукотворным каналом, а Бригах мила и естественно печальна, ее ложе украшено рыжими водорослями, неторопливыми в колыхании и движении, словно пациентки дома сеньоров Святого Михаэля.

² Иоганнес Роберт Бехер (1891–1958) – видный представитель социалистического реализма в немецкой литературе. Член Компартии Германии с момента ее создания в 1918 году. Автор поэм “У гроба Ленина” (1924) и “Великий план” (1931), пацифистского романа “Люизит, или Единственная справедливая война” (1926). После прихода к власти нацистов бежал из Германии в СССР, на родину вернулся в 1945 году. Член ЦК Социалистической единой партии Германии. Автор текста гимна ГДР, песнопения “Возрожденная из руин”. В последние годы жизни занимал пост министра культуры ГДР. Лауреат Международной Сталинской премии “За укрепление мира между народами”.

Вильгельм Шотцер. Вид на Донауэшинген. Акварель. 1827 год.

На княжескую удочку Фюрстенбергов, пожелавших иметь знаковый географический объект у себя под боком, попались многие – десятки миллионов туристов, – но не таков прославленный французский писатель Жюль Верн. Его приключенческий роман “Прекрасный желтый Дунай” полон каких угодно несообразностей (как всегда у Верна, прощительных из-за яркости образов, живости сюжета и веселой наглости автора), но в данном случае популярный литератор оказался точен по крайней мере в главном. “Согласно одной легенде, которая долго считалась географической истиной, Дунай рождается в саду князя Фюрстенберга, – начинает свою речную сагу Верн. – Колыбелью будто бы был мраморный бассейн, в котором многочисленные туристы наполняли свои кубки”. Бассейн (когда он отреставрирован) на самом деле не мраморный, кубок из его ванны зачерпнуть затруднительно, даже опасно – рискуешь кувырнуться через парапет. Впрочем, для повествования Жюля Верна, как и для течения Дуная, такая мелочь значения не имеет.

Юную реку, вышедшую из купели, местный скульптор Адольф Хеер, создатель скульптурной группы *Donauquelle*, изобразил в 1895 году в облике полуобнаженной девочки с морской раковинкой в руке. Далеким путем этой нимфетке указывают бескрылый путто и величественная женщина в строгих одеждах, мать Баар. В физической географии Баар – невысокое плато, смыкающееся с горами Шварцвальда. При наличии художественного воображения и эти места в широком смысле можно счесть родиной Дуная, по крайней мере через Баар нерешительный еще Дунай также протекает. До фигур Хеера бассейн у дворца почти четверть столетия украшала другая скульптурная группа, работы Франца Ксавьера Рейха. Эта не слишком привлекательная, откровенно говоря, пара из песчаника теперь передвинута на нулевую дунайскую стрелку, к пункту слияния Брег и Бригах. Баар в интерпретации скульптора Рейха – также мать, с аллегориями плодородия в мощных руках, а вот длинноволосый Дунай, пускающий из морского рога существенную каменную струю, смахивает на голенького мальчика. Памятник живописно окружают заросли матерой крапивы, над ним склоняются немецкие национальные березки, и в солнечную погоду на скамейке в сени деревьев

хочется сидеть бесконечно. Напротив, через Бригах, установлен дунайский километровый камень с указателем 2779. Это еще одна версия протяженности великой реки.

Путаницу вокруг истоков в рассказе “Биография Дуная” высмеял югославский писатель Милорад Павич: “Существуют два Дуная, два ребенка Шварцвальда, причем внебрачный ублюдок ничуть не хуже другого, признанного по закону. Этого первого, незаконного, ребенка Шварцвальда бросили в горах, где он живет как дикарь, предоставленный природе. Второго, законного, усыновил один немецкий граф. Или, точнее сказать, украл его в ближайшем лесу, отвел в свои владения, выкупал, привел в порядок и построил ему перед своим дворцом круглую колыбельку из камня, в которую бросают монетки, чтобы одарить дитя”. Этот граф, уверяет охальник Павич, и сейчас живет в Донауэшингене, только он теперь занят производством пива: “Человек, укравший Дунай, не пьет воду!”

По мере того как полнится река, ее художественные образы взрослеют, мужают, стареют. Это одна из парадигм речной философии. Свободное течение воды подобно току жизни: маршрут непредсказуем, но конечный пункт, исход определен. Ведь сколь ни широка, сколь ни своевольна река, она обречена на то, чтобы раствориться в море или исчезнуть в песках. Судьба, которую водам Брег и Бригах уготовил Дунай, им самим неведома; точно так же юный лирик Иоганнес Бехер, сочиняя прочувственный стих о родной природе, не мог и представить себе, что в будущем напишет государственный гимн Германской Демократической Республики.

Скульптор Ян Иржи (Иоганн Георг) Шаубергер, создатель фонтана Цезаря на Верхней площади чешского города Оломоуц (1725), увидел Дунай в облике солидного бородатого мужчины, скрепляющего ладони с другим таким же мужчиной (рекой Моравой) под конной статуей римского августа. Когда через полтора столетия император Австрии и король Венгрии Франц Иосиф решил подарить своей столице монументальную мраморную композицию, он также остановился на речной теме. Иоганн Мейкснер вытесал мускулистого Дуная из глыбы каррарского мрамора. Речной бог получился у Мейкснера не столько водным, сколько – судя по нежности, с которой он обнимает зрелую красавицу Виндобону (аллегория Вены), – земным. У ног этой пары примостился мраморный ребенок, а по сторонам композиции (в так называемой рампе Альбрехта, это цокольная часть дворца-музея Альбертина) выстроились девушки – притоки Дуная (некоторые с веслами в руках), пылкостью которых их повелителю, возможно, еще только предстоит насладиться. Венгр Лео Фезлер в 1880-е годы выполнил фонтан Danubius на будапештской площади Кальвина (впоследствии перенесенный на площадь Эржебет) в соответствии с античной традицией: его Дунай – значительный бородатый Нептун с трезубцем в руках, а другие главные мадьярские реки – беспорные наяды.

Наконец, упомяну о каноне эпохи барокко, знаменитой скульптуре Дуная, установленной не на его берегу, а неподалеку от берега Тибра. Речь идет о работе Джованни Лоренцо Бернини “Фонтан Четырех рек” на пьядца Навона в Риме. В 1644 году Бернини – как утверждает его биограф, из-за происков недругов – не был допущен к конкурсу на проект памятника папской славе, который обрамлял бы тридцатиметровый египетский обелиск. Однако покровитель скульптора князь Никколо Людовизи, будучи женатым на племяннице Иннокентия X, умудрился выставить макет фонтана Бернини в покоях святого отца. Тот, пораженный совершенством замысла скульптора, отменил конкурс, и Бернини получил выгодный заказ. А замысел заключался в том, чтобы воплотить идею могущества Ватикана в изображениях главных известных к той поре христианскому миру рек четырех частей света. Европу на этом смотре представил Дунай, его партнерами назначены Нил, Ганг и Ла-Плата. Атлетически сложенному из мрамора Дунаю, как географически самой близкой к Ватикану реке, Бернини доверил придерживать не весло или иной простой водный знак, а эмблему высшей

власти, герб понтифика – щит с изображением голубки с оливковой ветвью в клюве, символа папской семьи Памфили.

Никто и не думает подвергать сомнению неземное происхождение рек (“Все реки – дети неба”, – сказал поэт). Первым из известных потусторонних покровителей Дуная считается богиня Дану (Донау). Кельты почитали это божество как мать сущего, хранительницу источника жизни – священных “вод небес” и супругу бога Биле, который перевозит души умерших в иной мир по загробным потокам. На Траяновой колонне в Риме, воздвигнутой архитектором Аполлодором в честь победы войск империи над племенами даков, изображен бог Данубий. Бог наблюдает за тем, как легионеры форсируют Дунай по понтонному мосту. Данубий стал первым речным небожителем, изображение которого в качестве главного мотива появилось на реверсе монеты. Речь идет о денарии (вроде серебряного гривеника) начала II столетия – времени правления того же императора Траяна.

На каждый из без малого трех тысяч дунайских километров приходится примерно по три года более или менее детально изученной истории человечества, если не обращать внимания на то долгое и темное прошлое цивилизации, когда люди были еще не в полной мере людьми. Каким именем, интересно, они именовали мощную темную реку, которая текла неизвестно откуда и неведомо куда, что думали о ней? Может быть, они думали, что эта река появилась из растрепанной шевелюры какого-нибудь божества, подобно поклонникам индуизма, считавшим, что Ганг проистекает из спутанных волос бога Шивы? В народных легендах, напоминает французский философ Гастон Башляр в работе “Вода и грезы”, неисчислимы реки, проистекающие из мочеиспускания какого-нибудь великана: “Гаргантюа тоже, гуляя, ненароком затопил целую французскую деревню... Капли могущественной воды достаточно и для того, чтобы сотворить мир, и для того, чтобы растворить ночь”.

Но откуда же на самом деле, если не от Бога праведного, взялся Дунай? Шестьдесят пять или шестьдесят шесть миллионов лет назад отколовшиеся от древнего континента Гондвана материка столкнулись с другим древним сверхконтинентом, Лавразией. В результате образовался широкий горный пояс от нынешних Пиренеев до нынешних Альп, а древний океан Тетис разделился на несколько водоемов относительно небольшой глубины. Реликтом Тетиса считают одну из его бывших впадин, Черное море. На месте нынешней Среднедунайской низменности около десяти миллионов лет назад располагалось мелкое Паннонское море, соединенное с теперешним Средиземным. Паннонские воды высохли или утекли шестьсот тысяч лет назад. Острова превратились в холмы, дно морское стало равниной. С той поры по большому палеографическому счету на этих просторах ничего особенного не происходило. Примерно с той поры из Черного леса к Черному морю и течет Дунай.

Первое из дошедших до нас описаний Дуная оставил в середине V столетия до Христа Рождества греческий историк Геродот. Он посвятил этой реке пять абзацев четвертой книги “Истории”, названной именем музы трагедии Мельпомены. Дунай, “река с пятью устьями”, помещен на западе представляющей собой “богатую травой и хорошо орошаемую равнину” страны скифов. “Истр – самая большая из известных нам рек, – делится наблюдениями Геродот, – зимой и летом она одинаковой величины. Это первая река Скифии на западе; она становится самой большой, и вот почему: в Истр впадают и другие реки, отчего он становится многоводным... Истр пересекает всю Европу и впадает в море на окраине Скифии”. Геродот в целом правильно описал низовья Дуная и перечислил чертову дюжину его притоков, но о среднем и верхнем течении реки древние греки имели смутное представление и на картах помещали истоки Истра то на склонах Альп, то в Пиренеях, то в стране гипербореев. Выше порожистого ущелья, ныне известного как Железные Ворота, греческие суда подняться не смогли.

Достоверные сведения о том, откуда берется Дунай, как считается, получили римляне в эпоху императора Тиберия (I век нашей эры) от плененных в боях германцев. Геродот пер-

вым из античных ученых упомянул и другую главную европейскую реку – Волгу (названную им Оар), однако считал, что она впадает не в Гирканское (Каспийское) море, а в Меотийское озеро (Азовское море). За двести с лишним лет до Геродота его старший соотечественник Гесиод назвал Дунай “братом Нила”.

С той поры Дунай исследовали, изучили, охарактеризовали всеми возможными способами сотни или даже тысячи раз, вдоль и поперек, от истока до устья, от первой до последней капли. Самое фундаментальное описание реки составил в первые десятилетия XVII века итальянский натуралист Луиджи Фердинандо Марсильи, положивший на карту почти тысячекилометровую речную границу империи Габсбургов и османских владений. Марсильи логически доработал речную шкалу возрастных сравнений: в его воображении Дунай предстал в облике самого почтенного античного бога, мощного старца Сатурна, которому еще не угрожали гидроэлектростанции. Возможно, Марсильи прав: только такому гиганту под силу ежегодно выносить в Черное море больше двухсот кубических километров (попробуйте представить такой объем!) пресной воды. И все это только для того, чтобы тремя тысячами километров выше по течению, на опушке черного немецкого леса, мраморная девочка с ракушкой в руке снова стряхнула с кончиков пальцев несколько прозрачных капель в незамутненный родник. Так и происходит круговорот воды в природе.

Другой образец скрупулезного исследования реки – трехтомник общим объемом 2164 страницы и весом шесть килограммов под названием “Навигация и спуск по Верхнему Дунаю”. Это исследование произвел австрийский инженер Эрнст Невекловский, полвека, с начала XX столетия, при всех политических режимах служивший в разных речных должностях. С немецкой педантичностью тщательный Невекловский в мельчайших подробностях пронаблюдал, подсчитал, пронумеровал, переписал, инвентаризовал все водное хозяйство в зоне своей профессиональной ответственности, от впадения в Дунай Иллера (чуть выше города Ульм) до Вены. Это 660, нет, простите, герр инженер, 659 километров. Пожалуй, плотнее Невекловского смог изучить Дунай только один человек – словенский пловец на сверхдальние дистанции Мартин Стрел. В 2000 году он за 58 дней проплыл реку почти от истока до самого устья. Стрел, учитель фламенко по профессии, известен преодолениями Янцзы, Миссисипи и Амазонки. Вот это действительно взгляд на реку изнутри. Big River Map как мог капитализировал свой успех: он выпускает красное вино “речных” марок.

ЛЮДИ ДУНАЯ
ЛУИДЖИ ФЕРДИНАНДО МАРСИЛЬИ
граф и землемер

Итальянский ученый, военный, инженер и авантюрист граф Марсильи (1658–1730) оставил после себя шеститомное описание Дунайского бассейна – отлично проиллюстрированный свод сведений по географии, гидрологии, минералогии, фауне, флоре речной зоны. Выходец из богатой родовой семьи из Болоньи, Марсильи в юности отправился в странствия по Османской империи, в 1681 году написал свою первую книгу

путешествий “Босфор”, а затем поступил на службу к императору Леопольду I Габсбургу. В бою с османской армией получил ранение и попал в рабство: молодого офицера продали великому визирю Кара Мустафа-паше, в обозе которого Марсильи вскоре стал свидетелем неуспешной для султана Мехмеда IV осады Вены. В 1684 году граф смог вернуться в австрийскую армию в качестве военного инженера, в 1686 году принял участие во взятии Буды, получил в командование пехотный полк. В 1699 году возглавлял комиссию по демаркации границы между государством Габсбургов, Венецианской республикой и Османской империей. В течение полутора десятилетий Марсильи составлял различные описания Дуная, проводил измерения его глубины и скорости течения, анализировал вкус, запах, химические свойства воды и льда, рисовал схемы речного русла и прилегавших к нему топей и болот. Марсильи первым верно зафиксировал на картах главные дунайские изгибы: поворот реки резко на юг выше Буды и резко на восток южнее Илока. Офицерская карьера Марсильи оказалась не столь успешной, как его научные изыскания. В начале Войны за испанское наследство полк Марсильи перевели в Баден-Вюртемберг, в начале 1703 года генерала направили в крепость Брайзах-на-Рейне. Летом город окружил французский неприятель. Оценив обстановку, командование гарнизона приняло решение о капитуляции. Вскоре графа отстранили от службы, обвинив в измене и трусости. Трибунал осудил 27 офицеров гарнизона Брайзаха, коменданта крепости казнили, а Марсильи лишили воинского звания и наград, преломили над его головой шпагу и с позором изгнали из габсбургской армии. Считая суд несправедливым, граф пытался обжаловать вердикт, но император Леопольд не проявил ни милосердия, ни понимания. Марсильи покинул венский двор, продолжая бороться за свое честное имя. В Швейцарии он опубликовал апологию капитуляции Брайзаха на четырех языках под девизом “Сломана шпага, но не дух”. Обида на императора побудила Марсильи принять участие в антигабсбургской коалиции в качестве доверенного лица папы римского, но и это предприятие не принесло графу славы и почестей. В 1706 году он возобновил природоведческие исследования – на юге Франции, а затем вернулся в родную Болонью, где принял участие в основании существующих и сейчас Академии искусств и Института наук. Речнойopus Марсильи *Danubius Pannonico-Mysicus, Observationibus Geographicis, Astronomicis, Hydrographicis, Physicis* полностью опубликован в Голландии только в 1726 году. Содержавшееся в рукописи посвящение императору Леопольду автор вымарал. Обширный дунайский атлас, приложение к труду Марсильи, вышел в свет еще через четверть века. Марсильи был талантливым ученым-энциклопедистом эпохи раннего Просвещения: он классифицировал грибы и минералы, открыл в Болонье обсерваторию, описывал римские развалины, заложил основы океанографии и морской биологии. Увлекательно написанная историком Джоном Стойе биография этого дунайского энтузиаста не случайно получила знаковое название “Европа Марсильи”.

Совсем по-другому задолго до Невекловского и Стрела увидел Данубий поэт и ритор эпохи упадка Рима Децим Магн Авсоний, учитель будущего императора Грациана. В 368 году он сопровождал римское войско в походе за Рейн. В раскинутом неподалеку от места слияния Бригаха и Брега лагере этот Авсоний, в общем довольно скучный автор, сочинил

несколько изоощренных стихотворений, в награду за которые получил из добычи императора прекрасную пленницу Биссулу. Заунывными гекзаметром и пентаметром шестидесятилетний Авсоний воспел прелести голубоглазой алеманки, которой, вернувшись в Рим, подарил свободу и которую сделал равной себе подданной империи. Поэтически говоря, благодаря Авсонию у истоков Данубия варварка Биссула стала гражданкой Лацио. По дунайским художественным тропам войны и любви за Децимом Магном Авсонием последовали многие литераторы – и идут речной долиной до сих пор.

Настольной книгой любого исследователя Центральной и Юго-Восточной Европы стала вышедшая в 1986 году (так полностью и не переведенная на русский язык) работа итальянского историка и филолога Клаудио Магриса “Дунай”. За последние десятилетия никто не исследовал дунайский миф так всесторонне, никто не написал о главной староевропейской реке так толково и страстно, как этот почтенный профессор германистики из Триеста. В фокусе размышлений Магриса – вопрос о цивилизационной миссии Дуная. Какова же она? Нести священные немецкие воды на восток? В буквальном и философском смысле орошать Центральную Европу, эту “сухопутную землю в платье из тяжелого зеленого сукна”? Служить сосудом мадьярской и славянской мистики; быть, как и в древней истории, проводником дикой энергии восточных варваров? Или прав другой искушенный путешественник, автор книги “Темза. Священная река” британец Питер Акройд, заметивший: “Вода – это зеркало. У нее нет своей формы и собственного смысла. Река – это отражение обстоятельств: геологических или экономических, вода вмещает все и потому прозрачна”?

Последнее из ставших международно знаменитыми описаний Дуная составили в 2004 году два молодых в ту пору австралийца, философ Дэниел Росс и кинорежиссер Дэвид Барисон. Они проделали путь от низовий к верховьям реки, произведя при этом около пятидесяти часов видеозаписей. Отмонтированные речные репортажи R’n’В перемежают фрагментами бесед с мощными европейскими умами: философами Филиппом Лаку-Лабартом, Жан-Люком Нанси и Бернаром Стиглером³, а также кинорежиссером Гансом-Юргеном Зибербергом, автором семичасовой киноленты “Гитлер. Фильм из Германии”. Помимо общих вопросов бытия, все эти дунайские разговоры крутятся вокруг курса лекций другого выдающегося философа, Мартина Хайдеггера, – о природе стихотворчества на примере гимна “Истр”, сочиненного в начале XIX века светочем немецкой поэзии Фридрихом Гёльдерлином. Гёльдерлин, творчество которого считается значимой тенденцией не только немецкой, но и мировой поэзии, два столетия назад воспел сущность Дуная и, рассуждая о немецком гении и немецкой культуре, противопоставлял свой Истр своему же Рейну, о котором, естественно, также сочинил гимн.

В 1942 году ректор университета во Фрайбурге Мартин Хайдеггер, комментируя скрытый смысл произведений гимнического стихотворца, осмыслил связи германской и античной культур, а также хаоса, в который погрузила Европу и весь мир Вторая мировая война. Хайдеггер открыто симпатизировал национал-социалистам, все время их пребывания у власти пусть формально, но состоял в гитлеровской партии и за это после окончания войны на несколько лет был отстранен от преподавания. Одни критики считают его убеждения трагической ошибкой, отстаивая при этом мнение, что политическая позиция не имеет отношения к научным взглядам; другие уверены: поддержка национал-социализма бросает тень на всю деятельность философа. Авторитет Гёльдерлина, талант Хайдеггера и его темный

³ Филипп Лаку-Лабарт (1940–2007) – французский философ, переводчик и литературный критик, президент Международного философского колледжа. Жан-Люк Нанси (р. 1940) – французский философ, автор теории сообщества как бытия-вместе, профессор Страсбургского университета. Соавтор нескольких работ Лаку-Лабарта. Бернар Стиглер (р. 1952) – франко-немецкий философ, профессор и преподаватель нескольких европейских университетов, директор Института исследований и инноваций, основатель политико-культурной группы *Arts Industriales*. Философией увлекся во время тюремного заключения (1978–1983), к которому был приговорен за участие в вооруженном нападении.

общественный опыт сделали лекции о гимне “Истр” (целиком опубликованные только в 1984 году) предметом сложного диспута – о добре и зле, мимолетности жизни и вечности смерти, о переплетениях коммунизма и нацизма, о реке жизни и жизни реки. Барисон и Росс, иллюстрируя дунайскими пейзажами комментарии своих ученых собеседников по поводу комментариев Хайдеггера к произведениям Гёльдерлина, выцелили точно: их трехчасовая малобюджетная лента получила призы международных кинофестивалей и на пару лет стала европейским интеллектуальным шлягером. Вот как Росс и Барисон обосновали свой непростой замысел: “Пересекая разрушенную недавней войной Югославию, занятую восстановлением национальной мифологии Венгрию, Германию, которая является одновременно сердцем новой Европы и призраком старой, Дунай как таковой остается главным вопросом познания. Дискуссия разворачивается вокруг самых провокационных вопросов нашего времени: о доме и месте, культуре и памяти, технологии и экологии, политике и войне, – волнующих нас так же, как в 1942 году они волновали Хайдеггера”.

Это документальное кино подкупает, помимо творческой самоотверженности его создателей (они пустились в рискованное предприятие без всякой гарантии того, что доберутся от низовий до истока), еще и жгучим, пусть и несколько наивным любопытством выросших на другом конце света Росса и Барисона к ключевым событиям европейского XX века. Дунай в “Истре” – всего лишь фигура речи, кулиса, на фоне которой разворачивались драмы мировых войн и апофеоз гигантских строек тоталитаризма. Дунай – водный горизонт новой Европы, кривое западно-восточное копьё, на которое история нанизала сотни событий. Этим-то Дунай и интересен, как никакая иная река Старого Света. Нет в Европе другого столь искушенного свидетеля того, с какими болями и мучениями этот старый свет трансформируется в новый. Именно тут много столетий назад переплелись силовые линии германского, романского, славянского, угорского, восточного миров; здесь возникала современная Европа; на этих берегах царили и рухнули по крайней мере семь империй – Римская, Византийская, Габсбургская, Османская, Германская, нацистская, советская; самые разные народы воздвигали на этих берегах пантеоны бессмертным богам и павшим героям, творя трагические и возвышенные дунайские мифы. От бывшего нацистского концлагеря Маутхаузен до бывшего города социалистического будущего – строившегося в чистом поле от фундаментов до фабричных труб бетонного Сталинвароша – всего-то неполный день неспешного речного пути.

Ну что же, пора братья за весла. Пора ставить парус. “Пора перейти эту реку вброд”⁴. Мне почти удалось совершить такой подвиг на первых же дунайских метрах, у моста за оклицей Донауэшингена, ведущего от местного спортивного аэродрома к деревушке Хюфинген. Торпедирующий Бригах справа, Брег создает здесь отмель с подушкой из мелкой гальки, сужая едва родившийся Дунай до ничтожных 17 метров. Ради победы знания над природой я был готов не пожалеть если не самого себя, то закатанных выше колен новых джинсов, однако ринуться в бой со стихией мне помешала осмотрительность спутницы. Старшая сестра воспользовалась запретительным правом первородства. “Был бы ты на коне – другое дело!” – сказала она, и я не нашел контраргументов. Мы довольствовались форсированием первого из всех существующих притоков Дуная. Судя по карте, это 15-километровая река местного значения под названием Стилле-Мюзель, но на деле она является сущим, пусть и бодряще прохладным ручьем. На нашу неуклюжую переправу на тот берег с ироническими ухмылками поглядывали пролетавшие с запада на восток лихие велотуристы. Они только что побывали у фальшивки в Донауэшингене и наверняка поверили в наглую ложь Фюрстенбергов. Скорость мешала им увидеть и понять, что чистые шварцвальдские воды образуют священный Дунай не где-нибудь еще, а именно здесь.

⁴ Борис Гребенщиков. Брод.

Два столетия назад Фридрих Гёльдерлин так написал о Дунае в гимне “Истр”: “Он непокорен, нет ему покоя; / На что еще способен он, / Никто не знает”. На трехтысячекилометровом пути от Шварцвальда, Черного леса, до Черного моря Дунай протекает по территории десяти государств. Донау, Дэньюб, Дуна, Дунэря, Дунав, Данубий, Туна, Истр – все это названия одной и той же великой реки. Кстати, самой мутной среди крупных рек Европы. И вовсе не голубой.

2

Danubius. Римский рубеж

Безлюдье величественного, грандиозного потока – зрелище потрясающее и подавляющее. Милю за милей и снова милю за милей катит река шоколадные воды меж неприступных стен лесов, и почти необитаемы берега... Так проходит день, проходит ночь, и снова день – и так постоянно, ночь за ночью, день за днем: величавое, неизменное однообразие безмятежности, отдых, оцепенение, покой, пустота: символ вечности, воплощение небесного царства, воспетого священниками и пророками, куда так стремятся люди добрые и неосторожные.

Марк Твен. Жизнь на Миссисипи. 1883 год

Воды любой реки несут в себе опыт границы. Река способна отделять что угодно: страну мертвых от страны живых, память от беспамятства, цивилизацию от варварства, свое от чужого. Река разрезает мир пополам, потому что земля на другом берегу таит в себе не меньшую неизвестность, чем холодная глубина течения. Река – это рубеж, линия обороны, которую, преодолевая неуверенность и страх, выстраивают жители сухопутья. Дунай, как и другие реки, всегда был и до сих пор остается границей. Первыми в дунайской истории границу на его берегу оборудовали римляне.

Для обозначения линии оборонительных сооружений по периметру Римской империи и самой концепции этой защиты историк Тацит изобрел термин *Limes Romanus*. Множественное число понятия – *limites*. Рим, сомнений нет, был государством с обширными лимитами. Буквально лимес – это земляной вал или каменные стены со сторожевыми башнями, которые служили и военными, и таможенными постами там, где границе не хватало естественной защиты. Во II веке нашей эры, когда Римская империя достигла пика территориальной экспансии (6,5 миллиона квадратных километров равнялись двенадцати теперешним Франциям), протяженность ее границ составляла восьмую долю экватора. В итоге лимес широченной скобкой фактически замкнул все Средиземноморье, простираясь от вала Адриана на севере Англии через Верхнегерманско-ретийский пояс в междуречье Рейна и Дуная и Траяновых валов в нынешней Молдавии и на современной Украине до Триполитанского барьера, охранявшего империю от кочевников Нумидии и песков Сахары. К Дунаю (от Рейна) лимес выходил у лагеря Абусина, сейчас это окрестности баварского местечка Эйнинг.

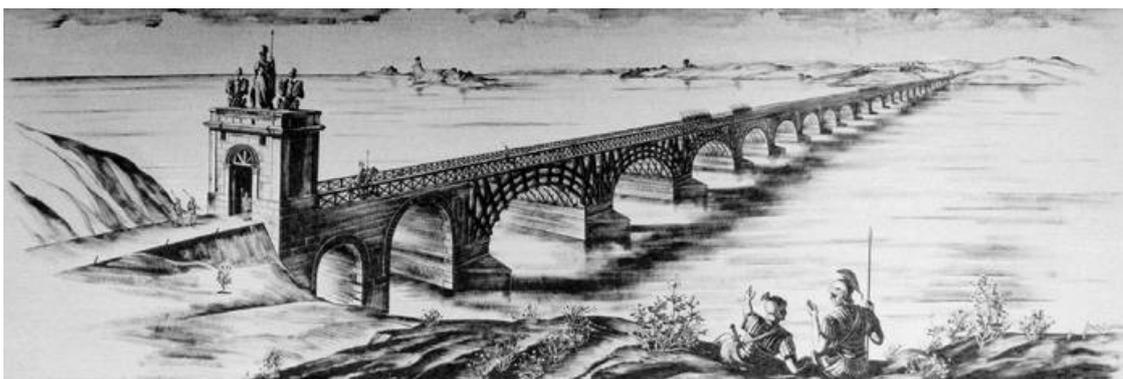
Дунай представлял собой надежную природную преграду, примерно четыре столетия река честно служила северным лимитом античной цивилизации. Собственно границу империи Дунай обозначал в своем среднем течении (римские провинции Реция, Норик и Паннония) и в самых низовьях (провинция Мёзия). Верховья реки легионеры отвоевали у кельтов и германцев еще до наступления нашей эры, а Дакию, единственную провинцию дунайского левобережья, в начале II столетия покорил один из самых успешных полководцев Рима, упомянутый выше император Траян. Однако вся дунайская долина, едва ли не целиком обширная территория речного водостока, веками оставалась пограничьем, почти всегда нестабильным и довольно часто опасным. Новые варвары, прежде всего германцы и сарматы (маркоманы, квады, языги, роксоланы, позднее готы и вандалы), оказались боеспособными, настойчивыми, кровожадными. В конце концов воинственные дикари погубили империю.

На берегу Дуная римляне построили восемь десятков укрепленных поселений, некоторые из них превратились в относительно важные административные центры античного госу-

дарства. Сегодня дунайский мир охотно припоминает эти древние названия, потому что в их звучании чувствуется дыхание великой славы. По Центральной Европе курсируют фирменные пассажирские поезда со звучными римскими именами. В Регенсбурге, Вене, Братиславе, Будапеште, Белграде античные прозвища присваивают дискотекам и ночным клубам, иногда со стриптизом: *Castra Regina*, *Vindobona*, *Singidunum*, *Gerulata*, *Aquincum*. Собственно развалины, пылинки лимес, тоже кое-где сохранились, преимущественно в виде упрятанных за заборы прямоугольных фундаментов и укрытых стеклами музейных витрин каменных катакомб, но не только. Средневековые крепостные или замковые стены часто возводились поверх античных, новые дороги мостили поверх старых, и на всем речном протяжении древнеримские кирпичи уже не отличить от германских, византийских, османских, австро-венгерских, да и от современных реставрационных. Однако римский Дунай давным-давно стал понятием фантасмагорическим, виртуальным, это даже не воспоминание, а тень воспоминания. Самые величественные сооружения древних – всего лишь картинка в учебнике.

Типическая биография памятника античной культуры на Дунае такова. На месте кельтского или фракийского поселения римляне примерно в начале наших времен соорудили забранный рвом и частоколом, а позже каменной стеной с башнями наблюдательный пункт, в котором расквартировывали либо конную когорту (пять сотен всадников), либо двойную когорту пехотинцев (тысяча сто человек). Впервые римские строения превратило в руины, скажем, нашествие севов или квадов, к примеру, 17 или 167 года, но, после того как варваров оттеснила армия императора Тиберия или Марка Аврелия, легионеры укрепились основательнее. Они обустроили лагерь-каструм на шесть тысяч воинов, окружили его многометровой высоты стеной, имевшей грозные башни и четверо ворот, за которыми селились те, кто солдат обслуживал: торговцы, менялы, ремесленники, крестьяне, боевые подруги. Пронумерованный археологами остов этой башни или этого амфитеатра, этой купальни или этих терм, этого храма или этой казармы нередко можно обнаружить неподалеку от речного берега и сейчас.

ДУНАЙСКИЕ ИСТОРИИ КАК РИМСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ ПЕРЕКИДЫВАЛИ МОСТЫ

Мост через Дунай императора Траяна. Реконструкция Эжена Дюперрекса, 1907 год.

Первый каменный мост через Дунай построен в 103–105 годах под руководством Аполлодора, арамея родом из Дамаска. Аполлодор считался крупнейшим архитектором своего времени, был любимым каменных дел мастером императора Траяна. Строительство моста, соединявшего римские провинции Дакия и Верхняя Мёзия, велось в сжатые сроки, для возведения каменных опор пришлось на время отвести русло реки в рукава. Длина

Траянова моста составляла 1097 метров, ширина – 15, высота над поверхностью воды – 19. С обеих сторон переправу защищали крепостные сооружения. Деревянные арки моста Аполлодор укрепил на двадцати каменных опорах. Мост был разрушен через полтора века по приказу императора Аврелиана: римляне опасались проникновения через Дунай племен готов. В 1856 году обмеление реки обнажило все двадцать опор. Они мешали судоходству, и после долгих дебатов в 1906 году две из них снесли. В 1982 году археологи, исследовавшие речное дно, обнаружили только четырнадцать опор, остальные, как полагают, разрушила вода. Если бы мост Аполлодора стоял до сих пор, он связывал бы румынский город Дробета-Турну-Северин и сербский Кладово. На южном берегу сохранилась римская мемориальная доска, *Tabula Traiana*, оповещающая о завершении строительства военной дороги. Другой древний мост через Дунай возведен в 328 году по указанию императора Константина I Великого. Циклопическое деревянное сооружение на каменных опорах (длина 2437 метров, из которых 1137 над водой, ширина 5,5 метра, высота десять метров) просуществовало три или четыре десятилетия и, вероятно, было разрушено варварами. Римские хроники сохранили упоминания о построенных в разное время шести мостах через Дунай.

Давление варваров все увеличивало значение таких лагерей, пока их не покинула наконец римская стража. Случалось и так, что крепость со стоном падала, пораженная смертельным ударом вестготов или остготов; захватчики сжигали здания дотла, стены разрушали до основания. Фрагменты Главных правых ворот или Главных левых ворот, присмотревшись, можно теперь заметить в какой-нибудь средневековой кладке, как, например, в Регенсбурге, где останки *Porta Praetoria* вмурованы в стены здания постройки XVII века. Но все-таки новые христианнейшие государи чаще строили города на новых местах, а римские развалины обживали лопухи и ящерицы.

Ровно таково и прошлое Карнунта, сейчас безмятежной деревни Петронелль-Карнунтум в федеральной земле Нижняя Австрия на дунайской полдороге между Веной (римской Виндобоной) и Братиславой (римской Герулатой), а 1800 лет назад – административного центра провинции Верхняя Паннония. Карнунт оставался часовым Дуная почти полный цикл существования империи⁵: год основания этого поселения (6-й нашей эры) упоминает в “Римской истории” Гай Пеллей Патеркул. Деревянные стены вокруг военного лагеря возвели сорок лет спустя, при императоре Клавдии, для постоянной дислокации на этом важном пограничном участке бойцов XV легиона *Apollinaris*. Именем Аполлона бордовые с золотом щиты легионеров прикрывали Карнунт от набегов с территории теперешней Чехии полчищ маркоманов. Еще через полвека здесь разместили другой легион, XIII *Gemina Marcia Victrix* (“парный”, от *лат. gemina* – близнецы, то есть сформированный из разных соединений). Эта воинская часть, на штандартах которой красовалось изображение единорога, так прославилась в сражениях с различными врагами Рима, что получила от императора Нерона когномен “Победитель, благословенный Марсом”, *Marcia Victrix*. В Карнунте легионеры в общем счете квартировали четыреста лет, пока не получили самый последний, горький приказ командования: прекратить охрану государственной границы.

⁵ В 395 году Римская империя была разделена на две части – Западную Римскую с центром в Риме и Восточную Римскую со столицей в Константинополе, – хотя формально продолжала считаться единым государством, управлявшимся двумя властителями и двумя дворами. Принятое наименование Восточной Римской империи после 476 года – Византийская империя.

Грубая солдатская сила олицетворяла “священную мечту Рима” – его идеалы и его величие, – обеспечивая миропорядок античной цивилизации, *Pax Romana*. Моралист Плутарх назвал Рим “якорем, который навсегда приютил в гавани мир, долго обуреваемый и блуждавший без кормчего”. Философ ошибся насчет “навсегда”, хотя в отношении сиюминутных обстоятельств оказался прав: “Рим организовал всечеловеческое общество среди ожесточенной борьбы людей и народов”. Другой древний грек, оратор Аристид (II век нашей эры), заметил: “Имя римлянина перестало быть принадлежностью одного города, но стало достоянием человеческого рода”. Рим, как считали многие его подданные, являл собой благо для покоренных народов, стал их общим отечеством, которое легионеры обороняли и на берегах Дуная, и на берегах Евфрата, и на берегах Нила, и на берегах Рейна. На этих дальних рубежах римская цивилизация представляла собой образец для подражания, но в сложном процессе взаимодействия метрополии и провинций складывались предпосылки кризиса империи: созидательная сила растрачивалась, пока не растратила себя окончательно.

В районе Карнунта Дунай пересекал Янтарный путь, бойкий торговый маршрут, по которому ископаемую смолу веками доставляли в Средиземноморье с берегов Балтики. Тут же располагался речной порт с флотилией в десяток либурн (основной тип корабля в Римской империи) и энным количеством торговых суденышек и рыбацких лодок. Никакого международно-правового режима судоходства Дуная тогда не существовало, правила если и определялись, то двусторонними соглашениями. Самое известное из них – заключенный в 271 году императором Аврелианом и вождями вандалов договор, предоставлявший варварам право заниматься речными перевозками. После распада единой Римской империи торговое судоходство на Дунае надолго пришло в упадок.

Восточнее каструма в Карнунте располагался богатеющий “гражданский” город с населением в сорок или пятьдесят тысяч человек, привлекавший и варварскую чернь, и латинскую знать. В полисе появились дома зажиточных торговцев и виллы патрициев, за порядком и комфортом в которых наверняка следили прекрасные невольницы и конкубины. Одна такая *villa urbana*, городская вилла, реконструирована на территории археологического парка на античном фундаменте по старым чертежам и описаниям. С поправкой на время все складывается: сейчас примерно так живут топ-менеджеры российских государственных корпораций. Полы с подогревом, плетеная мебель с накидками пурпурного цвета; прохладная терраса выводит в цветник и фруктовый сад; на кухне и в подвалах – амфоры с кислотными местными и сладкими фалернскими винами, корзины с натуральными продуктами вроде капустных кочанов и кукурузных початков. Поучительный музей; я долго бродил по древнего вида вилле, представляя себя то рабом, то вольноотпущенником, то господином. В главном зале с украшенными мозаичными панно потолками улыбающаяся официантка покрывала столы накрахмаленными скатертями, готовя вечерний банкет; музеи теперь многофункциональные и самокупаемые. В тот вечер в фальшивых покоях римского патриция гуляла деревенская свадьба.

В Карнунте провел несколько лет жизни император-философ Марк Аврелий, под командованием которого в 170-е годы Рим вел изнурительную войну против германских племен. Здесь император сочинил на греческом языке часть трактата “Размышления”. Автора особенно заботили проблемы долга и смерти, и свой моралистический дневник, считающийся образцом античной литературы, он, по всей видимости, не предназначал для посторонних глаз. Рефлексия Марка Аврелия, указывают историки, основана на осознании ответственности за судьбы общества, которое изнутри медленно подтачивало разложение нравов, а извне – набеги варваров. Может быть, и эти строки император начертал, поглядывая с холмов Карнунта в сторону вечного Данубия: “Время человеческой жизни – миг, ее сущность – вечное течение, ощущение смутно, строение всего тела бrenно, душа неустойчива; судьба загадочна, слава недостоверна... Все, относящееся к телу, подобно потоку, относящееся к

душе – подобно сновидению и дыму. Жизнь – борьба и странствие по чужбине, посмертная слава – забвение...

Не живи так, точно тебе предстоит еще десять тысяч лет жизни. Уж близок час”.

Философия научила Марка Аврелия мудрости и милосердию. Он даже “не приказал, а лишь допустил” убийство посягнувшего в 175 году на императорский трон наместника Сирии Авидия Кассия. Марк Аврелий победил и германских варваров, но его триумф – в соответствии с теорией стоицизма – оказался призрачным. Император не успел, как намеревался, учредить на левом берегу Дуная провинции Маркоманию и Сарматию: в 180 году он скончался от чумы в Виндобоне. Кстати, единственная уцелевшая со времен Античности конная статуя – это установленный на Капитолийской площади в Риме прижизненный памятник как раз ему, Марку Аврелию. На металлические плечи императора-философа накинута металлический солдатский плащ, под копытом коня прежде корчился варвар из бронзы.

Петронелль-Карнунтум тоже гордится своим знаменитым сыном. Единственная местная гостиница, почтенный гастхаус с винотекой, называется Marc Aurel. Вход в этот отель, как и в другие здешние общественные здания, устроен в виде античного портика. В простых, как комнаты офицеров римского легиона, номерах базировались гости той самой свадьбы, это для них до после полуночи отжигал в ресторане танцевальные хиты 1960-х годов местный рок-коллектив. В фойе отеля странным образом отсутствует мраморный бюст великого римлянина, его заменила гипсовая статуя обнаженной девы и яркая картина с портретом попугая ара, выставленная на продажу за две сотни евро. Памятник Марку Аврелию я заметил в соседнем местечке под названием Бад-Дойч-Альтенбург, у автомобильного круга. Там же в направлении запад – восток проходит велосипедная трасса, названная именем римского императора.

Петронелль-Карнунтум несет бремя минувшей славы со скромным, но зримым достоинством: стены частных домов украшают медальоны с ликами героев и богов; интерьер пивных, меню которых соблазняет “кухней легионеров” (свиная отбивная и сосиски с кислой капустой), украшен мечами и шлемами древних воинов; даже ветеринарная лечебница именуется Canis Carnuntum (лат. псы Карнунта). К Дунаю со стороны жилых кварталов не подойти: моя варварская попытка наскоком проникнуть к реке через лесопосадки закончилась позорным отступлением под осенним дождем мимо громадных цистерн для сточных вод.

По сравнению с римскими временами Карнунт съезжился в двадцать раз. Он стал малонаселенным, двухэтажным, сытым, католическим и совершенно австрийским. Нагляднее всего об античном величии напоминают живописные развалины Языческих ворот, когда-то западного форпоста города. Но и это напоминание смутное: пятнадцатиметровая конструкция из грубо отесанных глыб с единственным уцелевшим арочным перекрытием возвышается в полукилometре от деревни, в чистом поле меж перелесками. Прежде ворота замыкали крепостные стены, и можно только представить себе, сколь грозно они выглядели, готовясь к защите от неприятеля. Самый главный враг, время, превратил и эти фортификации в труху и пыль, по уши, по самую макушку втоптал римский полис в дунайскую долину. Теперь под аккуратными беленькими домами жителей Петронелль-Карнунтума и Бад-Дойч-Альтенбурга, под засеянными люцерной и рапсом полями, на которых жужжат трудолюбивые трактора, под пастбищами для коров и лошадей, под автобусными остановками и даже под пиццерией Atrium – всюду, всюду похоронена Римская империя.

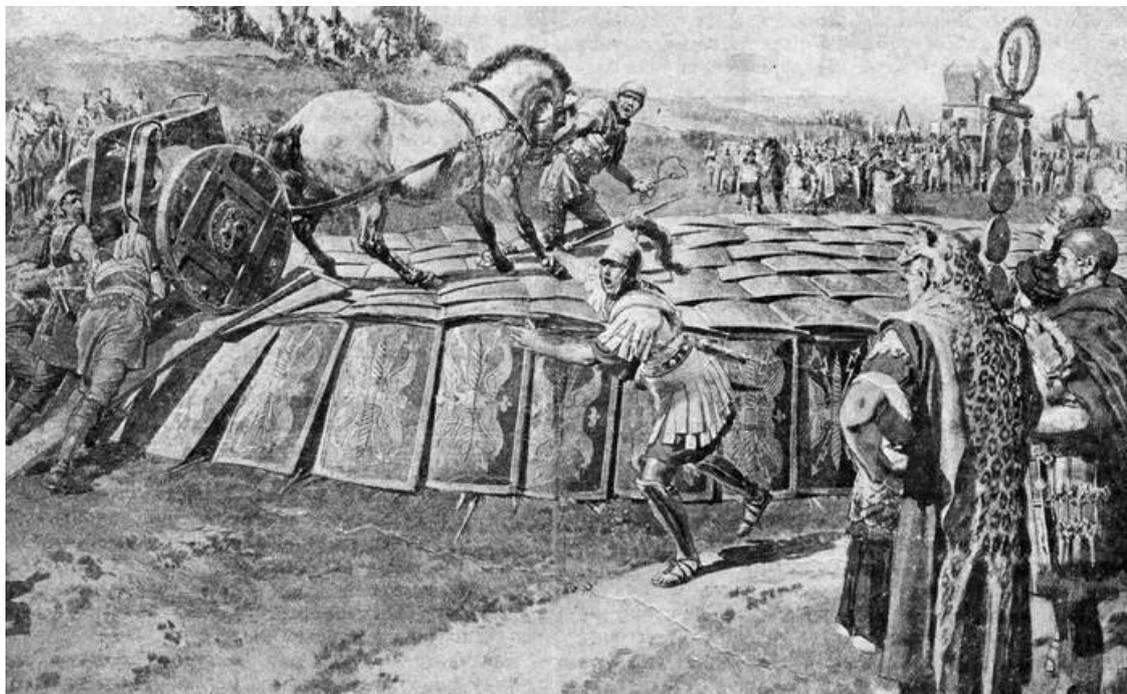
Якоб Альт. Языческие ворота в Карнунте. Рисунок. 1816 год.

Уже почти полтора столетия здесь ведут раскопки. Сначала раскапывают, чтобы как следует изучить, извлечь главные ценности, а потом по законам науки снова закрывают минувшее сырой землей. Археологи не зря шутят о том, что в их дисциплине исследование памятника является одновременно его уничтожением. В Карнунтуме обнажена всего-то сотая доля территории древних города и военного лагеря: два амфитеатра, небольшой жилой квартал, руины купален. На холме Пфaffenберг, откуда открывается отличный вид на Дунай, вскрыт фундамент храма Юпитера. Прежде здесь курили благовония во славу богов и императоров; когда-нибудь, наверное, откроют ресторан или музей.

В 2011 году в Карнунтуме с помощью радаров обнаружили развалины школы гладиаторов, как утверждают, одной из крупнейших в Римской империи, по масштабам сравнимой со столичной Ludus Magnus. Ученые тут же объявили эту находку мировой сенсацией, тем более что фрагменты зданий и даже кое-какое оборудование – вплоть до остова деревянного столба на тренировочном полигоне, где начинающие бойцы отрабатывали удары и выпады, – оказались в сохранности. Те гладиаторы, что на потеху туристам пару раз в месяц выступают теперь на развалинах амфитеатра, подобной школы явно не проходили: их боевые достоинства столь же скромны, сколь надежно затуплены их деревянные мечи. Однако публике (и мне!) эти состязания на песчаной арене все равно понравились, ведь ретиарий Валерий так ловко заарканил секутора Вулкана крупноячеистой сетью, а гопломах Лео так быстро достал кривым коротким клинком мурмиллона Прокула. Конечно, этим бойцам, активистам окрестных военно-исторических клубов, далеко до Рассела Кроу из фильма-пеплума “Гладиатор”, вымышленный герой которого, генерал Максим Децим Мерилий, в прологе киносаги отправился на битву с варварами как раз из Верхней Паннонии. Но мы, оказавшись на трибунах, вовсе не жаждали крови. Мы улюлюкали, свистели и развлекались. Мы были милосердны и не опускали больших пальцев к земле, не требовали добить побежденных.

В реальной истории тот поход легионеров за Дунай состоялся: большой отряд, как сказали бы сейчас, “спецназа” из состава легиона II Adiutrix (“вспомогательный”) под командованием генерала Марка Валерия Максимиана зиму 179/180 года провел в лагере Лаугари-

цио, отбиваясь от нападений квадов. На месте этого лагеря, на реке Ваг (большой приток Дуная), уже тысячу лет стоит город Тренчин, до Братиславы от него полторы сотни километров. Солдаты Марка Валерия победили врагов и вернулись за лимес, оставив на тренчинской скале горделивую памятную надпись.

Древнеримская черепаша. Гравюра. Иллюстрация из российского журнала “Природа и люди”. 1915 год.

В 193 году именно народ и солдаты Карнунта провозгласили императором Рима легата (наместника) провинции Септимия Севера, храброго воина, презираемого знатью: он, уроженец Ливии, хотя и был хорошо образован, но говорил на латыни с африканским акцентом, а потому для “настоящих” римлян оставался варваром. Септимий Север, со своей стороны, недолюбливал патрициев, в историю он вошел как крутой властитель (Severus – твердый, жестокий): “Всех людей, выдающихся происхождением или богатством, он беспощадно убивал, гневаясь, как он притворно утверждал, на врагов, а на самом деле из-за своей ненасытной алчности. Насколько силой духа, выносливостью и опытностью в военном деле Септимий Север не уступал никому из самых прославленных людей, настолько велико в нем было корыстолюбие” (Геродиан. История от Марка Аврелия). Тот же автор указывает, что со времени Септимия Севера даже в преторианские когорты (отряды телохранителей императоров), а не только в обычные армейские подразделения стали нанимать выходцев из придунайских и восточных земель империи. В XIV легион тоже рекрутировали преимущественно варваров или детей варваров; подданство Рима они получали через четверть века службы, после выхода на пенсию. До пенсии, правда, дотягивали немногие: средняя продолжительность жизни в эпоху Античности составляла 22–25 лет.

И легионеров, и ветеранов, и прочих достойных жителей Карнунта хоронили в том числе и по обе стороны Янтарного пути. Судя по компьютерным визуализациям, этот торжественный погост производил мрачное впечатление: высокие надгробные камни, словно мертвые часовые, тянулись вдоль неумытой дороги на протяжении трех километров. Скорбная трасса уходила от Дуная на юг, к реке Лейте, которой через много столетий будет суждено стать внутренней границей другой империи, Австро-Венгерской. У здания полицейского

управления в райцентре Брук-ан-дер-Лейта (этот город ядовито описал Ярослав Гашек в “Похождениях бравого солдата Швейка”) – вероятно, в качестве мемориала древним защитникам правопорядка – установлено надгробие с могилы офицера легиона Apollinaris по имени Луций Коссутий. Он погиб в бою или умер от какого-то недуга 1960 лет назад. Цветов у серого камня я не заметил.

Свою главную пятиминутку исторической славы Карнунт пережил в 308 году, когда здесь состоялась важная конференция с участием сразу трех глав Римского государства. Действовавший в ту пору император Галерий, уже отрекшийся от власти Диоклетиан и узурпатор Максимиан Геркулий обсуждали, как сказали бы сейчас, способы выхода из острого внутривластного кризиса, а попросту говоря, делили между собой и своими протеже зоны влияния на востоке и западе необъятной страны, которой уже невозможно было управлять из одного центра. Вроде бы договорились, но ненадолго, и вот вскоре Максимиан под давлением недругов вынужденно повесился, Галерий скончался от “неизлечимой болезни”, а Диоклетиан, “мучимый горем и кручиной”, принял смертоносный яд (Аврелий Виктор. О цезарях).

“На границах всего римского мира, как по призывному сигналу труб, поднялись самые свирепые народы и бросились на римские владения” (Аммиан Марцеллин. Деяния). От трубного воя страдал и Карнунт: в середине IV века его сожгли в очередной раз прорвавшиеся за Дунай клады. В годы правления Валенсиана I каструм вернули к жизни, однако главной военной базой Верхней Паннонии с той поры считалась Виндобона. Непокойствие подтачивало империю, она перестала быть монолитом. Многие варварские племена – на правах федератов, союзников Рима, – обосновались и по “эту”, южную сторону Дуная. Лимес утратил непроницаемость, его охрана становилась заботой частных лиц и администраторов провинций; повседневность мало зависела от столицы. После 430 года вслед за легионерами Карнунт покинули многие лишившиеся защиты гражданские жители. Те, что остались, использовали город как кладбище и источник строительных материалов. Почти все древние кирпичи растащили, а последнее, решительное разорение Карнунту причинили пришедшие на Дунай с поздней варварской переселенческой волной венгры. Античный культурный горизонт залегает здесь на глубине полутора метров.

Римская империя – единственное в истории государство, установившее контроль над Дунаем на всем протяжении великой реки, ни до, ни после этого не удавалось сделать никому. Впервые понятие “граница” в масштабах целой страны перестало быть только метафизическим и стало материальным: эта граница состояла из каменных башен, земляных валов, соснового частокола. На другом конце света, в Азии, в эпоху Сражающихся царств еще более осязаемую “Длинную стену в десять тысяч ли” созидал миллион китайцев. Риму так и не удалось плотно закупорить мраморный, прекрасный, совершенный мир своей священной мечты: эта империя, как и подобает империи, была хищной, она пила соленый пот и злую кровь варваров, а потому не могла существовать без тех, от кого стремилась себя отделить. С помощью лимеса и с помощью Данубия империя попыталась установить предел. В экспозиции одного поддунайского музея мне довелось любоваться подстертым изображением на отшлифованной глыбе песчаника. На этом барельефе богиня победы Виктория, попирая земной шар (что символизирует всемогущество Римской империи), венчает короной Данубия, воплощение лимеса, надежной границы. Под ногой у Данубия – корабль, а в руках – трезубец и рыбка. Барельеф датирован III веком, тогда римское владычество над северо-востоком изведенного мира казалось незыблемым.

Дунай еще в доримскую эпоху становился линией соприкосновения античной цивилизации с пестрой варварской вселенной. В конце IV века до нашей эры низовья реки обозначали рубеж царства Александра Македонского. Номинальная, никак не маркированная граница проходила по Дунаю от его устья и до впадения в него реки Олт (у греков и римлян

– Алута, теперь в Румынии). После кончины Александра Великого эти территории получил в правление один из его диадохов (преемников), Лисимах, много и не слишком успешно воевавший с фракийскими вождями. Племена гетов и даков сражались за земли, которые считали своими, еще три с половиной столетия. Первым из римских полководцев в 75 году до нашей эры здесь увидел Дунай консул Гай Скрибоний Курион, а к отсечке нашей эры южный берег реки у ее устья замкнула римская провинция Мёзия.

В этих краях, близ теплого моря, значительно раньше, чем в горах Шварцвальда или на равнинах Паннонии, расцвела античная жизнь. Первыми из цивилизованных (и в древнем, и в сегодняшнем понимании этого термина) народов, обследовавших низовье Дуная, были финикийцы, которые, как предполагают, поднимались на своих биремах от Черного моря по течению реки на сотни километров. Материальных следов финикийских экспедиций по Дунаю не сохранилось, о них свидетельствуют только упоминания в трудах греческих историков. Греки, начавшие колонизацию черноморского побережья двадцать семь веков назад, несмотря на свои приблизительные знания о Дунайском бассейне, тоже вошли в историю как метафорические покровители этой реки. Именно с Грецией соотносит Дунай в стихотворении “Исток Дуная” классик британской поэзии Уильям Вордсворт: Дунай впадает в Черное море, а Черное море в воображении пиита ассоциируется с Орфеем и аргонавтами. Греческая колонизация и в Северном Причерноморье ограничивалась освоением береговой приморской линии. Торговые суда совершали каботажные плавания, поселения колонистов представляли собой оптовые перевалочные базы, принимавшие зерно и звериные шкуры и предлагавшие варварам взамен драгоценные побрякушки, вина, всякие ремесленные изделия. Комедиограф Аристофан писал с иронией: “Греки расселись вокруг моря, как лягушки вокруг болота”. В дельте Дуная “лягушки-путешественники” основали десяток полисов с акрополями, стадионами и форумами. Но даже эти, самые окраинные посты Эллады вносили посильный вклад в продвижение античной истории: и здесь снаряжали солдат и корабли для сражений с персами; и здесь в пору междоусобиц агора (общегражданское собрание) точно так же, как в Фессалии или Беотии, выбирала сторону Афин или Спарты. И в политическом, и в коммерческом отношении истрийские греки ориентировались на свою метрополию, на тот город, откуда на Дунай прибыли пионеры колонизации. Этим городом был Милет, самый богатый из ионийских полисов Малой Азии, выходцы из которого организовали на берегах Понта Эвксинского аж девяносто колоний.

Одним из первых греческих городов в зоне Дуная считают Гистрию, основанную в середине VII века до нашей эры на берегу черноморской лагуны, северная оконечность которой примыкала к дельте реки. Спустя столетия линию берега переформатировало землетрясение, и лагуна стала озером, теперь именуемым Синое. Значение маленького города, получившего имя большой реки, постепенно уменьшалось, и когда в эти края пришли римляне, они устроили военный лагерь Гальмирис (“соленая вода”) в нескольких десятках километров к северу. Гальмирис стал крайней бусинкой римского ожерелья Дуная; в двух тысячах километров отсюда, неподалеку от истока реки, империя разместила военное поселение Бригобанн. В период расцвета Римское государство держало на дунайском рубеже, от Бригобанна до Гальмириса, треть своей армии – десять легионов по пять тысяч пехотинцев и пять сотен всадников в каждом.

Гистрия торговала зерном, в этот город вел двадцатикилометровый акведук, пока гарнизон Гальмириса отбивался от набегов аваров и славян, здесь развивались науки и ремесла. Греческое и романское население покинуло оба города в VII веке, когда Византийскую империю потеснили из этих краев болгары. Теперь останки Гистрии, римские храмы которой возведены на греческих фундаментах, символизируют эстетику разрушения еще в большей степени, чем останки Карнунта, поскольку античные строения Карнунта либо сровнены с землей, либо выстроены из новых кирпичей и покрыты новой черепицей; в Гистрии никаких

масштабных восстановительных работ не проводилось. Две цивилизации, греческая и римская, зрелость которых разделяет отрезок в полтысячелетия, кажутся в Гистрии одинаково далекими, полустертыми, немymi. Однако произведем несложный подсчет: Гистрия продержалась в живых на кромке дунайской дельты тысячу триста лет. Москва отметит такой юбилей в середине XXV века. Еще тысячу триста лет Гистрия пролежала в руинах. Интересно, какая панорама откроется с Воробьевых гор весной или осенью 3750 года?

Писать о Дунае иногда все равно что писать на воде. На берегах этой реки люди живут столько, сколько в Европе существует человеческий род, и пытаться проследить динамику передвижений первобытных общностей и “языковых образований” с юго-востока на северо-запад, от устья до истока – занятие одновременно увлекательное и неблагодарное. Ведь Античность – начало европейского мира только в современном его понимании. Греки и римляне, дети железного века, создали городскую цивилизацию, сформулировали этические принципы политики и разработали систему базовых государственных институтов. Однако за спинами тех, кто осваивал и основывал Европу две тысячи лет назад, выстроились в затылок друг другу очень разные века истории: бронзовый, медный, каменный.

Установлено, что миграция *Homo sapiens* на территорию Европы с нашей общей прародины, из Восточной Африки, началась примерно 45 тысяч лет назад (применяется такая градация: это срок жизни 1400–1500 поколений) вдоль долин больших рек, прежде всего по так называемому Дунайскому коридору. В эту пору Дунай, тогда еще река без названия, впервые пригодился прогрессирувавшему человечеству. Человек разумный заселил Европу в течение жизни 400–500 поколений, в долгой внутривидовой борьбе оказавшись умнее и креативнее другого вида древних людей, неандертальцев. Ареал обитания неандертальцев почти целиком включал в себя и бассейн Дуная. Мне доводилось бывать в хорватском городке Крапина на речушке Крапина (левый приток правого дунайского притока Савы), где когда-то обнаружили сотни неандертальских зубов и костей возрастом за сто тысяч лет. Неандертальцы и кроманьонцы (“ранние представители современного человека”) сосуществовали пять или десять тысячелетий. Как показали недавние исследования, генные различия у двух видов людей слишком велики, чтобы считать вымерших неандертальцев предками наших выживших предков.

Но эти разногласия, что называется, в прошлом. Шесть или семь тысяч лет назад область Дуная уже была так основательно (по меркам каменного века) освоена, что в современной археологии получил хождение термин “дунайский комплекс культур”. Так обозначают первобытные сообщества, члены которых накопили некоторую творческую энергию и различные умения: очищать местность от леса и засеивать плодородные земли, разводить домашних животных и устраивать жилища под названием “длинные дома”. Постепенно, перескажу параграф из школьного учебника, произошел отказ от кочевого образа жизни, основанного на охоте и собирательстве, состоялся переход к оседлому земледелию. Знающие люди утверждают: более важного процесса, чем эта неторопливая неолитическая (или сельскохозяйственная) революция, в истории человечества не было. Понятие в 1923 году сформулировал археолог Вир Гордон Чайлд⁶.

⁶ Вир Гордон Чайлд (1892–1957) – британский ученый австралийского происхождения, крупнейший антрополог и археолог XX века. Автор научно-популярных бестселлеров “На заре европейской цивилизации” (1925), “Дунай в доисторический период” (1929), “Человек создает себя” (1936), “Что произошло в истории” (1942), Чайлд был убежденным историком-марксистом. Он неоднократно посещал СССР, включал в свои доклады цитаты из выступлений Иосифа Сталина, а после развенчания XX съездом КПСС культа личности написал русским коллегам горькое письмо о состоянии советской археологии. В знак своих политических пристрастий Чайлд носил красный галстук. На лекциях, забывшись, переходил с одного языка на другой, непонятный слушателям. Используя марксистскую методологию, разработал универсальную концепцию эволюции человечества. Ученый погиб через год после выхода на пенсию, бросившись с 300-метрового обрыва в Голубых горах в Австралии. Это было самоубийство, вызванное озабоченностью Чайлда своим слабеющим здоровьем.

Дунай предлагает прекрасную иллюстрацию того, как дикость человека мало-помалу перерастала в исторически продвинутое варварство, как возникали зачатки частной собственности, как исчезало первобытное социальное равенство. Полвека назад при возведении каскада гидросооружений в Восточной Сербии найдены стоянки людей каменного века. Эта дунайская археологическая культура, Лепенски-Вир (вир на сербском – водоворот, источник, к названию Вир ученый Гордон Чайлд отношения не имеет), возникла около восьми-девяти тысяч лет назад в ущелье Железные Ворота и через полтора-два тысячелетия достигла расцвета. Метод калиброванной радиоуглеродной датировки предков помог белградскому археологу Драгославу Рейовичу установить периодизацию со всей возможной точностью.

За пять лет полевых работ в радиусе десяти километров от большого поселения, напротив которого на левом речном берегу возвышается скала Трескавац (ее кроманьонцы, по-видимому, считали культовым объектом), ученые обнаружили еще с полдюжины стоянок поменьше. При этом часть зоны раскопок при строительстве ниже по течению Дуная плотины гидроэлектростанции “Джердап I” оказалась затопленной. В 2002 году по низкой воде местный рыбак Момчило Джорджевич извлек из прибрежного ила и песка несколько грубо обработанных мелких валунов с полукруглыми выемками. Предприимчивый селянин вознамерился использовать камни для украшения бассейна во дворе своего дома, однако о странных находках прознал сотрудник местного музея. Камни были опознаны как предметы материальной культуры возрастом в шесть тысяч лет, скорее всего, это фрагменты древнего капища.

Археологи открыли в Лепенски-Вире фундаменты полутора сотен примитивных построек, множество захоронений и 35 тысяч единиц разных экспонатов, от священных символов и керамических изделий до костяных наконечников копий, гребней, фигурок и свистулек. Люди каменного века внешне мало чем отличались и от древних римлян, и от нас с вами, разве что объем головного мозга у кроманьонцев (полторы тысячи кубических сантиметров) в среднем на десять процентов превышал современные параметры. Эти рыбаки и охотники строили жилища из земли, дерева и камней с полами из известняка, с огнищами и жертвенниками. Люди уже вышли из пещер, они членораздельно общались друг с другом, владели гончарным ремеслом, рисовали и гравировали, довольно тонко выделывали одежду из шкур животных. Ничто человеческое не было им чуждо. Они любили и ненавидели, погребали умерших, посыпая хладные тела красной охрой, хранили память о своих предках, вытачивая их изображения из крупной гальки. Чтобы не разлучаться с родственниками, захоронения устраивали прямо в жилищах, оставляя в полу отверстия, через которые покойным передавали пищу. Террасы у дунайской стремнины стали матерью-землей, в которую, подобно семени в утробу, входили отцы и где они покоились до времени, не оставляя своим попечением живых.

От скалы Трескавац Дунай просматривается на пять или шесть километров и вверх, и вниз по течению – могучий быстрый поток, зажатый грядами скал и поросших буйным лесом холмов. Выяснено, что за десять тысяч лет местный пейзаж не слишком переменялся: вечные сосны, стальные камни, бурая река. Район национального парка “Джердап” – климатическая зона, до сих пор в значительной степени изолированная от внешних вторжений, относительно безопасная и удобная для тех, кто не слишком прихотлив, поэтому, как полагают, древние люди и задержались здесь так надолго. А почему они в конце концов откочевали, объяснил В. Г. Чайлд: потому что, поколение за поколением, ощущали все бóльшую потребность в неолитической революции. Из ущелья переселились на равнины, где сподручнее воевать, пасти стада, вспахивать поля, сеять пшеницу. Так что нельзя сказать, что

эти древние люди появились в Лепенски-Вире неведомо откуда и непонятно почему, что они ушли из Лепенски-Вира по неизвестным причинам и незнамо куда.

Лепенски-Виру еще только предстоит стать музейным комплексом международного класса, поскольку в последние десятилетия Сербия имела немного возможностей заниматься крупными научными проектами. Один сектор раскопок площадью 55 гектаров перекрыт сетчатой конструкцией из бетона, пластика и стекла. Этот каркас защищает от неприятностей погоды черепки, осколки, обломки. Ближайшее к району мертвых стоянок живое поселение, деревня Больетин на речушке (скорее ручье) Больетинке, являет собой пример очаровательного балканского захолустья. Это еще и край древних горняков: местные жители уверены, что как раз на территории общины Майданпек находятся древнейшие в Европе медные рудники.

Действительно, здесь расположен один из множества очагов Балкано-Карпатской металлургической провинции. Это, конечно, не промышленный, а археологический термин: пять тысяч лет назад металлурги производили массивные топоры-мотыги, втульчатые топоры-тесла и наконечники, клинообразные тесла-долота. В Европе обнаружены сотни или даже тысячи поселений каменного века, близ дунайских берегов таких поселений десятки или даже сотни. Их следы тщательно исследуют, классифицируют и музеефицируют. Наука узнаёт все больше, но все же о жизни древнего человека она не знает почти ничего.

Единое индоевропейское языковое образование начало распадаться в конце III тысячелетия до нашей эры. Носители разных диалектов медленными волнами растекались к Балканскому региону, к Италии, к северу от Альп. Одни языки исчезали, другие развивались и сохранились. От древнеевропейской общности (вначале она разделилась на два ареала, кентум на юге и западе Европы и сатем в центральной части Евразии) постепенно и в разное время отсоединились греки, кельты, италики, германцы. Кельтский период на Дунае начинается примерно с IX века до нашей эры, в письменных источниках эти племена, заселявшие верховья и среднее течение реки, впервые упоминаются как давно сложившаяся общность около 600 года до нашей эры. Начиная с Гекатея Милетского (около 500 года до нашей эры) и Геродота древние авторы рассказывают о кельтах, “варварском народе, проживающем по ту сторону Альп” и отличающемся от соседних племен языком, обычаями, обликом и политической организацией. Германцы в конце концов вторглись в кельтские земли с востока, а римляне с юга. Как ни трубили воинственные гелльветы и бои в бронзовые фанфары-карниксы с раструбами в виде голов животных, за два-три столетия кельтские племена, жившие по законам родоплеменного общества, были уничтожены, вытеснены или ассимилированы.

Напомню: считается, что именно кельты дали Дунаю имя, перенесенное сейчас в большинство европейских языков. Многие римские приречные лагеря и крепости возникли на руинах кельтских укрепленных поселений (оппидумов). На шести сохранившихся до наших дней кельтских языках говорят около миллиона человек в Бретани на крайнем западе Франции и на Британских островах. На берегах Дуная никаких кельтов не встретишь, от кельтов сохранились только могильники, а вот кельтская мифология оказалась сильнее времени. В Центральной Европе в острой моде кельтские легенды о герое Кухулине и быке с тремя журавлями, кельтские предания о жрецах-друидах, кельтские узорчатые кресты, кельтские протяжные песнопения, кельтские обряды сбора омель и поклонения духам природы.

Если кельты, как выяснилось, пришли на Дунай, чтобы в итоге отсюда уйти, то германцы и славяне пришли, чтобы здесь остаться. Формирование германского этноса принято относить к VI–I векам до нашей эры. В восприятии римлян Германия ограничивалась с запада Рейном, с юга Дунаем, с севера Океаном. Вертикальной границей внутри варварского мира – между Германией и Сарматией – считалась река Висла (Vistula). Сарматия простиралась через земли Северного Причерноморья до Нижней Волги. Лесные северные области Восточно-Европейской равнины представляли собой неизвестные для римлян земли.

Предки славян впервые упомянуты в произведениях первых веков нашей эры: в трудах римских и византийских авторов славяне именовались склавинами, антами и венетами (или венетами).

Средневековые авторы долгое время не имели доступа к античной литературе и излагали сведения о прародине и древней истории варваров без опоры на греческие и римские источники. Монах Киево-Печерского монастыря Нестор в “Повести временных лет” (начало XII века), исходя из библейского предания, ведет славянскую летопись от Вавилонского столпотворения. Первоначально, по мнению Нестора, славяне поселились на Дунае, “где есть ныне Угорьска земля и Болгарска. И от техъ словенъ разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте”. Эта версия легла в основу дунайской теории происхождения славян, остававшейся популярной до начала XX столетия. Однако предположения Нестора не подтвердились: первое достоверное упоминание о расселении славян в бассейне Дуная относится к VI столетию. Тогда войска византийского императора Юстиниана сдерживали напор варваров, переправлявшихся с левого берега реки на правый. Славяне не стремились осаждать города, довольствуясь пригодными для земледелия полями. Ромеи называли пришельцев “спорами”: их можно было рассеять, но нельзя было уничтожить.

Первое славянское государственное образование Само было дунайским, оно возникло на территориях нынешних Чехии, Западной Словакии, Восточной Австрии и Северной Словении в 623 году (этот племенной союз распался через три с лишним десятилетия под напором Аварского каганата). К концу того же века контроль над нижним Дунаем установило Первое Болгарское царство. К VIII веку славяне расселились на Балканах, прижав Византию спиной к Эгейскому морю. Латинский автор из Испании Исидор Севильский писал: “Славяне захватили у ромеев Грецию”. Термин *ultra Danubium* (Задунавье), которым ученые монахи обозначали заселенные варварами территории, утратил смысл, потому что Дунай перестал быть рубежом, лимитом цивилизации. Наступили темные века раннего Средневековья. Отныне Великая река просто несла свои воды с запада на юго-восток.

Славянский порыв на юго-запад Европы представлял собой эпизод сложных миграционных процессов, в общей сложности занявших несколько столетий. Главный вектор Великого переселения народов – с востока на запад, с периферии Римской империи к ее ядру, и долина Дуная стала одной из осей этого потока: пришельцы продвигались против течения реки. Первым импульсом Великого переселения народов принято считать вторжение в Европу гуннов в 375 году. Давление на дунайскую границу возросло еще больше, потом эта граница открылась, и не только в Карнунте: готы опустошили Балканский полуостров, а позже и Италию. Прекратил существование рейнский лимес; франки, бургунды, вандалы завладели Галлией, Испанией, севером Африки.

Отто Альберт Кох. Германские варвары на поле боя. Окружной музей округа Липпе, Детмольд, Германия, 1909 год.

Поздняя Римская империя была государством с сакрализованной властью, едва ли не восточной деспотией. Двор самодержавного императора образовывали “спутники” – одновременно и друзья, и чиновники, и слуги. Подробная табель о рангах различала чины “знатнейшие”, “сиятельные”, “почтеннейшие”, “светлейшие”, “совершенные” и “выдающиеся”. Закат античной государственности ученые, помимо прочего, объясняют тем, что римляне

во многом утратили понимание общественного блага, страна рассматривалась как собственность императора. Римляне усвоили идеологию рабского подчинения властелину, за которую некогда так презирали варваров. Прочитую Михаила Гаспарова (“Авсоний и его время”): “В IV веке империя еще держится, в V веке она сломается, в VI веке остатки античной городской цивилизации будут ассимилированы сельской цивилизацией Средневековья... Римские императоры сделаются марионеточными фигурами в руках варварских военачальников”.

4 сентября 476 года предводитель придунайского германского племени скиров Одоакр, видный военачальник империи, стал первым варварским властителем Рима. Свергнутый им подросток Ромул Августул (“августиска”) и сам был по крови наполовину “дикарем”, сыном секретаря вождя гуннов Аттилы. Монархические регалии (диадему и пурпурную мантию) Одоакр отослал в Константинополь, может быть, потому, что решил: отныне Римская империя утратила смысл своего существования. Население некогда миллионного Вечного города, истощенного осадами и грабежами, в ту пору составляло всего пятьдесят тысяч человек. Как показало развитие событий, вождь варваров не ошибся: без императора нет Рима.

На юго-востоке еще сияла звезда Византии, которой суждено было погаснуть только через тысячу лет, но Западная Европа после падения Римской империи осталась достоянием германских королей и латинских епископов. Константинополю потребовалось не одно поколение стратиггов и миссионеров, чтобы “переварить” и хоть немного цивилизовать пришельцев, чтобы вернуть свои границы на дунайские берега, чтобы на Балканах возникло “Византийское содружество наций”. Так британский историк русского происхождения Димитрий Оболенский называл “наднациональную общность христианских государств, в которой Константинополь был центром, а Восточная Европа – периферийным доменом”. Стержнем этой “периферии” оставался Дунай, что и дало повод современному российскому исследователю Владимиру Петрухину назвать эту реку “главной координатой начальной славянской истории”.

3

Донау. Священные воды

У реки сто ликов, но она обретает одну судьбу; а исток ее и несет ответственность, и присваивает себе заслуги за весь остальной путь. Из истока проистекает сила. Воображение вряд ли учитывает притоки.

Гастон Башляр. Вода и грезы. 1942 год

Исток великой реки – одна из интерпретаций Великого Немецкого Начала. Такую интерпретацию (конечно же далеко не я один) заимствую у Гёльдерлина, понимавшего реки как оси, собирающие воедино мир. Изучение наследия этого творившего на рубеже XVIII и XIX веков поэта, вообще-то лишь умеренно популярного среди своих современников, но со временем превратившегося в пророка, столетие назад вдруг сообщило значимый импульс развитию мировой словесности. Отечественный литературовед удачно охарактеризовал такое явление как “историю творчества, отложенного на век”. Переводы, переложения, толкования, декламации стихов классика немецких романтизма и идеализма обозначаются в гуманитарной науке как “гёльдерлиновское возрождение” и дают материал для размышлений филологам, философам, теологам. Если изучаешь немецкий Дунай, Гёльдерлина не обойти. Он вырос в Баден-Вюртемберге, неподалеку от Шварцвальда, но дело, конечно, не в местной географии: “речная поэзия” Гёльдерлина, его гимны о Дунае и Рейне содержат в себе концептуальный мировоззренческий заряд.

Гёльдерлиновская германская вертикаль – Рейн, рожденный в ледниках Швейцарии и изливающийся в Северное море в Нидерландах: “Покинув горы, привольно / Себя почувствует на немецкой почве, / Умиротворится и расправит члены”. В “горниле” этой реки, уверен Гёльдерлин, “будет все подлинное, чистое коваться”. Четыре пятых Рейна, самой протяженной реки современной Германии, приходится на немецкую территорию (863 километра). Рейн – неисчерпаемый резервуар древней и современной немецкой мифологии, и Гёльдерлин только один из ее певцов. В бассейне Рейна расположен Тевтобургский лес, в кущах которого восставшие германские племена под предводительством вождя Арминия в 9 году разбили армию Квинтилия Вара, установив речную границу своего варварского царства с Римской империей. На берегах Рейна развернулось действие средневековой саги “Песнь о Нибелунгах” и, соответственно, оперного цикла Рихарда Вагнера “Кольцо Нибелунгов”. В рейнские воды Вагнер погрузил хранилище бесценного клада прекрасных наяд Воглинду, Вельгунду и Флосхильду, а Генрих Гейне – деву Лорелею, сладким пением лишавшую рыбаков разума и осторожности. “Книгу песен” переводил в числе прочих и Александр Блок:

Пловец и лодочка, знаю,
Погибнут среди зыбей;
И всякий так погибает
От песен Лорелей.

В гимне “Рейн” Гёльдерлин называет исток реки, ниспадающей из альпийских ущелий в Боденское озеро, “бешеным полубогом”, от которого в страхе бегут люди, “увидев, как бьется он в мрачной своей западне”. Словно неземное существо Рейн ведет себя потому – поясняет, в частности, российский теоретик искусства Михаил Ямпольский, – что, повинаясь рельефу горной местности, река вначале поворачивает назад к истоку, а затем водопадом устремляется вниз. Исток таким образом – одновременно и падение, и становление.

Это и есть противоречие реки, по существу описывающее то, что в заметках о трагедиях Софокла Гёльдерлин назвал “противонаправленными ритмическими модуляциями”. В трагедиях, считал немецкий стихотворец, одна ритмическая волна движется от начала к концу, а другая – от конца к началу. Когда возникает наложение этих волн, поэтический метр требует цезуры, “чистого слова”.

Скала Лорелей. Открытка 1900 года.

Дунай, как подмечено в одной философской книге, существует “в противопоставительном соответствии Рейну”⁷. Дунай (по телеологии Гёльдерлина – западно-восточное немецкое измерение) отдает Германии пятую часть общей дистанции, если сверяться по современным границам, 647 первых своих километров. Сила и значение матери Donau не только в том, что ее скрытые в пущах Шварцвальда истоки делают эту реку символом и вдохновителем немецкого национального гения. “В верховьях Дунай течет нерешительно, – пишет один из исследователей творчества Гёльдерлина. – Его темные воды временами останавливаются и, завихриваясь в водоворотах, даже теснятся назад. Почти так, словно бы из того места, где река впадает в чужое море, проходило вторичное, спорящее с источником течение”. Вот и рождается “чистое слово”. Первые двести или триста километров Дуная действительно полны таких вот остановок и завихрений, они и впрямь способны вселить в путника меланхолию.

Начатый Гёльдерлином в 1803 году и оставшийся незаконченным гимн “Истр”, в котором Верхний Дунай назван именем, данным древними греками низовьям реки, философски истолковывает это странное противодвижение: река возвращается к началу, превращается в собственный исток. Ключевая идея Гёльдерлина, очарованного Античностью, вот в чем: родник западной цивилизации – в Греции, и Запад теперь не уплывает вдаль, а движется в обратном направлении, как Истр или Дунай, к своему завершению в Германии. Понятая

⁷ Площадь Дуная в Девятнадцатом районе Парижа в 1951 году была переименована в площадь Рейна и Дуная (Place de Rhin-et-Danube) – в честь Первой французской армии, в конце Второй мировой войны принимавшей участие в боевых операциях на юге Германии. Переименование тем не менее выглядит символическим.

философски река связана не только с немецкой, но также с античной и азиатской географией: сакральный поток приходит к немцам с Востока через Грецию (от двух райских рек, Инда и Алфея). “Исток дунайского истока” оказывается не на западе, в метафизическом смысле река струит воды против собственного течения. Своевольное километровое исчисление Дуная от его конца к началу может, конечно, противоречить и научной традиции, и здравому смыслу, но позволяет желающим двигаться по этой реке в обоих направлениях, одновременно и удаляясь от истоков, и приближаясь к ним. Гёльдерлин таким образом заставил Дунай совершить изящный “гесперийский поворот”.

Мартин Хайдеггер, автор одной из главных книг мировой философии XX века “Бытие и время”, подкрепил свой построчный анализ гёльдерлиновского речного гимна выводом о том, что Германия и есть западная цивилизация, естественная преемница греческого европейского начала. Продвигаясь на восток, Дунай, соответственно, может либо терять германскую духовную силу, либо, напротив, сообщать ее расселившимся ниже по течению реки народам. Австралийские авторы докэпопеи “Истр” иронически обыгрывают этот посыл: они фокусируют кинокамеру на несомых Дунаем скоплениях пластикового мусора; бесчисленные техноостровки представляют собой бесполезные и бессмысленные маяки цивилизации, в начале XXI века уже, естественно, не немецкой, а общеевропейской. Впрочем, в новой объединенной Европе как раз Германия играет ведущую роль. История повторяет саму себя: совершив роковые петли Первой и Второй мировых войн, она возвращается к описанным Гёльдерлином истокам.

ДУНАЙСКИЕ ИСТОРИИ КАК ДЕВА ОБЕРНУЛАСЬ РУСАЛКОЙ

В сентябре 1836 года в Париже состоялась премьера балета Шарля Адольфа Адана “Дева Дуная”. Романтическое представление в двух актах и четырех картинах следовало законам жанра: чистыми чувствами управляют волшебные силы. Специально для прима-балерины Марии Тальони балет поставил ее отец, балетмейстер Филиппо Тальони. Тальони считают лучшей европейской танцовщицей XIX века, именно она ввела в практику юбку-пачку и пуанты. Сюжет балета-сказки таков: юная красавица по имени Полевой Цветок (ее, сироту, нашли малышкой на цветущем поле) влюблена в Рудольфа, молодого оруженосца (по другой версии – сына) важного барона. Однако и сам властный аристократ останавливает свой выбор на Fleur-de-Champ. Влюбленные в отчаянии, ведь злая судьба оказывается сильнее их чувства. Чтобы не достаться постылому, девушка бросается в Дунай. Рудольф, помрачившись рассудком, также топится в реке. Влюбленные встречаются в пучине. Убедившись в силе их страсти, Нимфа Дуная возвращает Полевой Цветок и Рудольфа в мир людей. Балет стал европейской сенсацией. Через год отец и дочь Тальони отправились на гастроли в Петербург, а в 1838 году “Деву Дуная” поставили в Большом театре. За три десятилетия до Адана образ дунайской нимфы заинтересовал австрийского композитора Фердинанда Кауэра: он сочинил оперу-феерию “Дева Дуная” (другой вариант “Дунайская русалка”), впервые поставленную в Вене в 1798 году. Драматург Карл Фридрих Генслер взял за основу сюжета легенду о Лорелее и ее безответной любви к прекрасному рыцарю. Генслер и Кауэр заменили Рейн Дунаем, а драму превратили в бытовую комедию: романтический зингшпиль рассказывает о превратностях русалочьей жизни. Опера в различных интерпретациях стала популярной в Европе. В России ее

поставили в 1803 году под названием “Днепровская русалка”: это история любви крестьянской девушки Лесты и князя Видостана. Арию из первого акта оперы Казура упоминает в “Евгении Онегине” Александр Пушкин. В Австрии “Дева Дуная” была еще раз актуализирована в 1950-е годы – как авангардистский спектакль – творческими силами столичной Wiener Gruppe.

Еще почти через полвека ироническую концепцию дунайской сути изложил Милорад Павич, наблюдавший реку из своего белградского окна. Три странички его вязкого текста “Биография Дуная” – явная издевка над Гёльдерлином и Хайдеггером. Устье Дуная, пишет автор “Хазарского словаря”, было открыто раньше истока, поскольку река протекает от ада к раю. Чтобы попасть в преисподнюю, нужно просто скользить вдоль потока, а к небесам приходится с усилием плыть в неизвестность. Река времени и Дунай несут воды в разных направлениях: время течет с востока на запад, а река увлекает корабли и путников из сегодня во вчера, в глубину веков. Рыба, поднимающаяся на нерест от Черного моря, не способна поэтому состариться, замечает между прочим Павич.

Мастерство стихотворца Гёльдерлина заключалось в умении связывать философию и поэзию так, чтобы сгладить между ними границы. Развитое чувство изящного воспитало в поэте художественное отвращение к действительности, идеалы он искал в прошлом, под вечными небесами Эллады, в античном мистицизме. Для многих стихов Гёльдерлина, отмечают литературоведы, характерны настроения язычника, благоговеющего перед величием божественной природы. Поэзия, как часто бывает, переплеталась с жизнью. Юношескую ипохондрию Гёльдерлина, зарабатывавшего на жизнь преподавательской практикой, усилило страстное чувство к матери одного из учеников Сюзетте Гонтард. Эта Сюзетта, жена франкфуртского банкира, ответила пииту взаимностью, но роман был обречен на драматический финал, поскольку обманутый муж быстро разобрался в ситуации. Свой идеал женщины 27-летний Гёльдерлин вывел в главном труде жизни, романе в письмах “Гиперион”, в образе жрицы Диатимы. Болезненная любовь к Сюзетте-Диатиме, как считают биографы, обострила психическое расстройство Гёльдерлина и буквально свела его с ума, увы, не только в поэтическом смысле слова. А Сюзетта вскоре зачахла от инфлюэнцы.

Все главное – шесть томов философских стихов, философской прозы и романтических писем – Гёльдерлин сочинил к сорока годам. Еще свыше трех десятилетий полупомешанный гений прожил в Тюбингене под присмотром сердобольной семьи плотника Циммера. На похороны поэта не приехали ни члены его семьи, ни друзья юности Георг Гегель и Фридрих Шиллинг.

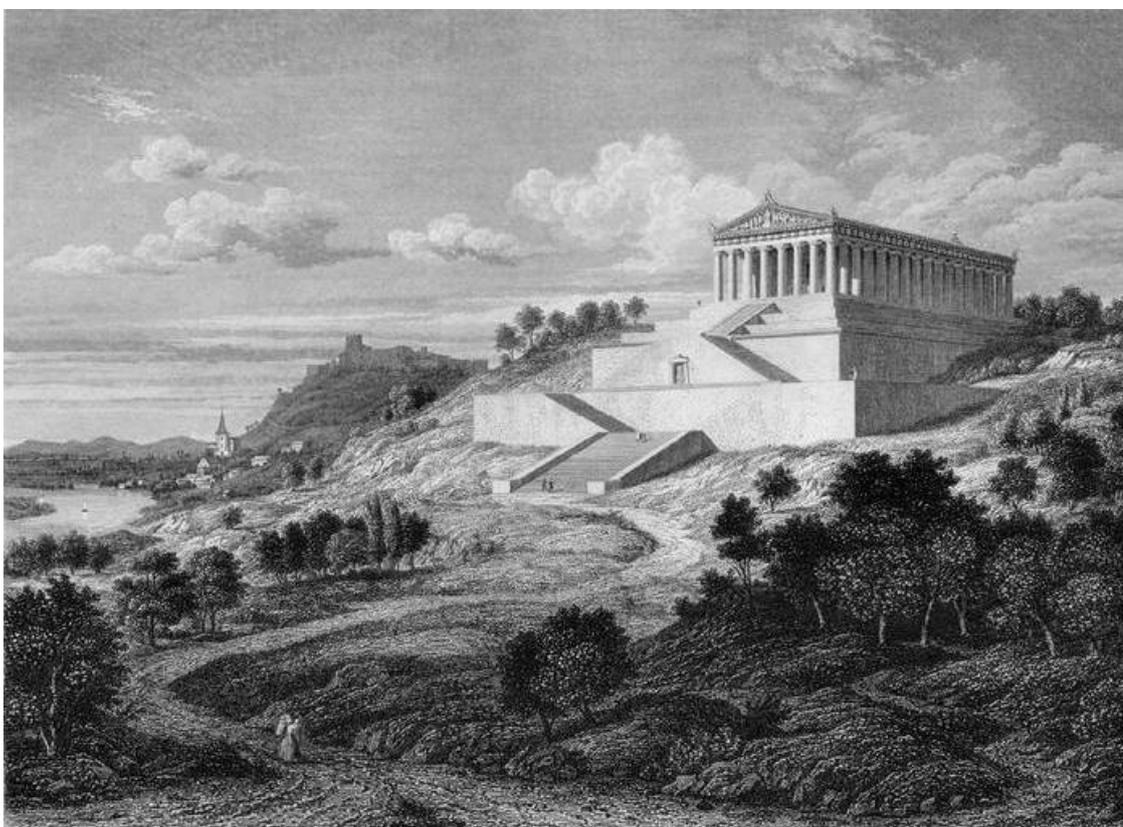
Не напрасно реки
Не высыхают. Но как?
Им нужен знак,
Не меньше, чтобы как-то солнце
С луной нести в покое, неразлучно,
И днем и ночью течь вперед, и чтобы
Приятно было небу отражаться —

вот верная философия поэзии и жизни! И впрямь, почему не высыхают реки? Нужно ли иное объяснение: реки текут, чтобы в них приятно было небу отражаться...

Пафос антично-алеманских аллегорий набрал особенную популярность в Центральной Европе после окончания Наполеоновских войн (в немецкой историографии этот период известен как Освободительная война 1813–1815 годов) и образования Германского союза, в очередной раз обозначившего политическое и мировоззренческое единство десятков разных

немецкоязычных территорий, от Кёнигсберга до Люксембурга, от Бреслау до Шверина. В отличие от поэта-философа Гёльдерлина, преклонявшегося перед античной традицией, но подчинявшего ее национальному началу (поэт называл это “освобождением от греческой буквы”), диктовавшие своими волей и кошельком художественную моду правители той поры старательно следовали нормам классицизма. А классицизм подразумевал принятие греко-римского искусства как абсолютного образца для подражания. Живописная долина немецкого Дуная предоставила великолепные возможности для архитектурных экспериментов. Главный и самый пылкий среди царственных немецких экспериментаторов – король Баварии Людвиг I Виттельсбах, старавшийся превратить свою столицу Мюнхен в “новые Афины”.

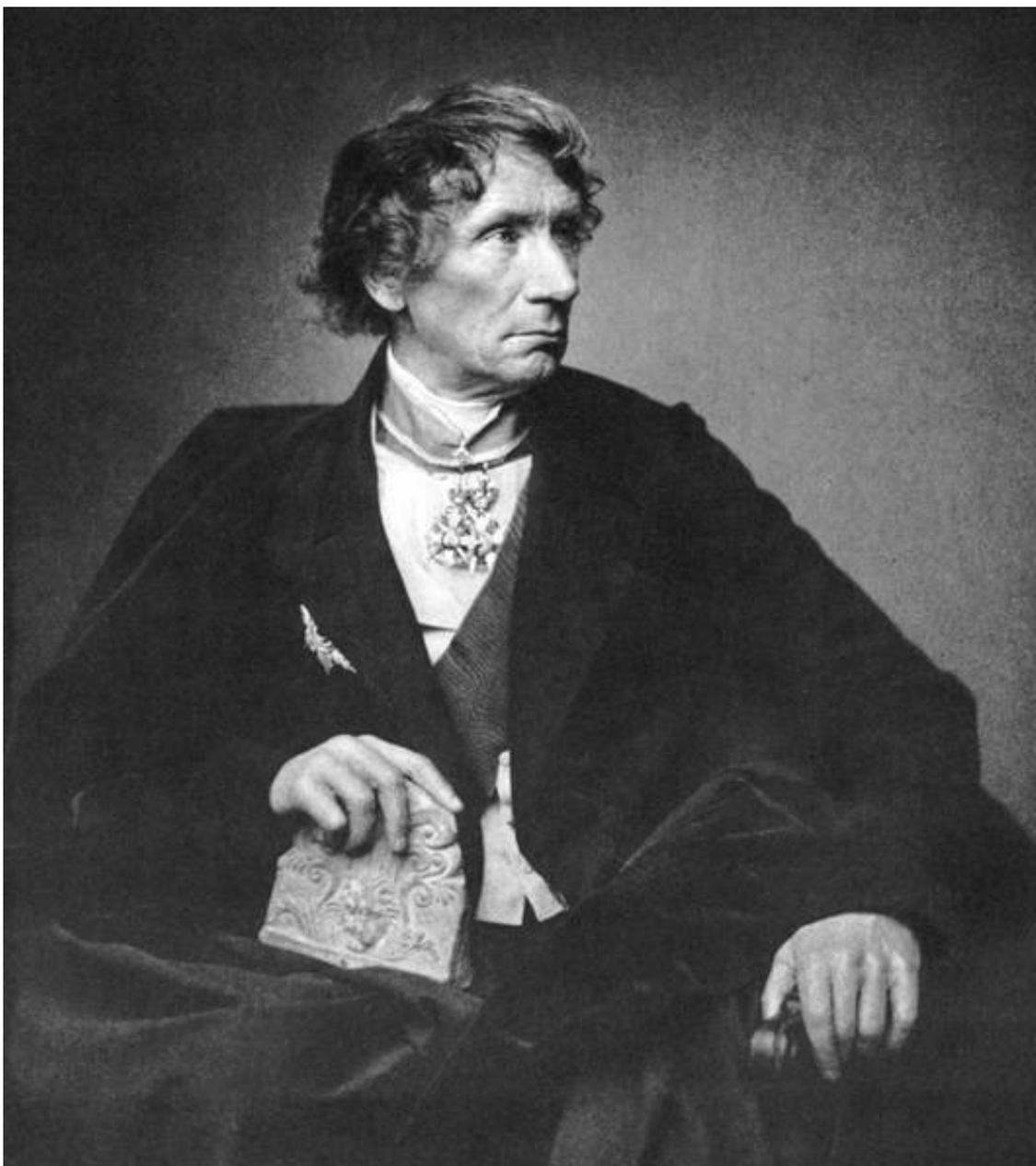
ДУНАЙСКИЕ ИСТОРИИ КАК КОРОЛЬ ВОЗВОДИЛ ПАНТЕОНЫ

Карстен Дёрр. “Вальхалла”. 1845 год.

В 1827 году Людвиг I распорядился начать на холме над Дунаем, близ местечка Донауштауф в десяти километрах от Регенсбурга, строительство Зала славы Walhalla. Вальхалла в немецко-скандинавской мифологии – небесный чертог для павших в бою доблестных воинов. Идеологическая цель проекта, который Людвиг замыслил, еще будучи принцем, заключалась в том, чтобы подтвердить преемственность Германией античной культуры. Архитектор Лео фон Кленце (автор проекта здания Нового Эрмитажа в Петербурге) не искал оригинальности: за образец пангерманского пантеона он взял главный храм древних Афин, Парфенон. В Зале славы установлены скульптуры “великих немцев” и посвященные им мемориальные доски. В отличие от мифической Вальхаллы, где пировали только воины, немецкий

рай Людвига I предназначен также для ученых и поэтов, писателей и художников, государственных деятелей и служителей культа. Главный мраморный персонаж “Вальхаллы” – сам баварский король в римской тоге, увенчанный лавровым венком (памятник установлен после смерти Людвига). Главным критерием отбора “великих” стала их принадлежность к немецкой культуре, поэтому среди героев “Вальхаллы” – представители многих государств, в том числе России: Екатерина II Великая, фельдмаршал Христофор Миних, князь Михаил Барклай-де-Толли и граф Иван Дибич-Забалканский. К моменту открытия Зала славы, осенью 1842 года, в пантеоне были увековечены имена 160 человек. Сейчас в “Вальхалле” 195 памятных знаков (из последних дополнений: Альберт Эйнштейн, Конрад Аденауэр, Генрих Гейне, Софи Шолль). На следующий день после открытия Зала славы Людвиг Баварский заложил первый камень в фундамент Зала освобождения Befreiungshalle. Этот пантеон на холме Мехельсберг у города Кельхайм возведен в честь освобождения германских государств от Наполеона. Строительство начал архитектор Фридрих фон Гертнер, а продолжал и завершал в 1863 году (на личные средства Людвига, в 1848 году потерявшего трон) все тот же Лео фон Кленце.

Лео фон Кленце. 1856 год.

Это сакральное здание подчинено масонской нумерологии, многое в его размерах кратно шести. По внешнему обводу пантеона, который из-за его оригинальной формы в шутку сравнивают с газохранилищем, установлены 18 фигур, символизирующие германские племена (в их число включены чехи и мораване). Вот что писал о Befreiungshalle Клаудио Магрис: “Освободительные войны 1813–1815 годов и реформаторский дух, выразителем которого стали просвещенные политики и генералы, имели мало общего с националистическим пафосом, в духе которого построено это здание. Германия поры пробуждения переживала короткий миг прогресса, обновления, надежды. Германия, которая воздвигла памятник на берегу Дуная, стагнировала в условиях политической реакции”. В 1842–1850 годах Лео фон Кленце построил по воле Людвига I еще один Зал славы – на мюнхенском лугу Терезиенвизе, где проводится пивной праздник

Октоберфест. В античном портике установлены скульптуры знаменитых баварцев, а перед павильоном воздвигнута бронзовая статуя Баварии.

Король окружил себя людьми искусства и культуры, учредил Академию художеств, занялся возведением помпезных зданий в греко-римском стиле и коллекционированием античных скульптур. В политической области романтические увлечения эксцентричного монарха проявились в содействии восстанию греков против Османской империи. В 1833 году, после упразднения в освобожденной десятилетием ранее Элладе республики, Людвиг согласился на избрание своего сына, 17-летнего Оттона, греческим королем. Это недешево обошлось баварскому казначейству, вынужденному поддерживать разоренную чужую страну. Оттон процарствовал в Афинах почти три десятилетия, затем был низложен революционерами и еще при жизни своего отца вернулся на родину.

Людвиг I Баварский. Литография. 1830 год.

Поэт и царь напомнили об античном прошлом Дуная, причем если в древнеримской системе координат эта река была последним рубежом освоенного мира, то для набиравшей силу Германии она стала важной скрепой национального единства. Современник Гёльдерлина и Людвиг, экономист Фридрих Лист указывал, что “естественная” ориентация немцев на юго-восток, по течению Дуная, увеличит германское могущество. “Частью немецкой души, немецкой славы и немецкого страдания” еще через столетие назвал Дунай историк Генрих фон Србик. Србик выступал за распространение германских идеалов в Центральной и Восточной Европе, формирование под немецким влиянием универсальной цивилизации. Из дунайских славян могут получаться немцы, считал он, подобно тому как из варваров

получались римляне. Однако настоящая культура может быть только немецкой, как прежде настоящей культурой была только античная.

Главные дунайские памятники “германской античности” – конечно, возведенные по велению короля Людвиг пантеоны немецкой славы. К “Вальхалле” от дунайского берега ведут 358 мраморных ступеней, на крутой холм Мехельсберг от реки поднимается кривой дугой километровая лесная дорожка. Мне покорились обе символические вершины германского духа. Здесь каждый квадратный сантиметр цветного камня, свезенного из разных уголков Немецкого Мира, продуманно подчинен восхвалению славного прошлого и возвышению национального гения. Ничто не предоставлено случаю, все рассчитано до мельчайших деталей, все – рельеф местности, лесной пейзаж, человеческие умения и таланты, солнечное освещение, даже порывы ветра – служит тому, чтобы подчеркнуть, обрамить, оформить, высветить, оттенить гордую идею величия, ради осуществления которой Людвиг Баварский не пожалел ни своих времени и воображения, ни вдохновения и карандашей своих архитекторов, ни средств из своей казны, ни сил и стараний тысяч своих подданных.

Немецкие победы здесь охраняют мраморные валькирии⁸ (одна символизирует храбрую быструю победу; другая – победу, добытую ценой больших жертв; третья – решающую победу после кровавого сражения и т.д.); о немецких свершениях здесь рассказывают многофигурные мраморные барельефы; мраморные аллегории немецких земель склоняются здесь к мраморному трону Германии. 34 крылатые девы Зала освобождения, вставшие в круг, символизируют 34 существовавших в пору строительства пантеона германских государств; 17 бронзовых щитов несут на себе указания о германских викториях; на 18 мраморных таблицах высечены имена победоносных германских полководцев. “Пусть все немцы всегда чувствуют, что у них есть общая родина – родина, которой можно гордиться!” – воскликнул король Людвиг на церемонии открытия “Вальхаллы”. “Пусть немцы никогда не забудут, почему нужна была битва за освобождение!” – начертано мрамором на узорчатом полу *Befreiungshalle*. С 45-метровой высоты через стекло круглого купола прямо на эту надпись падает сноп холодного света. Другого освещения Победы не предусмотрено.

Панорамные виды с цоколя Зала славы и с галереи Зала освобождения являют два разных образа немецкого Дуная. Через реку от “Вальхаллы” – и налево, и направо, к Регенсбургу, – сколько хватает глаз, расстилается сельскохозяйственная равнина, в бесконечную перспективу которой уплывают немецкие облака, пока ты, болтая ногами, сидишь на прохладном камне (чтобы не испортить классических очертаний пантеона, здесь не предусмотрены поручни, объявления предупреждают: будьте осторожны, не упадите!). От Мехельсберга Дунай серебряной, сверкающей на солнце мокрой змеей уползает в Вельтенбургское ущелье, в скалистую долину и рыже-ржавые леса. Середина осени – лучшее время для таких турпоходов; пышное природы увядание созвучно величию Германской Вечности.

Самые многочисленные посетители Людвиговых пантеонов в этот сезон – энергичные пенсионеры, на склоне лет проводящие последнюю инвентаризацию того, чему их полвека назад учили в школе. Это дети первого послевоенного поколения, зачатые привычками рассчитывать семейный рацион по пищевым карточкам матерями от вернувшихся из военного плена отцов. Бодрые старички, в крепких дорожных ботинках и сами еще крепкие, они настойчиво преодолевают ступени “Вальхаллы”. Из Кельхайма беззаботный речной теплоход доставляет туристов в монастырь Вельтенбург, на дегустацию самого старого в мире (ab 1050) темного монашеского пива. Германия их родителей не пережила испытания собствен-

⁸ Валькирии – в германо-скандинавской мифологии девы-воительницы, сопровождающие погибших героев в Вальхаллу. Девы прислуживают воинам за столом, разнося мед. Иногда верховный бог Один дарует им право решать исход битвы. У валькирий жестокие лица и страшные имена: Рандгрид (“Разбивающая щиты”), Рота (“Сеющая смятение”), Хлекк (“Шум боя”), Хьерфьтур (“Оковы войны”).

ным величием – рейх уже рассыпался, только его гранитно-мраморные пантеоны стоят на дунайских холмах.

Мнение о Дунае как о немецкой реке и мнение о законном немецком праве на полный контроль над этой рекой укреплялись по мере того, как крепла и развивалась германская идея. После разрешения прусско-австрийского конфликта⁹ и образования Германской империи Дунай превратился в один из каналов распространения теории и практики пангерманизма. На этнических картах Европы той поры территория расселения немцев похожа на комету, обращенный на восток хвост которой теряет сотни капель “космического вещества” – немецкие анклавы разбросаны аж до Волги и Урала. В начале XX века на тему немецкого проникновения на юго-восток много теоретизировали в журнале *Die Freie Donau*, “Свободный Дунай”. При национал-социалистах реку назвали “германским водным путем”: завоевания рейха потребовали активной навигации и использования энергетического потенциала реки. Гитлер считал Дунай “поток будущего”, связанным с Доном и Днестром через Черное море; в рейх – пусть и против дунайского течения – стали поступать с оккупированных территорий нефть и зерно.

Главным портом Дуная, “новым Гамбургом на юге”, назначили Вену. Министерство вооружений разработало “великий проект Железных ворот”, предусматривавший запуск на Дунае “энергетического сердца” – строительство ГЭС для снабжения электричеством промышленных объектов на Балканах (в изменившихся политических условиях такой проект в 1964–1972 годах осуществили Югославия и Румыния). Разрабатывались планы соединения Дуная с разными морями: Северным, Балтийским, Адриатическим, Эгейским. Немцев юго-востока Европы национал-социалисты предполагали сосредоточить в окрестностях Белграда; сербы подлежали расселению, а город – переименованию. Немецкая община мечтала о создании независимого национального государства в междуречье Дуная и Тисы. Но вожди рейха решили иначе: в 1941 году к северу от Белграда, на территории сербского Баната¹⁰, был образован “всего лишь” самоуправляемый немецкий административный район.

Теперь немецкий Дунай заканчивается, как ему и велено картами, строго в местечке Обернцелль (а австрийский – строго в местечке Хайнбург), потому что политкорректность начала XXI века не позволяет реке и каплей переливаться за границы. Германский водный слалом по “потoku будущего” обернулся катастрофой. Идеологический и военный порывы национал-социализма перечеркнули усилия многих поколений немцев, которые своим трудом, упорством, талантом столетиями покоряли и осваивали некогда девственный дунайский край. Теперь в этом краю память о Гёльдерлине живет рядом с памятью об Адольфе Гитлере, которая куда более материальна, зрима, осязаема, чем все античные и средневековые руины.

Кастрюля Зала освобождения и храма Зала славы, монументальные песнопения эпоса о германском походе по Дунаю, вызывают (по крайней мере, у человека русского культурного круга и советского образования) довольно сложносочиненные эмоции. Я пытался перевести эти ощущения в словесные образы, обгоняя пыхтящих по ступеням “Вальхаллы” пенсионеров и глядя с верхотуры *Befreiungshalle*, как яркой золотой звездой падает за Дунай немецкое солнце. Скажу вот так, не без некоторого пафоса: это памятники победам, начисто

⁹ Летом 1866 года противоречия между Пруссией и Австрийской империей привели к так называемой Семинедельной (или немецко-немецкой) войне, разделившей германский мир: на стороне Берлина выступили 16 государств, на стороне Вены – 13, в том числе придунайские Баден, Вюртемберг и Бавария. Относительная технологическая отсталость и европейская политическая изоляция Австрии послужили причинами ее поражения. Основным итогом войны стал отказ Габсбургов от идеи объединения немецких земель под своим началом и переход к Пруссии лидерства в германском мире.

¹⁰ Банат – историко-географический район к северу от Дуная, между Тисой и Карпатскими горами. Большая часть Баната входит в состав Румынии (с центром в Тимишоаре, на берегу Дуная расположен город Оршо́ва), западная часть принадлежит Сербии (придунайские города Панчево и Ковин, а также белградский район Палилула), северная оконечность – территория Венгрии.

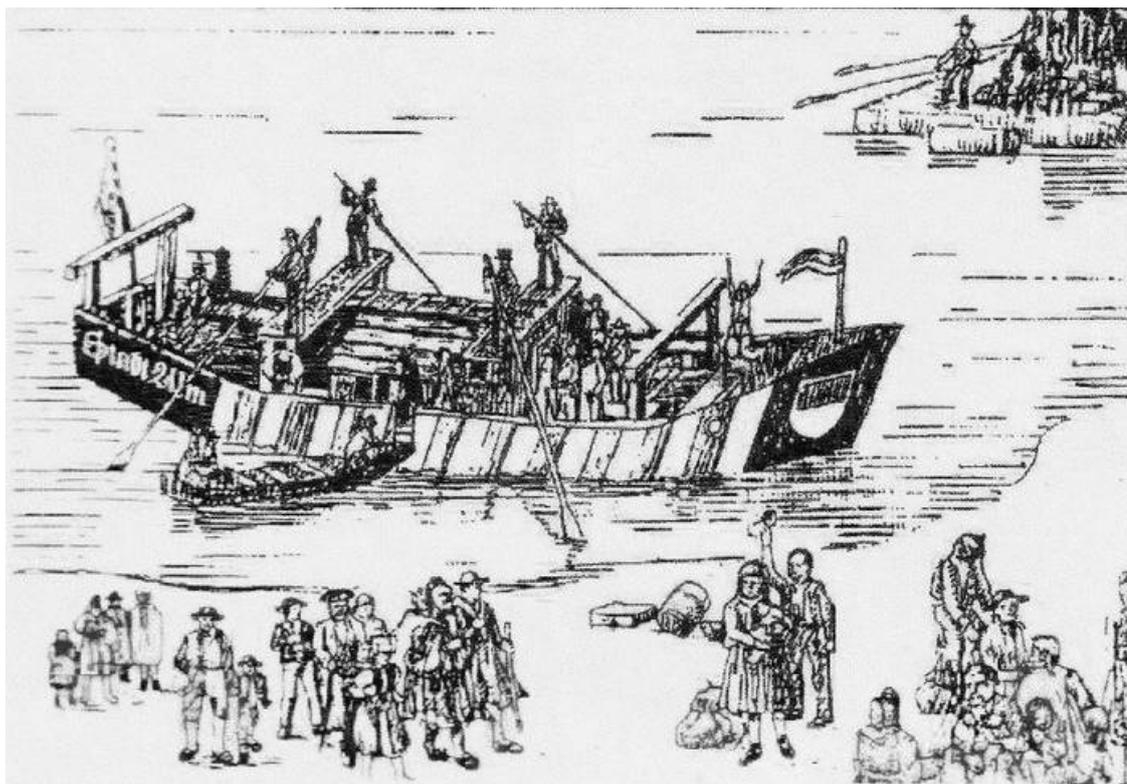
отрицающим возможность поражения; это возвеличение подвига, не ведающего о страдании; это гимн доблести, не знающей позора. Снова листаю Гёльдерлина и Хайдеггера: если у немецких славы и гордости есть истоки, то их следует искать и у истоков Дуная.

Кельхайм и Зал освобождения. Открытка 1900 года.

Впрочем, у такой победительности, вообще характерной для имперского типа общественного сознания, должен быть противовес: если где-то хором воспевают, значит где-то кто-то должен, пусть соло, проклинать. Отборные дунайские проклятия слышались в двухстах километрах выше Кельхайма по течению, в городке Зигмаринген. Это бывшая столица небольшого княжества Вюртемберг, которым столетиями, под покровительством мученика монашеского ордена капуцинов святого Фиделия Сигмарингенского, управляли представители младшей ветви семейства Гогенцоллернов – до той поры, пока в середине XIX века Пруссия не прирезала эти земли себе. В милейшем Зигмарингене Жюль Верн открыл действие своего романа о дунайском лодмане. К той поре город уже успел погрузиться в провинциальное забвение, от которого ему, боюсь, уже не опомниться никогда. Часовыми былой гордости здесь высятся памятники разным Гогенцоллернам, я насчитал их не меньше полудюжины. И вот в конце Второй мировой войны этот княжеский двор вдруг стал столицей фактически несуществовавшей державы.

ДУНАЙСКИЕ ИСТОРИИ КАК НЕВЕСТЫ ПЛЫЛИ НА “ДЕВИЧЬЕМ КОРАБЛЕ”

“Ульмская коробка”. Рисунок. Середина XVIII века.

В 1719 году будущий герцог Вюртемберга Карл Александр снарядил для расквартированных в гарнизонах Баната немецких офицеров судно, на борту которого вниз по Дунаю направились 150 непорочных невест из Баварии и Швабии. Процесс переселения немцев на восток начался еще в XII веке: бауэры и бюргеры прибывали на малоосвоенные пограничные территории по приглашению королей Чехии, Венгрии, Польши, получая права на самоуправление, налоговые привилегии и земли в собственность. Крупная переселенческая община в Средневековье сформировалась в Трансильвании¹¹; за немцами, принесшими в эти края развитую городскую культуру и передовые методы хозяйствования, закрепилось общее наименование “саксы”. После побед в войнах с Османской империей на рубеже XVII–XVIII столетий правительство Австрии провело несколько кампаний по заселению безлюдных придунайских венгерских земель. Разрешение на миграцию обычно получали только женатые мужчины; многие вступали в брак непосредственно перед тем, как отправиться в речной путь, как правило, на специальных баржах из Ульма или Гюнцбурга – “Ульмских коробках”. Всего на новые земли в XVIII веке перебрались около 150 (по другим данным – до четырехсот) тысяч человек. Освоенная немцами территория в междуречье Дравы и Дуная (нынешние венгерские районы Тольна и Баранья) получила название “Швабская Турция”, а сеть немецких поселений в среднем течении реки – “Дунайская Швабия”.

¹¹ Трансильвания – историческая область на северо-западе современной Румынии. В Средние века – самоуправляемая область Венгерского королевства, в XVI–XVII веках – самостоятельное княжество. В начале XVIII века Трансильвания попала под власть Габсбургов, после распада Австро-Венгрии целиком вошла в состав Румынии. В области проживает значительное венгерское меньшинство.

Переселенцы сохраняли архаичный немецкий язык, их обычаи сочетались, но не сливались с местными. Национальная община не была однородной: различались “венгерские немцы”, “немцы Воеводины”, “банатские швабы”, “швабы Сату-Маре”. Потомки переселенцев тем не менее предпринимали попытки политического объединения, после Первой мировой войны обсуждался проект образования на придунайских территориях независимой Банатской республики. Тогда же было кодифицировано самоназвание “дунайские швабы”; еще через десять лет МИД Германии признал эту общину самой молодой немецкой этнической группой. Численность дунайских швабов накануне Второй мировой войны составляла, по-видимому, не менее миллиона человек; многие из них приветствовали приход к власти в Берлине Национал-социалистической партии. После войны дунайские швабы подверглись репрессиям: погибло не менее 250 тысяч человек, почти всех выживших депортировали в Германию или отправили в сталинские лагеря. Сейчас в Венгрии и Румынии проживают примерно по 60 тысяч немцев, в бывшей Югославии – около 15 тысяч. Германское присутствие в “немецких” районах Венгрии, Хорватии, Сербии, Трансильвании теперь почти не ощущается. Интерес к прошлому стал диковинкой: хозяин букинистического магазина в румынском городе Брашов (нем. Kronstadt) был так растроган моими вопросами, что на прощание подарил сборник “Английская романтическая повесть” на языке оригинала, изданный в 1980 году московским издательством “Прогресс”. В Германии и Австрии изучением истории и культуры трансильванских саксов и дунайских швабов занимаются несколько научных обществ и институтов. В старой крепости Ульма открыт Музей дунайских швабов.

Осенью 1944 года отступавшие и на Западе нацисты превратили живописный замок Гогенцоллернов на дунайской круче в резиденцию правительства марионеточного Французского государства¹². Княжескую семью выселили. Зигмаринген получил формальный статус города-государства, при котором были аккредитованы посольства Германии, Италии и Японии, где работала франкоязычная радиостанция и выходили франкоязычные газеты. Вместе с министрами и чиновниками в Зигмарингене нашли убежище сотрудничавшие с гитлеровцами новые изгнанники, полторы или две тысячи человек. После войны этих *les collabos* перестреляли, повесили, посадили, во всяком случае, приговорили к “общественному бесчестию”.

¹² Французское государство – коллаборационистский режим Южной Франции со столицей в городе Виши, возникший в июле 1940 года. Когда в 1942 году Германия оккупировала всю территорию Франции, власть режима Виши стала номинальной. Формально это государство было нейтральным, но действовало в русле германской политики. Последние месяцы своего существования правительство Виши работало в изгнании.

Замок в Зигмарингене. Открытка 1905 года.

Среди такой вот неуместной публики оказался и Луи-Фердинанд Селин, “безмерно талантливый писатель и невероятно несчастный, не нашедший места в собственной жизни человек, из личного несчастья которого произросла утонченная, странная, нелинейная, аморфная проза”. Селин, не скрывавший своих антисемитских взглядов, еще в 1930-е годы получил в либеральных кругах репутацию человеконенавистника и “злобного сумасшедшего”. Один исследователь его творчества сравнил прозу Селина с “тяжелой черной рекой, заполненной трупами иллюзий и мертвыми надеждами”. И это тоже правда: в вышедшем в 1957 году романе “Из замка в замок”, первой части автобиографической трилогии, именно в таком образе предстает Дунай. Посвященная войне, Зигмарингену и жизненной бессмыслице книга Селина по части гибкости стиля и силы метафоры – пожалуй, лучшее из того, что мне довелось читать об этой реке.

В Германии Селин занимался врачебной практикой, ожидая и даже приветствуя в силу цинизма своей противоречивой природы крушение рейха. Замок Гогенцоллернов представлялся ему логовом “едва ли не самых хищных волков Европы”. Писатель так презирал Зигмаринген, что исковеркал название города идеологией: в немецком Sigmaringen Селин услышал сходство с нацистским Sieg (*нем.* победа). Но никакой победы в окружающем его мире писатель не обнаружил: это всего лишь фрагмент картины тотального разочарования в человечестве. Дунай, по Селину, – загнивающая река истории, поток грязи и насилия, который в конце концов принесет цивилизации долгожданную смерть: “Буль-буль!.. бурливый и своенравный Дунай! он поглотит всех!.. вот вам и Donau blau... бляха муха!.. эта безумная неукротимая река способна унести Замок вместе со всеми его колоколами... и демоническими личностями!.. да что там! черт побери! все трофеи, латы, знамена и горны, от которых в свое время сотрясался весь Черный лес и огромные вековые сосны!.. они тоже не выдержат и рухнут!.. смешаются с лавиной обломков!..” Великие исторические персонажи, сменявшиеся на берегах реки, казались Селину “дунайскими гангстерами”. “Вальхаллой”, конечно, он не восхищался.

У своего зигмарингенского замка Гогенцоллерны-младшие перегородили Дунай плотиной, рядом с которой построили снабжавшую их карликовую столицу светом и теплом первобытную электростанцию. Растолстевшая река здесь выглядит как озеро, иногда довольно грязное и мутное. Гуляя по берегам и любуясь на эту муть, Селин, очевидно, и сам напивался черной желчью. Когда весной 1945 года Зигмаринген заняла французская армия, речной поток никуда не унес древний замок, оставив в покое вековые сосны и портреты “демонических личностей”. Река, к раздражению Селина, не смогла утопить человечество в своих пучинах. Писатель бежал в Данию, его ждали тюрьма и ссылка, амнистия и возвращение на родину. Своему последнему роману “Ригодон” Селин предпослал эпиграф “Посвящается животным”. Человек, который своей болтовней, жадностью, тщеславием способен только замутнить сущность бытия, представлялся Селину созданием в высшей степени нелепым.

Ульм. Открытка 1890–1900 годов.

В одной из сцен романа “От замка к замку” его герой с мрачным удовлетворением наблюдает за тем, как эскадрильи британских самолетов направляются на восток – бомбить расположенные ниже по течению Ульм, Гюнцбург, Ингольштадт. Река служила для пилотов смертельной путеводной нитью, от их “ударов возмездия” гибели оказавшиеся в переполненных городах немецкие беженцы – женщины, дети, старики. В Ульме, городе на границе Вюртемберга и Баварии, из почти тринадцати тысяч зданий уцелели только две с половиной. Самый высокий в мире христианский храм, знаменитый Ульмский Мюнстер (161 метр от фундамента до верхушки шпиля) чудом почти не пострадал. Утверждают, что в ясную погоду с соборного шпиля видны гребни Альп, но это неправда, зато видно, как Дунай бесконечными мягкими петлями уползает в никуда, а горгоны, химеры и гарпии зло и бессильно разевают свои пасти реке вдогонку.

В Ульме до войны жили Ганс и Софи Шолль, участники студенческой группы сопротивления “Белая роза” из Мюнхена. Они выбрали тактику ненасильственной борьбы и пытались распространять листовки с пацифистскими призывами; в феврале 1943 года их арестовали и казнили. Софи стала иконой немецкого антифашистского сопротивления – я видел ее скульптуру в “Вальхалле”, на экраны вышли уже три ее кинобиографии, в ФРГ давно существует литературная премия имени брата и сестры Шоллей. Вот что важно: Ганс в первые годы войны сражался во Франции и на Восточном фронте, а до этого, как и все немецкие юноши, состоял в гитлерюгенде. Софи вместе со своими одноклассницами носила черный галстук Союза немецких девушек. Они были детьми успешного чиновника, одно время даже занимавшего пост бургомистра небольшого южнонемецкого городка. Почему же брат и сестра Шолли, в отличие от миллионов своих сверстников, не стали политическими солдатами рейха? Как и где они нашли силы для борьбы, наверняка понимая, что рано или поздно будут схвачены и обвинены в государственной измене? Но ведь можно спросить и по-другому: почему в “Белой розе” состояли всего только восемь немцев, семь студентов и один преподаватель? В закоулке Соборной площади Ульма героям-студентам установили памятник: два стройных стальных швеллера с татуировками в виде кружевных белых цветов. Лепестки против металла.

Нацизм парализовал Германию – как сталинизм парализовал Советский Союз, – потому что тоталитарный строй лишает общество воли к сопротивлению. В Регенсбурге единственным актом неповиновения Гитлеру стала весной 1945 года демонстрация жителей с требованием сдать город наступающим американским войскам без боя; демонстрацию разогнали, троих зачинщиков расстреляли. А прокламации “Белой розы” в последние месяцы войны стали пропагандистским материалом союзников: листовки тиражировали и миллионами сбрасывали на немецкие города во время авиационных налетов. Очевидно, вместе с бомбами.

Клеймо абсолютного злодейства хранит в своей утробе Гюнцбург, тихий баварский городок, отчеркнутый от Дуная линией железной дороги: это мемориал памяти жертв Йозефа Менгеле, хирурга-садиста из концлагеря Аушвиц-Биркенау. Военный преступник Менгеле, отвечавший за очередность уничтожения заключенных в газовых камерах, проводивший чудовищные медицинские эксперименты на еврейских и цыганских детях (особенно доктора интересовали близнецы, которых он сшивал воедино и которым с помощью химических препаратов пытался изменить цвет глаз), родился в Гюнцбурге. Капитана Менгеле назначили в Аушвиц-Биркенау после ранения на Восточном фронте; Железный крест он получил за спасение экипажа горящего танка. Достойный подвиг для военного врача, если не учитывать, погоны какой именно армии носил гауптштурмфюрер. Жизнь и смерть сотен тысяч заключенных Менгеле распоряжался 21 месяц, и жертв его экспериментов не счесть. Практику хирурга Менгеле продолжил в Латинской Америке, куда бежал под чужим именем через пару лет после войны. Он так и умер безнаказанным, не признав – и, очевидно, не осознавая? – своей преступной вины.

Такое встретишь нечасто: памятник убиенным от руки человека, который, выходит, самым фактом появления на свет покрыл родной город черной славой. Город, конечно, не виноват, однако гюнцбургская история довольно скудна и ей, очевидно, некого противопоставить дьяволу Менгеле: составители “ленты времени” на главном местном туристическом портале насчитали, хотя и стартовали с античного 75 года, лишь восемнадцать заслуживающих упоминания событий. Но поговорка “Стыд не дым, глаза не ест” – не про Германию. В 2005 году гимназисты Гюнцбурга, баварские мальчики и девочки, изготовили слепки десятков детских лиц, и теперь с вертикальной бронзовой плиты в сквере на улице Мюнцгассе, за углом от салона красоты фрау Беттины Баль, смотрят на мир десятки бронзовых глаз. Это глаза умерщвленных доктором Менгеле детей.

В бронзу отлиты здесь и слова австрийского журналиста Жана Амери (Хаима Мейера), автора сборника эссе “За пределами вины и искупления”, одной из главных книг о холокосте: “Никому не дано уйти от прошлого своего народа. О прошлом нельзя забывать, иначе оно воскреснет и превратится в новое настоящее”. Менгеле и Мейер были почти ровесниками, они родились и умерли с разницей в год. Мейер, как и Менгеле, 21 месяц провел в концентрационных лагерях, только провел совсем по-другому. После освобождения он уехал в Бельгию, взял французский псевдоним, двадцать лет отказывался писать по-немецки и ступать на немецкую землю. В отличие от доктора-нациста, скончавшегося от инсульта во время купания в океане, Мейер-Амери сознательно свел с жизнью счеты, приняв в 1978 году смертельную дозу снотворного. Он так и не смог забыть ужас концлагеря. А Менгеле концлагерь ужасом вовсе не казался.

Если от мемориала на Мюнцгассе повернуть налево и пойти по направлению к храму Пресвятой Девы Марии и маленькому дунайскому притоку Гюнц, то не минуешь еще одного памятника: “Корчак и дети”. Польский еврей Януш Корчак (Эрш Хенрик Гольдшмит) был всемирно известным педагогом и организатором варшавского “Дома сирот”. Он погиб в 1942 году вместе со своими воспитанниками в газовой камере лагеря Треблинка; на смерть учитель отправился фактически добровольно, потому что не считал возможным оставить в опасности детей. К Гюнцбургу Корчак не имел отношения. Однако, видимо, не так легко быть земляками Йозефа Менгеле. Памятник Корчаку открыли на полтора года раньше, чем монумент мертвым детским глазам.

Еще в Гюнцбурге есть парк развлечений Legoland, сказочная страна из пятидесяти миллионов разноцветных игрушечных кирпичей.

Главный город немецкого Дуная – Регенсбург, “поднявшийся” в Средние века до федерального, как сказали бы сейчас, уровня за счет прибыльной торговли, прежде всего солью. Барыши от успешных перепродаж позволили городскому совету перекинуть через Дунай каменный мост, по которому в 1147 году армия крестоносцев французского короля Людовика VII проследовала в далекий путь на Святую землю. Крестовый поход окончился неудачей, а вот мост на Дунае, самый старый из дошедших до наших времен, оказался почти вечным; за восемь с половиной веков существования он превратился из чуда технической мысли (310 метров, 15 пролетов) в историческую диковинку. Стоять на таком древнем Каменном мосту и глазеть, как быстрая дунайская волна разбивается об остроносые гранитные ледорезы, – сплошное удовольствие; вода кажется чистой, темной, течет пластами, словно жидкий мармелад. На южном берегу к башне моста примкнул древний соляной склад, основательный восьмиэтажный домище с острой крышей; в его недрах, помимо музеев и инфоофиса, расположен зал пивного ресторана “Историческая кухня”, чуть ли не самого знаменитого на Дунае. Уже пять веков, при всех политических режимах, здесь кормят свиными сосисками с кислой капустой, всё особого рецепта. Вместе с сытостью и сонливостью приходит идея немецкого дунайского озорства: вот бы какой-нибудь спесивый владетель взял и дерзнул переполнить реку пивом и населить ее вместо рыб сосисками!

Регенбург. Старый мост. Литография XVII века.

Регенбург. Открытка 1900 года.

Вольный купеческий Регенбург, в котором власть герцогов и архиепископов уравновешивалась самоорганизацией ремесленных и торговых цехов, формально мог считаться общегерманской политической столицей, поскольку здесь (с 978 года время от времени, а с 1663 по 1806 год постоянно, с одним только восьмилетним перерывом) проходили заседания сословного собрания Священной Римской империи. Рейхстаг, может, немного решал, однако добавлял Регенбургу всенемецкого уважения и престижа. Еще важнее: добавлял самоуважения, ведь тогдашняя жизнь была устроена не так, как сейчас. Национальное сознание только формировалось, приличных дорог не существовало, как и регулярной почтовой

связи. Бюргеры сидели за высокими стенами, окруженными со всех сторон опасностями неприветливого мира. Так что в представительном, но все же относительно скромном рейхсзале Старой ратуши – деревянные потолки, душные гобелены, витражные окна, массивная люстра, затхловатый воздух – кажется невероятным, что отсюда пытались управлять половиной Европы. Здесь же, на последней пленарной сессии, империю германской нации в 1806 году и распустили. По воле истории центром законотворчества Регенсбург стал, уже потеряв свой коммерческий потенциал: после взятия османами Константинополя и открытия Америки маршруты главных торговых путей сместились от баварского участка Дуная.

Виновными в экономическом спаде сочли иноплеменных торговцев: в 1519 году добрые горожане разгромили и выселили из Регенсбурга еврейскую общину, синагогу сожгли (ее контур обозначает теперь скульптурная композиция “Место встречи”), кладбище срыли (на его месте расположены архитектурные мастерские). Евреев и раньше здесь (как, впрочем, и почти по всей Европе) притесняли, по меньшей мере кощунственно дразнили: на южном фасаде величественного собора Святого Петра (пониже, но пошире Мюнстера), изукрашенном святыми, героями, символами и резьбой, красуется изображение свиньи, от сосков которой кормятся несколько иудеев. Каменные ермолки с их голов стесали, когда мир стал толерантнее, но до поры до времени надругательство христиан над чужой верой имело конкретный адрес: еврейский квартал располагался строго напротив собора.

Городу не помогло изгнание неверных. Оказавшийся в прямом и переносном смыслах в торговом тупике, Регенсбург нищал быстрее, чем некогда богател. Удар по купеческому хозяйству привел и к потере политического влияния, оказавшись столь чувствительным, что путеводители и сейчас болеют комплексом робости: “Тот, кто внимательно присмотрится к Регенсбургу, обязательно заметит, что город снова в форме для будущих побед”. То есть форму набрали, но побед пока нет. А вот историки считают, что нет худа без добра: здесь потому и сохранились древние кварталы, что в пору промышленной революции не нашлось средств их перестраивать. Я присматривался к Регенсбургу очень внимательно и не без симпатии. Центр города устроен по-домашнему уютно: тяжеловесность его баварской архитектуры скрадывается итальянским изяществом. Аркады, лоджии, балконы и галереи; патио с мраморными фонтанами и колодцами витого чугуна; палаццо с окнами мягких абрисов; облагороженные цветочными вазонами, смахивающие на пьядцы площади – все это до некоторой степени оправдывает наглость экскурсоводов, именующих административный центр области Верхний Пфальц “самым северным городом Италии”. Это, конечно, не Италия, но, очевидно, таково баварское представление о слегка итальянской жизни. Со стародавних времен в Регенсбурге сохранились два десятка родовых башен (между прочим, на шесть больше, чем в Сан-Джиминьяно). Как и в Тоскане, богатеи-патриции зачастую строили такие башни не столько по коммерческой надобности, сколько из тщеславия; некоторые так и стояли пустыми, без перемычек и этажей. Самая тщеславная башня Регенсбурга – Goldene Turm, Золотая, в десяток этажей и пять десятков метров. Эта башня как раз не пустая, уже лет тридцать в ней располагается студенческое общежитие.

Ажурную регенсбургскую красоту удобно разглядывать с севера, с низкого забетонированного бережка речного острова, а еще комфортнее – из пивного гартена “Старая липа” на этом острове. Каменный мост соединяет Регенсбург со Штадтамхофом, ныне смиренным административным районом, а некогда городом-конкурентом с собственными храмами, кабаками и соляными складами. На гербе Штадтамхофа не два, как у Регенсбурга, а целых три ключа апостола Петра. Регенсбург и Штадтамхоф веками соперничали так азартно, что по обе стороны реки бытовала пословица “Через Дунай не женятся!”. Конец соревнованию и состоятельности Штадтамхофа положила так называемая Война пятой коалиции: в апреле 1809 года армия Наполеона нанесла здесь поражение австрийскому эрцгерцогу Карлу. Крепость Регенсбурга французы взяли штурмом с третьей попытки, Бонапарт получил ранение

в лодыжку, а Штадтамхоф, не имевший серьезных укреплений, был сожжен. Война принесла асимметричные политические изменения: Регенсбург, в самом начале XIX века потерявший статус вольного имперского города, присоединили к Баварии, а Штадтамхоф потом присоединили к Регенсбургу.

Элегантный город не обзавелся очень уж элегантной набережной, очевидно, Дунай в Регенсбурге слишком своеволен. Гранитных парапетов здесь нет вообще, но это и к лучшему, зачерпывая водицу рукой. Засыпанный опавшими листьями променад ведет от “Исторической кухни” к баварским пароходам, которые уже никуда не уплывут. На борту отслуживших свое буксиров Freudenau и Ruthof размещены экспозиции Музея дунайской навигации. Двух-чернотрубный Ruthof под разными флагами с 1923 года полвека таскал по реке баржи, пока не был законсервирован на вечной стоянке. Дизельный Freudenau (он поскромнее) отслужил свое только к концу XX века. Ковер из листвы расстелен почти до причалов прикованных к берегу ветеранов грузового речфлота.

ДУНАЙСКИЕ ИСТОРИИ КАК КРАСНЫЙ МАРШАЛ ТОМИЛСЯ В ПЛЕНУ

В феврале 1915 года 22-летний подпоручик Семеновского полка Михаил Тухачевский попал в немецкий плен у города Ложма, на территории нынешней Восточной Польши. После четырех неудачных попыток побега Тухачевского поместили в лагерь в крепости Ингольштадт на берегу Дуная, где содержались военнопленные офицеры из армий разных стран. В лагере Тухачевский познакомился с капитаном Шарлем де Голлем, будущим генералом и президентом Франции, впоследствии тепло вспоминавшем о симпатичном русском подпоручике. В 1920 году судьба вновь свела их на Висле, где генерал Тухачевский командовал наступавшим на Варшаву Западным фронтом Рабоче-крестьянской Красной армии, а майор де Голль, офицер французской военной миссии, возглавлял польский пехотный отряд. Вынужденное безделье плена способствовало спорам о войне и мировой политике. Французский офицер Реми Рур, автор книги о Тухачевском, так пересказывал его размышления: “Чувство меры, являющееся для Запада обязательным качеством, у нас в России – крупнейший недостаток. Нам нужны отчаянная богатырская сила, восточная хитрость и варварское дыхание Петра Великого. Поэтому к нам больше всего подходит одеяние диктатуры... Гармонию и меру – вот что нужно уничтожить прежде всего!” Революцию и разложение русской армии Тухачевский переживал тяжело, мечтая о появлении сильной личности, которая восстановит порядок в стране. Осенью 1917 года представился случай для побега: на основе международного соглашения пленным разрешили прогулки в городе при условии, что они дадут письменное обязательство вернуться в лагерь. Тухачевский воспользовался этой ситуацией; через неделю его товарища капитана Чернявского поймали, но подпоручику удалось добраться до России. Он был вновь зачислен в Семеновский полк, а в 1918 году добровольно перешел на сторону большевиков. В Красной армии Тухачевский сделал блестящую карьеру, заслужив маршальское звание, репутацию талантливого жестокого военачальника и должность 1-го заместителя наркома обороны. В 1937 году его арестовали по ложному обвинению в организации антисоветского заговора и расстреляли. “Красный маршал” пал жертвой системы, ради торжества которой не жалел ни себя,

ни тысячи чужих жизней. Рассказывая о пребывании Тухачевского в плену, московский военный историк Борис Соколов пишет: “У Тухачевского рано подверглось эрозии понятие об офицерской чести... Тухачевский не мог не понимать, что его побег, связанный с нарушением честного слова, вызовет ухудшение положения пленных в Ингольштадте”.

По другую сторону древнего моста в Дунай некогда вливался вонючий ручей, наполненный нечистотами. После того как в середине позапрошлого столетия в Регенсбурге появилась канализация, ручей упрятали в трубу, передав его нарицательное имя сразу двум переулкам. В переулке Нижний Ручей я и квартировал, ежедневно прогуливаясь к реке по бывшему дну ручейной долины, ширины которой едва хватало, чтобы между фасадами зданий протиснулся автомобиль. Вниз по течению встречаются многочисленные лавки, пивные, магазины, меняльные конторы; на площади стоит памятник знаменитому уроженцу Регенсбурга дону Хуану Австрийскому. В 1546 году император Карл V, самый могущественный властитель своей эпохи (Габсбургам благодаря династическим бракам принадлежали громадные территории в Европе, Южной Америке и Африке), почтил присутствием сессию рейхстага в Регенсбурге и мимоходом зачал ребенка с юной особой по имени Барбара Бломберг. Император был мировым рекордсменом по числу корон (девять), но бастарду не досталось ни одной; двухлетним ребенком его отняли у матери, присвоили малышу испанское имя и отправили на воспитание при мадридском дворе. Отец признал свое дитя только перед смертью.

Хуан вырос в честолюбивого полковника и 24 лет от роду одержал славную победу над флотом Османской империи в битве при городе Лепанто. В последние годы жизни этот идадьго был наместником Испанских Нидерландов. Родной город, в который дон Хуан так и не вернулся, почтил его мемориальной доской по адресу рождения и статуей в полный рост, по нынешним временам политически небезупречной: облаченный в латы воитель попирает отсеченную голову врага. Но в ту пору, когда отливалась эта скульптура (1572-й, оригинал установлен в Мессине), представления о доблести были не такими, как сейчас. На Ратушной площади в ассортименте кондитерской Prinzess, именующей себя, “возможно, самым старым кофейным домом Германии”, я обнаружил воспоминание о внебрачном сыне императора: пралине “Поцелуй Барбары”. Конфета оказалась горьковатой.

Гостиница в переулке Нижний Ручей настойчиво напоминала еще об одном историческом персонаже: меня разместили в номере “Иоганн Кеплер”, о чем извещал даже коврик у входной двери. На стенах красовались портрет бородатого астронома, математика и оптика, а также схема его модели Солнечной системы из пяти небесных тел. Астролябии и квадранта я не обнаружил, но заботливая горничная вместе с Библией сунула в тумбочку томик кеплеровских трудов на неведомом для меня немецком. Я смог разобрать только несколько названий на латыни: *De nive sexangula* (“О шестиугольных снежинках”), *Nova stereometria doliorum vinariorum* (“Новая стереометрия винных бочек”) и *Harmonice Mundi* (“Гармонии миров”).

Свои самые плодотворные творческие годы Кеплер, новатор изучения законов движения планет и составитель астрономических таблиц, провел в Праге, при дворе императора Рудольфа II, поклонника астрологии и хиромантии. С Дунаем связана осень жизни Кеплера: уже немолодой и небогатый ученый почти полтора десятилетия провел в Линце, в 1626 году очередная европейская война прогнала его выше по течению, в Регенсбург и Ульм. В 1630-м Кеплер опять приехал в Регенсбург, но, как выяснилось, лишь для того, чтобы умереть: попытка добиться от представителя императора при рейхстаге обещанного жалования обернулась роковой простудой. Наследникам Кеплера достались 22 флорина наличными, 29 тысяч флоринов невыплаченной зарплаты, 27 опубликованных трудов и множество неопубликованных рукописей. Кладбище, где похоронили ученого, разрушено, его могила не сохра-

нилась (в начале XIX века в качестве замены надгробию в регенсбургском парке установили памятный кеплеровский павильон), значительная часть архивов утрачена. 18 из 22 сохранившихся томов приобрела по случаю Петербургская академия наук.

Ничего не случилось только с планетами, за которыми Кеплер так внимательно наблюдал. Он, как и все настоящие исследователи, был дерзким романтиком, верил в геометрическую гармонию Вселенной. Об этом я размышлял, стоя у окна гостиничного номера, выходящего в ручейный переулок, по которому неторопливо журчала жизнь; низенькое окно не позволяло мне увидеть неба не согнувшись. В честь Иоганна Кеплера названы кратеры на Марсе и Луне, орбитальная обсерватория НАСА, университет в Линце, станция метро в Вене и гостиничный номер в Регенсбурге. Улица, на которой стоит дом, где умер человек, ставивший небесные законы выше земных, также носит его имя. Раньше улица называлась Дунайской.

Как и многие другие крупные средневековые торговые города, Регенсбург славится особенно мощным кафедральным собором. Но едва ли не больше самого храма (главного памятника готической архитектуры в Баварии) впечатляют его задворки, зарешеченный дворик реставрационных мастерских. Здесь хранится разобранная по косточкам, как кубики детского конструктора, святость: половинки и четвертинки серокаменных фигур монахов, монархов и воителей веры, химеры с отбитыми лапами, грифоны с отбитыми головами, поврежденные кресты, некондиционные распятия. Отвалившаяся плитка, фрагменты оконных рам, витражей, колонн, потолочных перекрытий разложены и расставлены аккуратными немецкими стопками и рядками, пересчитаны и пронумерованы. Все это тщательно сортируется, чистится, восстанавливается, чтобы в один прекрасный день снова быть вознесенным куда следует, строго на свое соборное место.

Любой храм, впрочем, пуст, если в нем не звучит голос Божий. Регенсбургу в этом отношении повезло: больше тысячи лет назад епископ Вольфганг (впоследствии святой) учредил при соборе Святого Петра школу духовного пения. “Соборные воробушки” теперь так знамениты, что фотографии их выступлений помещают на почтовых марках, а записи концертов тиражируют сотнями тысяч копий; мальчишки поют и в Ватикане, и на Тайване, и на саммите НАТО, и в честь столетия Бенджамина Бриттена, и – почти строго через день – на литургиях в Регенсбурге. Благодичие и тут идет под руку с пороком: руководители хора не избежали смутных, столь характерных для нашего времени обвинений в причастности к растлению музыкальных отроков. Тридцать лет воробушки чирикали под художественным управлением домкапельмейстера Георга Ратцингера, старшего брата папы римского Бенедикта XVI. В годы Второй мировой войны братья, будучи в возрасте регенсбургских хористов, были мобилизованы: младший (семинарист) попал во вспомогательное подразделение люфтваффе, старший – в действующую армию. Им приходилось петь иные, совсем не церковные гимны.

ЛЮДИ ДУНАЯ
УЛЬРИХ ШМИДЛЬ
конкистадор

Левин Хульсиус. Ульрих Шмидль. Гравюра 1599 года.

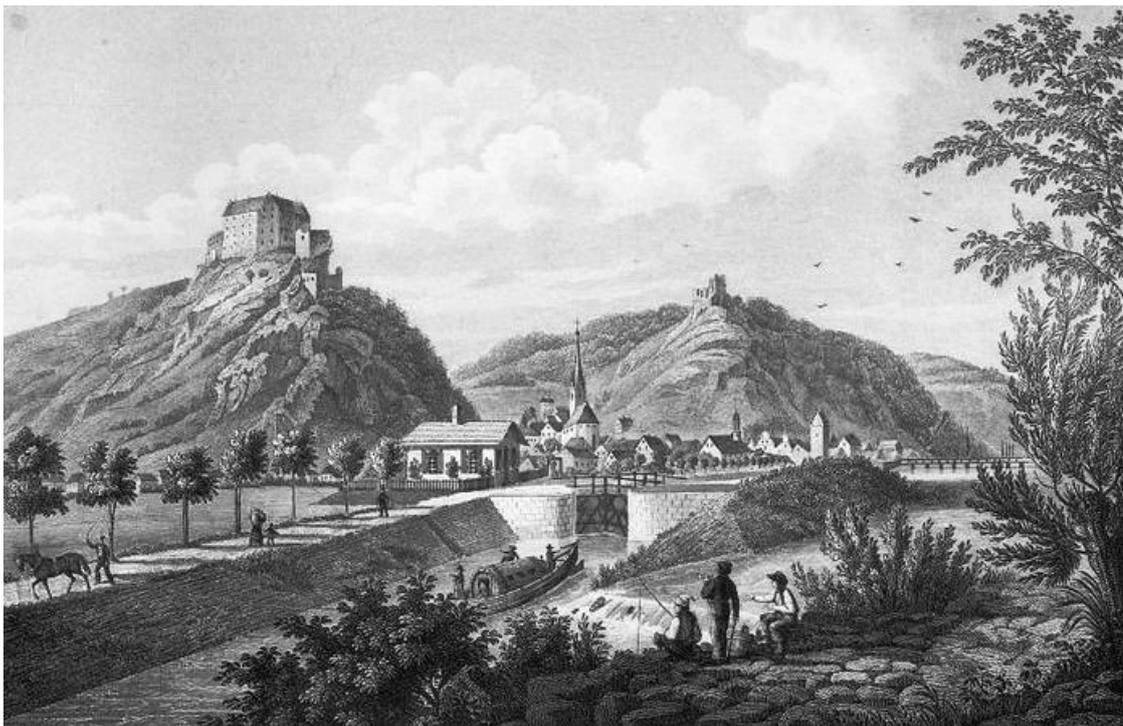
Ульрих Шмидль родился примерно в 1510 году в семье бургомистра придунайского городка Штраубинг, а умер около 1580 года в Регенсбурге. 23 лет от роду он отправился в Новый Свет в составе экспедиции Педро де Мендосы – исследовать реку Рио-де-ла-Плата в нынешней Аргентине. Под командой Мендосы состояли 2500 человек, среди них были и полторы сотни аркебузирова из Баварии, Саксонии и Фландрии. В Южной Америке Ульрико Шмидль задержался на два десятилетия; он принял участие во

множестве опасных сражений и походах по долинам рек Парагвай и Парана, став одним из основателей Буэнос-Айреса и Асунсьона. Новый Свет не принес этому солдату удачи богатства, поэтому, получив в 1554 году письмо от заболевшего брата, Шмидль вернулся в Штраубинг, чтобы унаследовать часть семейного состояния. Несколько лет он прожил в почете, принял лютеранство и даже состоял членом городского совета, но в 1562 году вынужден был перебраться в Регенсбург: Бавария переживала пору религиозных войн, а Штраубинг слыл оплотом католиков. В Латинской Америке Шмидль в перерывах между подвигами и сражениями вел дневник. Эти записки стали основой изданной в 1557 году на немецком языке книги с длинным классическим названием “Правдивая история о занимательном путешествии Ульриха Шмидля из Штраубинга... написанная им самим”. Эта книга военных путешествий, которая и теперь считается важным свидетельством конкисты, не предназначается детям. Лаконичным и сухим стилем, не упуская деталей, Шмидль рассказывает, например, о жестоком уничтожении местных индейцев. Но и завоевателям приходилось туго: из маленькой армии де Мендосы уцелели всего 560 человек.

Водные системы Дуная и Рейна ближе всего сходятся у долин речушек Швабский Рецат и Альтмюль. Задачу переброски грузов через Главный европейский водораздел (для чего требовалось связать бассейны Северного и Черного морей) впервые попытались решить в конце VIII века – по приказу Карла Великого, в 793 году еще не императора Запада, а просто короля франков, лангобардов и герцога Баварии. Однако инженерный проект Карла был плохо продуман: начало строительства совпало с осенними дождями, и регулярные оползни свели уже проделанную работу на нет. От канала, известного под латинским названием Fossa Carolina и немецким Karlsgraben (“ров Карла”), уцелели кое-какие следы земляных работ, а также примерно километровой протяженности канава неподалеку от деревни Грабен.

Через тысячу с лишним лет попытку повторили – она вышла успешной, но мало-осмысленной, как и некоторые другие начинания Людвига I Баварского. Ludwigskanal от Кельхайма до города Бамберг на рейнском притоке Майн построили в 1836–1848 годах. Эту тесную водную трассу у самого ее устья волей-неволей форсирует теперь каждый, кто направляется в Зал освобождения. У последнего шлюза канала я назначил свидание своей жене, которая предпочла штурму холма Мехельсберг прогулку по берегу в сторону Дунайского разлома. Через пару часов мы вновь соединились на деревянном мостке под романтическое кваканье лягушек. Затворы шлюза были открыты, в пучине канала соединялись тихие воды из бассейнов разных европейских морей.

Ludwigskanal Людвига по прямому назначению давно не используют, его неэффективность стала очевидной почти сразу после постройки. Выяснилось, что в сухое или жаркое время года, хотя канал и вбирал в себя воды всех окрестных речушек, ему не хватало глубины. Бурное развитие в южных землях Германии сети железных дорог (первую построили в Баварии в 1835 году по приказу все того же Людвига) лишило воднотранспортную затею коммерческого смысла. После разрушений Второй мировой от реконструкции канала отказались. Пожалуй, больше, чем экономике, он оказался полезен искусству: на завершающем этапе строительства, в 1845 году, серию отличных гравюр на металле, честные рисунки с натуры, выполнил художник Александр Маркс. Это милые малоиндустриальные пейзажи эпохи наивного капитализма: по тихой глади скользят лодки с косыми парусами на фоне картинок счастливой жизни швабских и баварских крестьян. Литераторы не отставали: поэт и историк Эдуард Дуллер, автор занимательных интерпретаций речных легенд “Живописные и романтические придунайские страны”, примерно в те же годы воспел идею “бракосочетания двух основных потоков Европы – Рейна и Дуная”.

Александр Маркс. Шлюз канала Людвига. Река Альтмюль у Реденбурга. 1845 год.

Идея открыть “водную улицу Дунай – Майн” вновь приобрела актуальность в годы Первой мировой войны. В 1921 году в республиканской Германии учредили компанию Rhein-Main-Donau AG с задачей выкопать параллельный Людвигову канал, способный пропускать большие речные суда. На решение этой задачи общей протяженностью 171 километр ушло семь десятилетий. Земляные работы на трассе начались в 1938 году при Адольфе Гитлере, возобновились в 1960-м при Конраде Аденауэре и завершились в 1992-м при Гельмуте Коле. RMD обошелся в сумму, эквивалентную 2,3 миллиарда евро; пятая часть средств ушла на природоохранные мероприятия. Самым сложным в инженерном отношении участком оказался отрезок между местечком Хильпольтштайн и шлюзами Баххаузен: это самая высокая на Земле точка (406 метров), которой только может достичь судно, отправившееся в путь по реке прямо от берега моря. “Корабли путешествуют через горы”, – отыскал образ местный публицист.

Хотя RMD давно и успешно функционирует, специалисты все еще ведут споры о его параметрах и предназначении. Экономисты считают, что для эффективной коммерческой навигации этот канал должен быть куда глубже нынешних четырех и заметно шире нынешних 55 метров. Экологи уверены: канал вообще неплохо бы засыпать, потому что транс-европейское судоходство в принципе убийственная для окружающей среды штука. Дело в том, что из моря в море, с востока на запад и с запада на восток через Главный европейский водораздел искусственным путем попадают чужеродные существа, от микроорганизмов до земноводных хищников, и это губительно влияет на устойчивость региональных экосистем. Например, в 1912 году с балластными водами в Европу завезли китайского мохнорукого краба; через канал Рейн – Майн – Дунай краб попал и в Черное море. Этот краб относится к так называемым инвазионным¹³ видам животных: он разрушает плотины, повреждает рыбо-

¹³ Инвазионные (инвазивные) виды животных и растений – чужеродные организмы, которые, будучи перенесенными за пределы естественного ареала в новые места обитания, наносят или могут нанести урон окружающей среде, экономике и здоровью человека.

ловные сети, к тому же переносит заболевание под названием “рачья чума”. Не было бы канала – не было бы крабьих проблем, утверждают противники RMD. Сторонники водных путей сообщения ищут свои аргументы: подсчитано, что по каналу тихим корабельным ходом ежегодно перевозится столько же грузов, сколько способны вместить 250 тысяч авто-трейлеров.

У экономистов-транспортников, замечу попутно, есть соображения и относительно соединения речной системы Дуная с Балтийским морем. Считается, что первым такую идею, хотя и в сугубо в теоретическом плане, высказал император Священной Римской империи Карл IV. Для разработки более-менее конкретных планов потребовалось четыреста лет. Парламент Австро-Венгрии дважды принимал пакеты документов о прокладке канала Дунай – Одра (Одер), однако экономические кризисы и политические проблемы отменяли строительство. В бетонную плоть расчеты и чертежи – по маршруту через территории Моравии и польской Силезии – стали воплощаться в период пребывания у власти национал-социалистов. Канал имени Адольфа Гитлера должен был связать с Венной расположенный на притоке Одры реке Клоднице польский город Гливице. Работы начались и заглохли в 1938 году, оставив в напоминание о себе несколько залитых водой земляных шрамов.

Отказа от самой идеи, впрочем, не произошло до сих пор, она живет в долговременном проекте водного коридора Дунай – Одра – Эльба. Больше других в прокладке такого коридора заинтересована Чехия, лишенная сквозного речного сообщения с морями на севере и юге Европы. Поэтому пражская организация Dunaj – Odra – Labe продвигает концепцию водного пути от Братиславы до городка Пршеров на речке Бечва с последующим раздвоением трассы налево-направо: к Эльбе (Лабе) и Одру (Одре). Но ресурса у сторонников строительства пока хватает только на его пропаганду.

Канал из Майна одним из своих рукавов присоединяется к Дунаю в районе Регенсбурга – на пути к “Вальхалле” я видел и искусственную речную стрелку, и целую систему бакенов, очевидно, выводящих грузовые суда к фарватеру. Здесь Дунай заметно прибавляет в ширине и мощности, а вот выше по течению, за Кельхаймом и Ульмом, серьезная навигация невозможна. Глубины там и сейчас хватает только для пенсионерских туристических теплоходов, а прежде, до проведения разных мероприятий по регулировке русла, хватало лишь для рыбацких плоскодонок. Я заметил, как такие болтаются на привязи у набережной в Ульме. Вообще немецкая (строже говоря, немецко-австрийская) доля Дуная – самый обустроенный, самый окультуренный и самый освоенный человеком участок реки. Самый “причесанный”, самый симпатичный. И самый скучный.

Монументальную величавость Дунай приобретает на своей последней важной немецкой станции – в Пассау, где в центральный серо-зеленый речной поток с разных сторон с интервалом в несколько сот метров врезаются черноводный Ильц и голубоводный Инн. Собственно, впадающий справа Инн даже на глазок шире и полноводнее Дуная, так что можно поспорить, что во что вливается. Но географы свой выбор сделали, низведя берущий истоки в Швейцарских Альпах Инн в разряд вспомогательных рек. Вспомним Гастона Башляра: “Воображение вряд ли учитывает притоки”. Аэрофотосъемка показывает: в Пассау действительно имеет место смешение воды трех разных цветов, как будто каждая из рек добавляет в общий поток по бочке своей гуаши. Но с земли никакого триречья не заметно: по отношению к “главной стрелке” Ильц входит в Дунай сильно сзади и слева, так что панорамный обзор соединения вод доступен только счастливым с дополнительным глазом на затылке.

Пассау. Открытка 1892 года.

Над слиянием Ильца и Дуная расположена старая крепость; тем, кто заберется на ее стены и бастионы, причудливый рельеф местности откроет все речные тайны. Жилые кварталы Пассау не дотягиваются до соединения Дуная и Инна, на речном скрещении разбит лысоватый сквер с песочницами, лавочками и разноформатными скульптурами, нет ни кафе, ни даже буфета. Такой аскетизм оправдан практикой: Пассау, как ни один другой дунайский город, захлебывается в периоды половодий, и глинистый язык между Дунаем и Инном становится первой добычей бушующих волн.

Современный туристический промысел принес Пассау, самый маленький из относительно больших по центральноевропейским меркам городов (пятьдесят тысяч человек), в жертву банальным сравнениям. Какой-то пошлый острослов окрестил Пассау “баварской Венецией” с намеком на то, что наводнения здесь столь же часты и так же продолжительны, как в адриатической лагуне. Наверное, именно это обстоятельство побудило историка Карла фон Вебера еще в 1834 году поэтически назвать местных добрых, милых и покладистых девушек “дунайскими наядами”. В магический символ Пассау превращена цифра “три”: его величают не только “городом трех рек”, но еще и “городом трех народов” (кельты, римляне, баварцы), а также “городом трех имен” (к немецкому добавляют кельтское Бойодорум и античное Батавис).

Историческая правда заключается в том, что удачное географическое расположение и раннее (в 738 году) учреждение здесь важной христианской епархии на несколько столетий обеспечили Пассау несопоставимое с его размерами влияние. Власть местного князя-епископа, окормлявшего паству самого большого диоцеза немецкого мира, в Средние века простиралась до дальних границ Австрии. Упорядочили Пассау, насильно присоединив к Баварии и навсегда превратив всего лишь в религиозную провинцию, в один год с Регенсбургом, в 1803-м.

Отелотворением духовной власти епископа Пассау стал возведенный в стиле барокко и в том же стиле расписанный итальянскими мастерами собор Святого Стефана, просторный, знобкий, как морозильная камера, и гулкий, словно полковой барабан. Столетие назад, когда претензии их преосвященств на политическое влияние уже давно иссякли, в собор встроили самый большой не то в мире, не то в Европе орган на 233 регистра и 17 774 трубы. Мне не

довелось слышать его мощного звучания, но ни капельки не сомневаюсь, что этот инструмент составляет острую конкуренцию регенсбургским “соборным воробушкам”.

Клаудио Магрис относится к Пассау с явной симпатией, наверное, потому, что любой итальянец в этом уголке Германии – с его чуть более яркими красками и чуть более ярким солнцем – чувствует себя комфортнее, чем где-нибудь в Бремене или Брауншвейге. И мне в Пассау понравилось: здесь фактически отсутствуют прямые линии – все время идешь то вверх, то вниз, каждая площадь соединяет в себе наклонные плоскости, переулочки приятно скошены, стены зданий симпатично стесаны. Профессор Магрис вообще считает, что в Пассау “преобладают круглость и кривизна, это закрытый и оконченный космос, как мяч, который хорошо сохранился под митрой епископа. Слияние его рек несет в себе свободу южных морей”. Насчет свободы южных морей я бы, может, поспорил, хотя спорить не о чем: литератор волен выбирать собственные художественные образы и вкладывать в них всю произвольную множественность значений.

Предложу поэтому свое смелое сравнение. Долгий полуостров, восточный краешек Пассау, образованный стрелкой Дуная и Инна, кажется мне похожим на разящий наконечник немецкого копья. Отсюда отправляются в неспешный круиз белоснежные лайнеры; отсюда они плывут в неизведанное, по трудному маршруту жюль-верновского лоцмана, к дельте. Эти суда, уставшие от дальней дороги, я видел потом у причалов Сулины и Измаила, они отдыхали, набираясь сил для обратного пути. А главное вот что: в Пассау священные воды Дуная сообщают всем дальним странам и народам – тем, что ниже по течению великой реки, – импульсы германской энергии и победы.

4

Dānuvius. Австрийское зеркало

В реках сегодня нет никакой поэзии. Ни для художников, ни для поэтов. В реках осталась одна грязь. Реки далеки от персонального и мистического значений. Они стали частью ежедневной механики нашей жизни.

Ханс-Юрген Зиберберг, кинорежиссер. 2004 год

В первой строке государственного гимна, сочиненного в 1946 году внучкой классика сербскохорватской поэзии Паулой фон Прерадович, Австрия воспета таким образом: “Край гор и вод, страна потоков”. В одном из прежних государственных гимнов под названием “Германская Австрия, чудесная земля”, написанном вскоре после крушения монархии Габсбургов первым канцлером новорожденной республики Карлом Реннером, центральная народная река упомянута прямо: “Воды с ледяных горных вершин свободно стремятся по Дунаю”. К празднику включения Австрии в состав нацистской Германии (аншлюс весной 1938 года приветствовала подавляющая часть австрийцев) поэт Ханс Хегер и автор множества популярных венских песенок¹⁴ композитор Генрих Штрекер создали хорал “Пробудись, немецкая Вахау!”, в котором призвали историческую дунайскую долину возрадоваться пангерманскому единению “в великом отечестве” (in das große Vaterland). В этом коротком песнопении речь о Дунае заходит даже дважды. В Великогерманском рейхе Австрия, однако, перестала существовать, утратив не только государственную независимость, но и само название: бывшая страна обозначалась вначале “Восточная марка”, а потом еще проще: Альпийская имперская область и Дунайская имперская область¹⁵.

Как и Альпы, Дунай по понятным географическим причинам вписан почетной строкой в перечень австрийских природных клише. Не случайно первым национальным ландшафтом, даже पहले горнолыжных спусков Кицбюэля и аллей императорского парка в Шёнбрунне, слывет живописная петля, которую Дунай делает близ Шлэгена; этот феномен известен еще как “пролом в скалах”. Правда, особых скал тут, на полпути между Пассау и Линцем, не видно: сжатая лесистыми склонами холмов река неожиданно совершает стремительный зигзаг, поворачивая на 270 градусов, настоящий U-turn не хуже трассы “Формулы-1”. Этот участок, названный лоцманами “хвостом змеи”, – и впрямь завораживающий пейзаж. На смотровой площадке неподалеку от отеля Donauschlinge велотуристы разинув рты глазуют на величественную панораму шлэгенской петли. Ага, значит, вот отсюда, из этих пейзажей, из этих центральноевропейских влаги, мягкости и мощи, родились и художественная привлекательность Дуная, и древняя мистика его обожествления, и пафос реки как женского начала. Художник-модернист Отто Фридрих неспроста назвал свое примечательное полотно “Мать Дунай”.

¹⁴ Венские песенки – жанр, типичный для венского музыкального городского фольклора второй половины XIX – первой половины XX века. Исполняются на австро-баварском диалекте.

¹⁵ Московская декларация союзников по антифашистской коалиции, принятая осенью 1943 года, определяла Австрию как “первую свободную страну, павшую жертвой гитлеровской агрессии”, но не освобождала от ответственности за участие в войне на стороне Германии. В Австрии действовало движение Сопротивления, однако эта страна с населением около семи миллионов человек следовала в фарватере общегерманской политики. Почти 250 тысяч австрийцев погибли на фронтах Второй мировой войны в составе вермахта и войск SS, около полумиллиона попали в плен. Членами Национал-социалистической партии в Альпийской и Дунайской имперских областях состояли 538 тысяч человек.

Песнь о Нибелунгах. Зигфрид и Кримхильда. Рисунок. 1914 год.

Тут уместны две цитаты, возвращающие нас к дискурсу об отношениях немецких рек. “Со времен “Песни о Нибелунгах” Дунай и Рейн не испытывали друг к другу приязни, – указывает Клаудио Магрис. – Рейн – это Зигфрид, германская душа и чистота, верность до гроба, героическая рыцарственность, неустрашимое движение навстречу судьбе. Дунай – это Паннония, владения Аттилы, восточный поток, в котором в конце эпической поэмы тонут германские добродетели. Символически Дунай часто предстает как то, что чуждо и враждебно германскому. Он – река, на берегах которой встречаются и смешиваются народы. Не таков Рейн, мифический страж чистоты германской расы”. Действие “Песни о Нибелунгах”, средневекового памятника литературы, возведенного в XIX столетии в статус национального германского эпоса, происходит и в верхней части австрийского отрезка русла Дуная, значит, неподалеку от шлэгенской излучины. В городке Тульн, выше Вены по течению, об этом напоминает фонтан Нибелунгов – эпическая композиция из десятка горделивых скульптур, снабженных копьями, бронзовыми плащами и водяными струями. А вот как охарактеризо-

вал столетие назад две немецкие территории, два немецких характера, две модели немецкой государственности философ Петер Штахель: “Германия – страна педантичного, рационального порядка, систематичности военных, прагматизма; Австрия – многодетная мать, жизнерадостная страна музыки и барочного католицизма. Их воплощают два исторических антагонизма: одинокий солдат и философ на троне Фридрих II и австрийская мать семейства и отечества Мария Терезия”. Король Пруссии и императрица Австрии, современники, оба расширили пределы своих владений, оба укрепили престиж своих стран, оба были великими государями. Мария Терезия родила шестнадцать детей, двое из которых стали императорами. Фридрих не любил женщин, был неласков с женой и, по словам придворного остроуслова, “познавал наслаждение лишь в объятиях полковых барабанщиков”; после него царствовал племянник.

ЛЮДИ ДУНАЯ
ФРАНЦ ИОСИФ I
император и король

Виктор Тилгнер. Бюст Франца Иосифа. 1900 год.

Император Австрийской империи и апостолический король Венгрии, Франц Иосиф (1830–1916) называл себя “последним монархом старой школы”. Вступив на престол в бурном для Европы 1848 году и начав государственную деятельность с жестокого подавления венгерского восстания, он продержался на троне невероятных 68 лет. Унаследованная Францем Иосифом от дяди Фердинанда I и реформированная в

дуалистическую австро-венгерскую монархию империя пережила своего государя всего на два года. Воспитанный в абсолютистской традиции, Франц Иосиф относился к венцу как к данному Богом праву повелевать народами и почетному символу семейной ответственности. Человек долга и редкой самодисциплины, трудолюбивый бюрократ, император и король Франц Иосиф (сокращение k. und k. – от Kaiser und König – стало одним из обозначений Дунайской монархии; Роберт Музиль в романе “Человек без свойств” уничижительно называл габсбургское государство Каканией) без усталости работал во благо подданных, но его управленческого потенциала не хватило для выживания страны. В любых обстоятельствах император вставал в пять часов утра, усаживался за письменный стол и аккуратно, хронологически последовательно, невзирая на степень важности или срочности документа, знакомился с делами и выносил решения. Однако время сильнее королей: монарх из носителя абсолютной власти постепенно превратился в один из инструментов государства, а к концу XIX столетия стал мифом дряхлеющей империи. В романтизированном представлении современников Франц Иосиф – олицетворение старосветских ценностей Центральной Европы, по которым подчас с ностальгией вздыхают в Будапеште и Праге, в Братиславе и Триесте, в Загребе и Любляне, во Львове и Сараеве. Франц Иосиф был аскетом военной закалки, с недоверием относившимся к техническим новшествам: он не пользовался телефоном, пишущей машинкой и лифтом, спал на походной железной кровати. Тем не менее этот император воспринимал общественные новации своей эпохи: парламентаризм и архитектурный модерн, профсоюзы, депутатов-социалистов и гражданские браки. Чопорный двор Габсбургов, одной из самых богатых королевских династий Европы, не отличался роскошью, демонстративная умеренность считалась нормой. В личной жизни Kaiser und König не был счастлив: заключенный в 1853 году по любви брачный союз с принцессой Елизаветой из династии Виттельсбахов через десятилетие исчерпал себя; в 1898 году императрица стала жертвой покушения анархиста. Тридцать лет подругой Франца Иосифа оставалась венская актриса Катарина Шратт. Его младший брат, эрцгерцог Максимилиан, возведенный на мексиканский престол, в 1867 году был расстрелян революционерами. Наследник короны, сын Франца Иосифа и Елизаветы кронпринц Рудольф, в 1889 году совершил самоубийство. Император избрал в преемники племянника Франца Фердинанда, к которому относился без симпатии, но и того убили в 1914 году в Сараеве. Вена, кажется, считает Франца Иосифа повинным в своей драме: этому императору, в отличие от других Габсбургов, установлен скромный памятник на лужайке Замкового сада. На низком постаменте.

Современные венские историки – сошлюсь на автора работы “История Австрии. Культура, общество, политика” Карла Воцелку – пусть и с долей иронии, но пишут о том, что после развала монархии Габсбургов граждане альпийской республики (вот оно, настоящее геополитическое превращение!) “порой ощущали себя несколько лучшими немцами”. Это внутригерманское высокомерие будто бы порождено тем, что австрийцы исповедуют католицизм, более утонченную и нарядную версию христианства; они достигли недостижимых для других немцев высот в культуре, прежде всего музыкальной; ну и вдобавок обладают более дружелюбным и уживчивым характером, чем баварцы или саксонцы. По моим наблюдениям, все эти стереотипы имеют под собой некоторое основание. Но тот же Воцелка

смело шутит о том, что в коллективном сознании его соотечественников Людвиг ван Бетховен часто предстает австрийцем, а Адольф Гитлер немцем¹⁶; известно, что иногда можно приглушить ощущение национальной вины, присвоив чужие достоинства. Симметричный “пруссский ответ” южным соседям отправляет нас, в частности, к нацистской кинопропаганде: в снятой по заказу Йозефа Геббельса и вышедшей в прокат весной 1942 года монументальной исторической драме “Великий король” о событиях Семилетней войны (1756–1763) австрийцы предстают главными врагами самого важного монарха немецкой истории Фридриха Великого – надменными, злыми, коварными; на экране они выглядят даже хуже русских.

Германские княжества и Австрия уже больше тысячи лет, со времен Карла Великого и династии Бабенбергов, делят верхнюю треть Дуная. Шесть веков Австрия упорно, с настойчивостью стачивающего камень потока, стремилась все дальше вниз по течению реки, объединив под скипетром Габсбургов огромные территории и дюжину народов. В поздний период центральноевропейской империи, накануне ее горького конца, гимн Австро-Венгрии звучал на одиннадцати языках, от немецкого и венгерского до украинского, иврита и фриульского диалекта итальянского. Чувство родины для миллионов жителей просторной страны столетиями определялось прежде всего не национальной идеей, а верностью католической императорской фамилии – пока эту страну не разорвали в том числе и национальные противоречия. В гимне “Песнь кайзеру” не упоминался Дунай, зато само государство Габсбургов, столетие назад второе по площади и третье по численности населения в Европе, едва ли не чаще, чем Австро-Венгрией, в обиходе до сих пор называют дунайской монархией. “Двенадцать голосов шепчутся в крови расположившегося на берегах реки народа, и кто является истинным австрийцем, у того двенадцать и более душ”, – цветисто писал историк и литератор Герман Бауман. Дунай пронзал центральноевропейскую империю, изгибался шлэгенской петлей, в пору половодья затапливал Моравское поле, пересекал венгерскую степь, рвался к морскому побережью. Через три четверти века после исчезновения австро-венгерского мира будапештский писатель Петер Эстархази заметил: “В Вене Дунай впервые задумывается о море, но до моря ему еще далеко”.

Великая река покидала владения Габсбургов ровно за тысячу километров до взморья, миновав город Оршова в румынской теперь части Баната. Стать властелинами двух морей, не только Адриатического, но и Черного, Габсбурги не мечтали, эта задача была им не по силам: столетиями Австрия храбро держала фронт сопротивления османской экспансии, а в начале XVIII века в борьбу за влияние в низовьях Дуная и на северо-востоке Балкан вступила Россия. Так или иначе, гибель империи стала для Вены еще и крушением исторической мечты: Австрийская Республика занимает ныне всего лишь осмьюшку территории прежней монархии. Вена – единственная европейская столица, население которой в XX веке не увеличилось, а сократилось. Если в 1910 году двухмиллионная Вена была четвертым городом Европы (а Австро-Венгрия по большинству экономических показателей была четвертой европейской страной), то к 2010-му австрийская столица откатилась во второй деся-

¹⁶ Адольф Гитлер родился в 1889 году в пограничном с Германией австрийском городе Браунау, на берегу Инна. В 1895 году его семья поселилась в Линце, в 1907 году после смерти родителей Адольф переехал в Вену. Не поступив в Академию искусств, он перебивался нерегулярными заработками художника и оформителя, а в 1913 году отправился в Мюнхен. После начала Первой мировой войны Гитлер записался в немецкую армию; австрийские вооруженные силы казались ему излишне многонациональными. Триумфальное возвращение в оттолкнувшую Гитлера в молодости Вену состоялось в дни аншлюса. 15 марта 1938 года фюрер обратился к ликующей толпе с балкона бывшего габсбургского дворца Хофбург: “Я объявляю немецкому народу о выполнении самой важной миссии в моей жизни”. Людвиг ван Бетховен родился в 1770 году в Бонне и скончался в 1827 году в Вене, где и похоронен. Бетховена считают выдающимся представителем венской классической музыкальной школы. В Австрии композитор написал все свои главные произведения, в том числе “Оду к радости”, гимн Совета Европы и Европейского союза. Современную аранжировку гимна выполнил в 1972 году австрийский музыкант Герберт фон Караян, в свое время член Национал-социалистической партии и рекламное лицо нацистской культуры. Там, где Бетховен использовал половинную ноту, Караян использовал четвертную.

ток самых многолюдных населенных пунктов Старого Света, занимая скромную позицию между Варшавой и Бухарестом. Вену и мегаполисом-то всерьез не назовешь, даже славу первой дунайской столицы она уступила Будапешту. Это, однако, не сказалось на качестве жизни: в различных всемирных рейтингах и социологических опросах о комфорте, уюте, налаженности городского хозяйства Вена неизменно и по праву занимает первые строки.

Новое место Австрии на политической карте определило для ее жителей и иное ощущение реки. Ядро современного австрийского государства осталось там же, где это государство тысячу лет назад начало складываться, – в долине Вахау. Дунай из реки разных народов, скрепленных идеями габсбургского попечительства, из реки, экспортировавшей от центра к провинциям не только товары и услуги, научные знания и технические достижения, вальсы и оперетты, но и мессианскую концепцию цивилизованности, превратился в символ смирения нации. В зеркале дунайской воды больше не отражается могущество державы. После военно-политического краха Австрия искала спасения в грезах о былом величии, монархическое прошлое и культурный багаж легли в основу новой национальной идентичности. Линц, Кремс, Тульн, Вена теперь стоят на берегах другой реки, австрийский Дунай уже не так глубок, как прежде.

Звезда национал-социалистического кинематографа Марика Рёкк была очаровательной женщиной, прекрасной танцовщицей и голосистой певицей. Дочь будапештского архитектора, Рёкк говорила по-немецки с венгерским акцентом, что, как остроумно заметил один нацистский кинокритик, добавляло музыкальным комедиям с ее участием “экзотической паприки”. Среди миллионов поклонников Рёкк числились оба тоталитарных вождя, Адольф Гитлер и Иосиф Сталин. Фюрер в личном общении называл Рёкк “милой чудесницей”, а Сталин разрешил к прокату в Советском Союзе несколько вегетарианских фильмов с ее участием. “Девушка моей мечты” играла, впрочем, не только в беззаботных киноревию и опереттах, но и в серьезных драматических картинах. В кассовой киноленте “Концерт по заявкам” Рёкк создала портрет образцовой женщины Третьего рейха, верной подруги летчика люфтваффе. После окончания войны Рёкк осталась было без работы, попав под закон о запрете на профессии, однако уже в 1947 году актрису реабилитировали и она вернулась на экран во всей роскоши внешности и талантов. Рёкк была обворожительна, советский режиссер Михаил Ромм окрестил ее “кошкой секса”. Немецкий и австрийский киноархивы оказались в ту пору в распоряжении Госфильмофонда, гардеробы берлинских актрис конфисковали для “Мосфильма”, венская киностудия Wien-Film Rosenhügel работала под контролем советской военной администрации. Вот на этой киностудии в 1949 году режиссер Георг Якоби и снял свою жену Марику Рёкк в музыкальной комедии “Дитя Дуная”, через год вышедшей на экраны и в Советском Союзе.

Марика Рёкк. 1939 год.

Сюжет картины трогательно прост. Прелестная официантка из кабачка “Ноев ковчег” живет на ветхом пароходе “Марика”, стоящем на приколе у дунайского берега. Однажды Марика обнаруживает на борту своего плавучего дома молодого писателя Георга, который, услышав, как поет девушка, и увидев, как она танцует, советует ей стать актрисой. На древнеримской арене Карнунта Марика открывает Новый Дунайский театр, чтобы на вырученные от концертов и спектаклей средства отремонтировать судно. После комических и драматических перипетий эта художественная самодеятельность приносит блестящий творческий

успех и счастливый любовный роман, в волнах Дуная рождается звезда народной оперетты. На австрийском экране – ни тени недавней войны, ни горечи или радости от крушения рейха, ни следа разрухи, только веселая песня и зажигательный танец. Дунай для режиссера Якоби и актрисы Рёкк – романтическая, журчащая, как музыка, живая вода. Заканчивается все, естественно, вальсом:

Голубой родной Дунай,
Нашей песне подпевай
Непослушной серебристой волной.
Эта гладь высоких вод,
Словно музыка, течет
Под высокой и волшебной луной...

Еще через шесть лет режиссер Эрнст Маришка сделал Дунай апофеозом староавстрийской славы. В одной из сцен кинотрилогии о Елизавете Австрийской юная принцесса (кино-красавица Роми Шнайдер) прибывает в Вену на собственную свадьбу на торжественном речном пароходе. С берегов Дуная будущую королеву радушно приветствуют добрые подданные, они размахивают черно-желтыми габсбургскими флагами и белоснежными платками. На пристани в окружении символов монархической власти невесту поджидает великолепный царственный жених в мундире фельдмаршала и бикорне с зеленым плюмажем. Пароходная труба изрыгает черный дым, но этому судну и не требуются алые паруса: ни одна голливудская сказка о дороге к счастью не может быть прекраснее. И эта австрийская дорога совсем не случайно Дунай.

По-другому река выглядит в классическом детективе “Третий человек”, прекрасном британском фильме, снятом в Вене в 1949 году по сценарию Грэма Грина. Действие криминальной нуар-истории разворачивается (под написанную композитором Антоном Карасом музыку цитры) на послевоенных развалинах, в городе, где процветает черный рынок и орудуют банды жуликов и грабителей. В картине Кэрола Рида Дунай предстает черной артерией, в которой плавают трупы, а драматическая развязка происходит в лабиринте венской канализации, несущей сточные воды в главную австрийскую реку.

Советское искусство в послевоенные десятилетия неизменно интерпретировало дунайские темы с суровым политическим пафосом. Никакой волшебной луны, только серое небо и стальная волна. Младший сержант Егор Исаев после победы над Германией служил в газете “За честь Родины” оккупационной Центральной группы войск в Австрии и Венгрии. Демобилизовавшись, в 1953 году молодой поэт опубликовал философско-антифашистскую поэму “Над волнами Дуная”, главный герой которой, старшина Ершов, вместе с рядовым из Парижа, капралом из Лондона и сержантом из американского города Чарльстон патрулирует кварталы покоренной союзниками Вены. Это патрулирование “четверых из джипа” прекратилось за пару месяцев до премьеры сусальной ленты Эрнста Маришки: Австрия провозгласила нейтралитет, и чужие войска покинули ее берега.

Поездка по австрийской речной ривьере, от местечка Энгельхартсцелль на ее крайнем западе до городка Хайнбург на ее дальнем востоке, помещает путника в сложные исторические декорации: фрагменты пасторальных ландшафтов, рыцарские замки догабсбургских времен и кирхи габсбургской эпохи соседствуют здесь с милыми, утопающими в цветниках городками, имена которых – вроде Маутхаузена – невозможно воспринять просто как названия ярмарочных коммун. Главная улица города Линц Гауптштрассе ведет на главную площадь Гауптплатц, с левого берега на правый, через мост Нибелунгов, с которого открывается традиционно живенькая дунайская панорама. Этот мост построен и назван по приказу Гитлера, который считал Линц своей малой родиной и планировал обосноваться здесь

после выхода на пенсию. Поэтому в 1938 году Линцу присвоили статус одного из пяти “городов фюрера” с намерением превратить его в “немецкий Будапешт”, прежде всего в пику Вене, которую Гитлер недолюбливал, считая “замусоренной” и “повернутой к Дунаю спиной”. Группа ведущих архитекторов рейха во главе с Альбертом Шпеером оперативно подготовила эскизы и проекты переустройства Линца: элегантный прибрежный квартал с общественным зданием Hitlerzentrum; Музей искусств Führermuseum с самой большой в Европе художественной коллекцией, 150-метровой колоннадой, стопудовой библиотекой, монументальным оперным театром и гостиницей Adolf Hitler; комплекс окружного партийного комитета с вместительным конференц-залом, башней и криптой для будущего погребения вождя. Чтобы Линц соответствовал генеральскому званию “дунайской метрополии рейха”, город решили обратить в центр германской сталелитейной и химической промышленности. Это, пусть только отчасти, удалось, но вот многие архитектурные планы остались на бумаге. Для украшения моста Нибелунгов заказали шесть массивных памятников – персонажей древнегерманского эпоса, однако к визиту в Линц фюрера в 1941 году успели установить только две фигуры, да и те из гипса. Скульптор Бернхард Плеттенберг изваял шестиметровых Зигфрида и Кримхильду в величавой ассирийской манере: победитель дракона Фафнера мускулист, как Тарзан, а дочь бургундских королей не столько красива, сколько внушительна. В бронзе героев так и не отлили.

Сегодня Линц – третий по величине и значимости город Австрии с населением под две тысячи человек, с четырьмя университетами, пятью театрами, замком-сундуком на наддунайской скале, храмом Паломников на холме Пёстлинберг, модным центром современного искусства Lentos, ночная неоновая подсветка которого умеет эффектно менять цвета, и всем тем остальным, что делает жизнь современного центральноевропейского человека удобной и интересной. Однако Линц в самой Австрии почему-то любят не все: часто рифмуют Linz – Provinz, вспоминают городу национальное первенство по количеству самоубийств и упрекают за уныние обширной промышленной зоны. С последним я не соглашусь: эту промзону не сравнить, например, с нижнетагильской.

Линц в 1594 году.

В Линце меня принял отель “У черного медведя”, расположенный неподалеку от Stifterhaus. В трехэтажном особняке разместился Центр изучения литературы и языка Верхней Австрии, носящий имя самого знаменитого жильца этого здания. Писатель, художник, журналист, педагог Адальберт Штифтер вошел в историю Линца как его типический и трагический гражданин. И не только потому, что, страдая от болезни печени, в приступе депрессии перерезал себе горло бритвой. В биографии гуманиста Штифтера удивляет несоответствие между по-книжному идиллическим восприятием бытия и тоскливой писательской судьбой. Штифтер бежал от столичной жизни, чтобы сделать в провинции скромную карьеру инспектора начальных школ. Акварелью и маслом он писал неяркие речные, лесные, полевые и горные пейзажи в стиле бидермайер; помимо повестей и исторических романов издал несколько томов новелл, объединенных общим заголовком “Штудии” (“Этюды”). Это пространные рассказы, точные в несентиментальном пересказе бытовых деталей и вещественном восприятии провинциального мира. В своих литературных штудиях Штифтер сформулировал идеальный, “мягкий” закон жизни. “Это закон справедливости, закон нравственности, закон, требующий, чтобы каждый человек жил рядом с другими и был уважаем и почитаем, чтобы он мог совершить достойный жизненный путь, заслужить любовь и восхищение окружающих, чтобы он был храним, как сокровище, поскольку каждый человек – сокровище для всех других людей”, – читаем в авторском предисловии к книжке “Пестрые камни”. Хотя в мире не бывает чудес, мир есть чудо, упрямо считал австрийский писатель. Но мир и жизнь противоречили его закону кротости, и не случайно, быть может, одна идиллия Штифтера называется “Крепость чудака”. После болезненно неудачного романа с венской красавицей, окончившегося срывом в алкоголизм, Штифтер женился на модистке Амалии Могаупт, женщине симпатичной и доброй, но невежественной, судя по воспоминаниям современников, выпившей из мужа все соки. Бездетные супруги в разное время пытались

устроить будущее троих племянниц Амалии. Одна девочка убежала, другая пропала, и через месяц ее тело обнаружили в Дунае.

Штифтер не любил современную ему литературу, поскольку считал, что писатели необоснованно присвоили себе право заглядывать в человеческую душу. Продвинутые читатели, зачарованные бесстрашием нового европейского искусства, сочли педагога из Линца моралистом и зачислили в скучные классики. И напрасно: теперь-то искренняя проза Штифтера кажется природно-естественной, она как зелень с деревенского огорода в отделе пластмассовых овощей супермаркета. Или это время очертило шлёгенскую петлю и вернуло пропылившимся штудиям свежесть? Случается ведь и так: ты стоишь на берегу реки, восхищаясь мощной красотой потока. Но что тебе остается от этой мощи, кроме воспоминаний? Разве что горсть пестрых камушков, найденных на песчаной косе.

Карл Маклкнехт. Адальберт Штифтер. Около 1868 года.

В те годы, когда Адальберт Штифтер в рабочее время редактировал городскую газету, а долгими зимними вечерами топил в шнапсе свое разочарование литературным процессом, его земляк Антон Брукнер давал виртуозные органные концерты в кафедральном соборе Линца и преподавал в Вене нотную грамоту. Потомки и этому композитору, одному из лучших сочинителей духовной музыки XIX столетия, отрядили “именной дом”, главный кон-

цертный зал Линца. Фамилию Брукнера унаследовали также местный оркестр, частный университет искусств и фестиваль классики. В отличие от Штифтера, добрый католик Брукнер никогда не был женат, но активно интересовался очень молодыми девушками, которым делал честные брачные предложения. Последнюю попытку обрести семейное счастье композитор предпринял, уже перешагнув порог семидесятилетия, однако ответных чувств у семнадцатилетней хористки не вызвал. Главными музами Брукнера остались симфонии, мессы, псалмы и мотеты. Выдающийся музыкант, но чрезвычайно неуверенный в себе и подверженный нервным расстройствам человек, сын бедного сельского учителя, Брукнер брал уроки гармонии и композиции до сорока лет, а прославился только после шестидесяти. Перечень его опусов составляет обширный каталог, что объясняется редкой чувствительностью композитора к посторонним мнениям: Брукнер вносил изменения в партитуру уже законченного произведения по первому совету коллеги или замечанию критика. В музыковедении даже существует термин “проблема Брукнера”: так называют множественность конфликтующих друг с другом версий одного и того же произведения. Так или иначе, Брукнер велик, его сравнивают с Вагнером и Бетховеном, все девять его симфоний называют монументальными.

Был такой австрийский художник Отто Болер, специализировавшийся на изготовлении бумажных силуэтов (этот художественный промысел столетие-полтора назад пользовался чрезвычайной популярностью). Одну свою черно-белую картинку Болер посвятил Брукнеру, многофигурная композиция называется “Антон Брукнер прибывает на небеса”. В раю, в окружении сонма похожих на мух ангелочков, новичка приветствуют одиннадцать уже освоившихся в лучшем из миров гениев австрийско-германской гаммы, от Моцарта до Баха. Художник тонко прочувствовал сцену: дюжина апостолов составляет комплект сочинителей Немецкой Музыки Вечности. Естественно, на Брукнере паразитировали и нацисты, считая, что именно этот композитор особенно точно выразил “дух времени” немецкого народа. Весть о самоубийстве Гитлера 1 мая 1945 года немецкое радио сопроводило адажио из Седьмой симфонии Брукнера. Сам композитор считал эту симфонию лирической.

Отто Болер. Антон Брукнер прибывает на небеса. Силуэт. До 1900 года.

Музыка Брукнера, важного туристического артикула Линца, и теперь льется над Дунаем. Каких только концертов здесь не устраивают! Я смотрю на портреты двух мужчин в черном, составивших интеллектуальную славу Верхней Австрии: лица их значительны и оттого мрачны, их произведения высокоморальны и оттого нерадостны. Однако у Линца Дунай не только бывал свидетелем трудного потного творчества, но и становился истоком чарующе легких романтических историй. Одна удачно сочетает любовь, деньги и предусмотрительность. В 1800 году прусский чиновник Иоганн Якоб фон Виллемер, банкир и богачей, выкупил себе в опеку за две тысячи гульденов и пожизненную пенсию, словно из рабства, 16-летнюю красотку Марианну Юнг у ее собственной матери. Марианна была актрисой, выступала в спектаклях в Пресбурге (ныне Братислава), Вене и Франкфурте, очаровательно танцевала в обшитом разноцветными заплатками костюме Арлекина, ловко выскакивая из крутящегося по сцене огромного яйца. Эта юная непосредственность и пленила сорокалетнего финансиста.

В поместье Виллемера Марианна училась изящным манерам, иностранным языкам, правильному пению и сложению стиха. Финал истории о прусском Пигмалионе вышел счастливым: через полтора десятилетия Виллемер (уже дважды в прошлом женатый) наконец сочетался законным браком и со своей повзрослевшей воспитанницей. Историки литературы утверждают, что перекалфикация Марианны из наложниц в супруги была вызвана поведением 65-летнего в ту пору Иоганна Вольфганга Гёте, давнего друга Виллемера. Еще не будучи знакомым со своей последней любовью Ульрикой фон Левецов, моложе его на 55 лет, знаменитый поэт попытался позиционировать себя опасно близко к красавице Юнг. Успеха он не добился, но увековечил Марианну в «Книге Зулейки», восьмой части эпической поэмы «Западно-восточный диван». В 1869 году филолог Герман Grimm, получивший

от Марианны фон Виллемер доступ к ее переписке с Гёте, выяснил: она и есть Зулейка. Более того, Марианна оказалась еще и соавтором Гёте, поскольку некоторые строфы “Зулейка-наме” написаны ею. Гостей Линца теперь водят по адресу Пфарплатц, 4, где родилась эта ставшая дворянкой и попавшая в историю литературы простолюдинка. Рядом с домом – подземный гараж и неплохое кафе Meier.

Когда Зулейка
Мне дарит безмерное счастье,
Бросая мне свою любовь,
Как мяч,
Его ловлю я
И ей бросаю в ответ
Себя, посвященного ей.

Миновав пригороды Линца и Маутхаузен, Дунай круто поворачивает на юго-восток и описывает меж полей и лесов Нижней и Верхней Австрии широкую неспешную дугу, снова выводящую реку к северу, к воротам долины Вахау, столь неудачно пробужденной нацизмом в 1938 году. Эта долина – образцовая колыбель достойного, уважающего себя европейского государства: игрушечные, со всеми признаками благополучия домохозяйства по обоим берегам; расчерченные на зеленые квадратики виноградников и фруктовых садов холмы мягких очертаний; геометрическая аккуратность, хирургическая чистота в прямом соответствии со стереотипами о педантичном немецком характере. Сами австрийцы эти стереотипы опровергают, считая своей важной национальной чертой *schlamperei* – “необязательность”, “расслабленность”, если не искать более экспрессивного аналога в русской обшеченной лексике. Но смотря с чем, конечно, этот дунайский шламперай сравнивать. С одной стороны, страна Бабенбергов и Габсбургов действительно разбавила немецкую волю жизнелюбием недалекого Средиземноморья и восточноевропейской беспечностью, то и дело переходящей в лень. Однако и дремлющий на печи Емеля, и крестьянский сын Иван-дурак, и сиднем просидевший тридцать и три года Илья Муромец – всё персонажи вовсе не из австрийской волшебной сказки. Об особенностях дунайского гедонизма хорошо сказал Роберт Музиль, видный критик австро-венгерской монархии: “Находились в центре Европы, где пересекаются старые оси мира. По дорогам катились автомобили, но не слишком много автомобилей... Не было честолюбия мировой экономики и мирового господства. Знали роскошь – но не такую сверхтонченную, как французы. Занимались спортом – но не так сумасбродно, как англосаксы. Главный город тоже был меньше, чем все другие крупнейшие города мира, но все-таки значительное больше, чем просто большие города”. Многим, и мне тоже, было бы приятно жить в похожей стране...

ДУНАЙСКИЕ ИСТОРИИ КАК НА БЕРЕГУ РЕКИ ИСТРЕБЛЯЛИ ЛЮДЕЙ

Заклученные концлагеря Маутхаузен приветствуют американские войска. Фотограф Дональд Р. Орниц, капрал армии США. 6 мая 1945 года.

Согласно планам Альберта Шпеера улицы и площади городов нацистской Германии должны были быть вымощены стандартной гранитной плиткой. В 1938 году у каменоломен близ местечка Маутхаузен компания DEST, “Немецкие земляные и каменные работы”, которой владел начальник Главного административно-хозяйственного управления SS генерал Освальд Поль (повешен в 1951 году по приговору Нюрнбергского военного трибунала), начала обустройство барачков для занятых на добыче гранита рабочих. Поначалу в Маутхаузене содержали считавшихся неисправимыми уголовных преступников, однако с весны 1939 года в этот “трудовой лагерь” отправляли преимущественно “непримиримых политических врагов рейха” из многих стран Европы. Среди заключенных Маутхаузена оказались будущий охотник за нацистскими преступниками Симон Визенталь, будущий премьер-министр Польши Юзеф Циранкевич, французский писатель Жак Бержье. В систему Маутхаузен-Гузен, помимо четырех основных концлагерей, вошли около пятидесяти относительно небольших рабочих тюрем на территории Австрии и Южной Германии. На центральный лагерь комплекса распространялся самый жестокий режим содержания заключенных (III степень строгости согласно концепции “уничтожение через труд”). Общее число казненных, умерших от пыток, истощения, медицинских экспериментов заключенных за шесть лет существования системы лагерей Маутхаузен-Гузен составило, по разным оценкам, от 122 до 320 тысяч человек. В числе погибших не менее 32 тысяч советских граждан, среди них военный инженер генерал-лейтенант Дмитрий

Карбышев (зимой 1945 года умер от гипотермии после того, как был облит водой на морозе), организатор партизанского движения в Словакии Дмитрий Основин, разведчик Лев Маневич. Символом мучений узников Маутхаузена стала “лестница смерти” из 186 ступеней, по которой заключенные перетаскивали из каменоломен гранитные блоки. Нацистская схема рабского труда приносила значительные доходы: в 1944 году прибыль комплекса лагерей Маутхаузен-Гузен составила 11 миллионов рейхсмарок (144 миллиона евро в ценах 2013 года). Труд заключенных применялся не только в гранитном карьере: они работали на оборонных предприятиях, ликвидировали последствия бомбардировок, были заняты в сельском хозяйстве. В феврале 1945 года несколько сотен советских пленников совершили побег из Маутхаузена. Операция по их уничтожению, которой способствовало и местное население, получила название “Охота на зайцев в коммуне Мюльфиртель”. Известны имена одиннадцати узников, спасенных австрийскими крестьянами. В частности, семья Анны Лангталер, четверо сыновей которой воевали в частях вермахта, три месяца укрывала на хуторе в Виндене двух советских офицеров. В мае 1945 года заключенных Маутхаузена освободили войска США. Тело коменданта концлагеря Франца Цирайса, скончавшегося от полученных при аресте ранений, заключенные повесили на ограде лагеря. В 1949 году Маутхаузен получил музейный статус. На территории комплекса два десятка мемориалов памяти заключенных из разных стран, от Албании до Украины, мемориалы памяти жертв холокоста, памяти замученных в Маутхаузене синти и рома, памяти погибших в лагере гомосексуалов.

Долина Вахау предлагает квинтэссенцию австрийского отношения к жизни: необременительные прогулки по-над речкой, легкое белое вино, сладкий абрикосовый ликер со смешным названием *Marillenschnaps*, свежий воздух. Путеводитель вдруг демонстрирует честность: “Здесь особенно нечем заняться, поэтому отдыхайте и наслаждайтесь прелестными пейзажами”. Это правда: дюжина расположенных в долине или рядом с ней населенных пунктов оспаривают друг у друга право считаться самым старым городом Австрии или самым красивым городом Дуная. Кремс, Иббс, Шпитц, Артштеттен, Мельк одинаково живописны и одинаково унылы, несмотря на все свои древние монастыри, церкви и площади. Тысячу лет назад долина Вахау была важна тем, что именно здесь пролегали западно-восточные коммерческие пути. Местные землевладельцы бароны Кюнринги не могли и подозревать о поэзии Гёте, но не расслаживали на западно-восточных диванах, а жесткими методами рэкетиров взимали дань с торговых судов, укрывая добычу в многочисленных придунайских крепостях. Древних замков (или руин древних замков) в долине десятки, и все они убедительно свидетельствуют о богатом событиями прошлом Вахау.

Бабенберги, первые правители Австрии, помимо прочего отметились в долине Вахау еще и тем, что некоторое время держали в заточении в замке в Дюрнштайне Ричарда Львиное Сердце. Возвращаясь из Третьего крестового похода, этот английский король был пленен своим христоробивым союзником герцогом Леопольдом V. Причины ареста крылись в политических ссорах в семье европейских монархов, но куда привлекательнее воспетая трубадурами и экскурсоводами персоналистская версия конфликта: Леопольд якобы не снес оскорбления, нанесенного ему Ричардом, – король Англии сорвал австрийское знамя со стен взятой крестоносцами Акры. Папа римский пригрозил Леопольду отлучением от церкви, и весной 1192 года герцог вынужденно передал пленника императору Священной Римской империи Генриху VI. Ричард тем не менее просидел взаперти целый год, дожидаясь выплаты выкупа, составлявшего двухлетний доход английской короны. Замок в Дюрнштайне таких

знаменитых постояльцев больше не видывал и не увидит: в 1645 году крепость разрушила шведская армия, участвовавшая в этих краях в битвах Тридцатилетней войны. Руины древних стен, сложенных из плотно подогнанных тесаных камней, впрочем, добавляют простенькому городку таинственности.

Столетие с лишним одной из основных резиденций Бабенбергов (пока они не перебрались в Клостернойбург, откуда еще позднее переместились в Вену) служила крепость Мельк. Вероятно, теперешние отцы города, будь они склонны к пафосу, могли бы воскликнуть: отсюда пошла австрийская земля! Покидая Мельк, князья передали замковые укрепления монахам ордена Святого Бенедикта, которые в 1089 году основали здесь Божию обитель. С той поры братия неустанно воздаст хвалу Всевышнему: молитвы звучат в Мельке уже 333 тысячи дней, по восемь раз ежедневно. Угроза этому конвейеру богомолья возникла в XVI столетии, когда из-за возросшей популярности идей Реформации католический монастырь почти было опустел. Однако папа назначил аббатом в Мельк толкового управленца, и тому удалось собрать под знамена Бенедикта новую армию послушников.

Кремс. Открытка 1900 года.

Аббатство в Мельке готовилось отпраздновать 900-летний юбилей, когда вышел в свет русский перевод романа “Имя розы”. Юный послушник Адсон, от имени которого Умберто Эко ведет правдивый рассказ о расследовании загадочных убийств в монастыре на севере Италии, был воспитанником мелькской обители. “Имя розы” – едва ли не главная книга моей молодости. Честно говоря, окутанный тайнами Мельк стал и одной из причин моего интереса к Дунаю. Впервые я попал в этот монастырь лет через пятнадцать после того, как прочитал (и только что наизусть не выучил) “Имя розы”, – и не разочаровался, хотя мои представления о Мельке, конечно, оказались далекими от реальности. Ни мрачных храмин, ни строгой готики Средневековья тут нет и в помине: в первой половине XVIII века аббатство

полностью перестроили в стиле высокого барокко, и с реки монастырский комплекс похож на огромный желто-кремовый торт.

Именно так, наверное, и должна выглядеть репрезентативная обитель христианских традиций и веры. Мельк считается в строгом бенедиктинском мире образцом: реформа внутреннего распорядка, произведенная в начале XV века аббатом Николаусом Зейрингером, послужила примером для католического мира, перенимать передовой опыт сюда приезжала братия из разных уголков Европы. Теперь аббатство так плотно набито реликвиями и ценными предметами культа (первый из них – инкрустированный драгоценными камнями золотой Мелькский крест, от которого идет и монастырский девиз: *Absit gloriari nisi in cruce* – “Только в кресте слава”), что сама дискуссия о бедности Христа представляется в этих почтенных стенах неуместной. Монастырская школа Мелька ведет преподавание законов Божьих уже восемь с лишним веков, в последние десятилетия делая акцент еще и на углубленном изучении древнегреческого и новофранцузского языков. Библиотеку аббатства, книжка к книжке, начали собирать задолго до рождения Иоганна Гутенберга, причем это уже не первая мелькская библиотека, потому что самая первая была уничтожена пожаром 1297 года, за четверть века до того, как Эко безжалостно спалил книгохранилище своего монастыря. Однако “Песнь о Нибелунгах” не сгорела – одну из аутентичных рукописей поэмы обнаружили в библиотеке Мелька относительно недавно.

С западной террасы аббатства открывается ожидаемо благостный вид на тяжело катящуюся прочь реку, на заросли деревьев (наверняка абрикосовых), на небо и на вечность. Мельк, конечно, сильно попорчен туризмом, но каким же еще, скажите, быть почтенному монастырю XXI века, если даже проповеди предстоятеля Римско-католической церкви иногда смахивают на рок-концерт? В соборе Святых Апостолов Петруса и Паулюса покоятся останки кое-кого из Бабенбергов, но главное здесь – мощи мученика Коломана, покровителя путешественников и заступника повешенных. Коломан был странствующим ирландским монахом, сыном короля, и погиб в 1012 году по дороге в Святую землю: в Австрии его по ошибке приняли за злодея и вздернули на сухой бузине рядом с двумя разбойниками. Тело праведника чудесным образом не разлагалось, за что канонизированного в 1244 году Коломана теперь ревностно почитают во всех девяти федеральных землях Австрии. У гробницы святого висельника я увидел экскурсионную группу аутистов в сопровождении социального работника, гид в черной сутане терпеливо рассказывал гостям нечто божественно-историческое. Вечером я столкнулся с этой компанией в пиццерии: никто из них не мог вспомнить, кто именно заказывал принесенную официантом “маргериту”. Официант сказал: “Очень вкусно, кто хочет?” – и все до одного радостно подняли руки. Хозяин заведения наблюдал из-за стойки, потом отправился на кухню – и вскоре в зал вынесли по “маргерите” на каждого. Социальный работник благодарно кивнул. Скажите, чем они оба отличаются от священников?

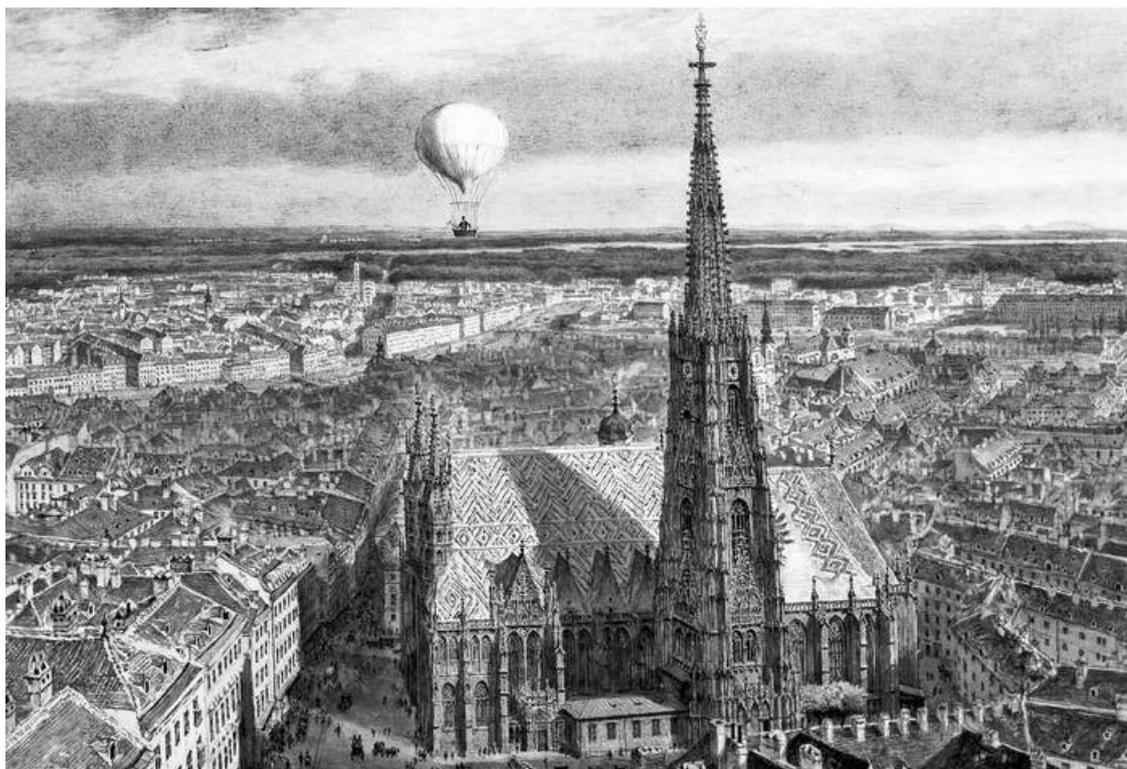
Самый монументальный из всех известных мне дунайских художественных циклов выполнен в 1820–1826 годах молодым в ту пору австрийским пейзажистом Якобом Альтом и уже почтенным мастером немецкой плоской печати Адольфом Фридрихом Кунике. Совместными усилиями Alt und Kunike произвели обширнейшую серию литографий “264 вида Дуная по течению реки от истоков до Черного моря”. Перечислю без всякой системности названия некоторых листов: “Вид Белграда со стороны Земуна”, “Вид на Нусдорф”, “Регенсбург. Вид с северо-запада на Каменный мост”, “Порт Сулины”. Ну и к чему было, скажите, примерно в то же время изобретать фотографию, если мой старший товарищ по увлечению Дунаем Якоб Альт уже произнес столь внятное художественное высказывание, сохранив для будущих поколений образы великой реки? Настоящий профессионал дунай-

ского кадра, снайпер живописи с зорким глазом и верной рукой: явился – набросал эскиз – сложил станок – снова в путь.

Якоб Альт. Вид на Нусдорф. Галерея Альберина, 1820 год.

Кисти и грифелю Альта принадлежат еще несколько пейзажных серий, в их числе “Путешествия по живописному Дунаю от Энгельхартсцелля до Вены”. Во время долгих творческих командировок он и гербарий собрал, я видел эти засушенные травки и цветочки в Земельном музее Нижней Австрии. Художник с музыкальной фамилией объездил владения Габсбургов вдоль и поперек, от силезского городка Яблунков до главного порта империи Триеста, от далматинского Спалато (Сплит) до венгерского Рааба (Дьор). В 1835 году Людвиг Бехштейн, знатный немецкий фольклорист и собиратель сказок, осуществил свой осмотр Дуная, а пятилетием позже выпустил в качестве отчета двухтомник “Путешествия по Дунаю и его прекрасные виды”. Под “прекрасными видами” он имел в виду сотню гравюр Якоба Альта – включенных в книги в качестве иллюстраций. Репродукции рисунков Альта – гербарий прекрасного мертвого мира – теперь продаются в интернет-магазинах по цене пятнадцать евро за штуку. Самое примечательное в его творчестве – завершенность стиля. Рисунки Альта объединены ощущением единства разных территорий – ощущением, известным родившимся во владениях совсем другой империи по строке из песни: “Человек проходит как хозяин”. Немецкая Австрия – нервный центр, сердце и мозг нарисованной Якобом Альтом страны, а Дунай – ее флейта-позвоночник.

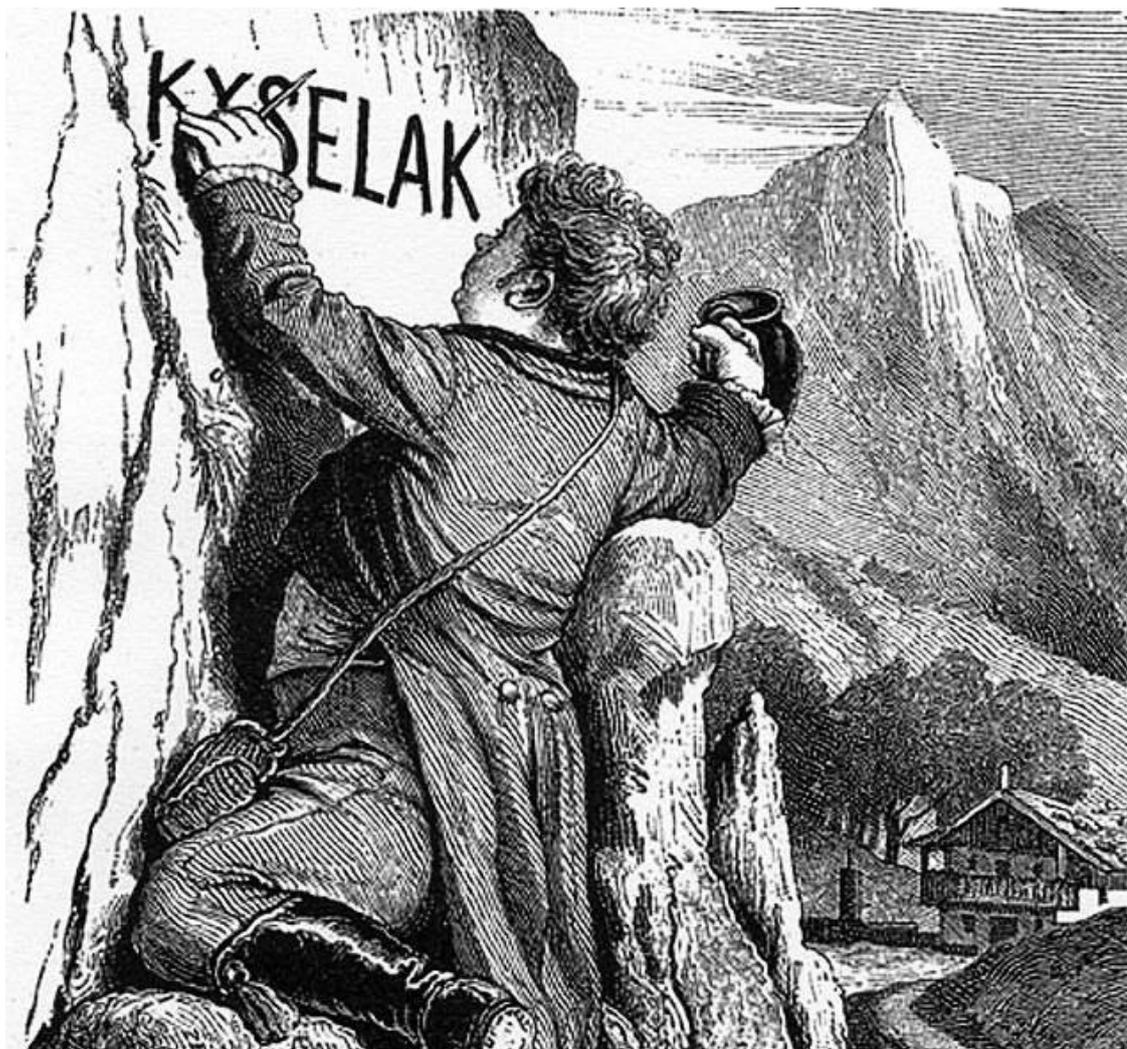

Якоб Альт. Вид на Вену. Музей Вены, 1848 год.

Если все 264 листа с видами Дуная плюс цикл “от Энгельхартсцелля до Вены” да еще плюс многое другое, созданное Альтом за без малого шесть десятилетий карьеры художника, бросить на одну чашу творческих весов, то на другой чаше их наверняка уравновесит куда более скромный по объемам музыкальный цикл Иоганна Штрауса-сына. Штраус II посвятил речной теме лишь несколько небольших произведений, но для Истории этого оказалось достаточно. Вальс “На прекрасном голубом Дунае”¹⁷ стал самой тиражной в истории штучкой популярной классики. Глобальная слава подняла Opus 314 не только на высоты мировой культуры, но и на вершины эстрадной пошлости: британский комик Пол Олдфилд, известный под псевдонимом Мистер Метан, исполняет штраусовский вальс методом метеоризма, выпуская кишечные газы.

ЛЮДИ ДУНАЯ
ЙОЗЕФ КИСЕЛАК
эгоист и альпинист

¹⁷ Помимо вальса “На прекрасном голубом Дунае” Иоганн Штраус сочинил вальс “Дунайская девушка” (1887, Op. 427) и польку “На берегах Дуная” (1873, Op. 356). Композитор посвящал свои произведения и другим рекам, в частности Влтаве (нем.: Moldau) и Волге.

Скромный чиновник венского финансового ведомства Йозеф Киселак (1799–1831) остался в истории не благодаря выдающимся дарованиям и талантам, а потому, что всюду, где только мог, чертил на дереве или на камне свое имя. Киселак путешествовал по немецкоязычным районам монархии Габсбургов; альпинист-любитель, он использовал навыки в технике скалолазания для того, чтобы намалевать (обычно масляной черной краской) или выцарапать свое имя на разных видных местах: на придунайских и альпийских горных кручах, на стенах зданий и пещер, на опорах мостов и руинах крепостей. Как свидетельствуют современники, имя Киселака было известно многим подданным императора Франца II, как и самому монарху. В Австрии это имя стало символом безграничного самолюбования, эгоизма и фанфаронства. Вот фрагмент из книги воспоминаний журналиста Иштвана Рат-Вега: “Тщеславный турист ездил по самым прекрасным местам Австрии, чтобы везде где можно бросающимися в глаза буквами малевать: J. Kiselak. Он осквернял развалины храмов, башен, стены пещер, скалистые вершины гор. Через Дунай в Вене был воздвигнут новый мост, и, когда мост был готов, с двух его сторон установили сторожей, чтобы Киселак еще до официального открытия не проник туда со своей кистью. Однако, когда первый корабль проходил под мостом, его пассажиры увидели, что на внешней стороне одной из дуг

моста красуется известное имя... Может быть, это только анекдот. Но он, во всяком случае, хорошо характеризует человека и легенды, окружавшие его”. В 1829 году Киселак издал книжку путевых наблюдений “Заметки о пеших путешествиях по Австрии, Штирии, Каринтии, Зальцбургу, Тиролю и Баварии до Вены”. Умер он 32 лет от роду – от холеры, которой заразился, отказавшись во время эпидемии исключить из рациона свежие фрукты. Теперь этого человека считают основателем техники граффити. Надпись J. Kiselak можно увидеть, в частности, в венском парке Шварценберга, в долине Вахау на скалах между Кремсом и Дюрнштайном. Магрис написал о нем так: “Киселак добивался маленького бессмертия, и ему это удалось”.

Премьера *An der schönen blauen Donau* состоялась в 1867 году сначала в Вене, потом, уже с совершенным триумфом, на Всемирной выставке в Париже. Дату тоже можно считать символической: этот год оказался ключевым для Дунайской империи и для всей Центральной Европы. *Monarchia Austriaca* превратилась в Австро-Венгрию¹⁸ и вступила в пору тяжелой зрелости, через полвека обернувшейся распадом, крахом и воцарившимся вместо Габсбургов хаосом. Но в 1867-м этого никто не мог знать. Думаю, не ошибусь, предположив, что именно вальс Штрауса, приводивший в восторг и неискушенную публику, и профессионалов, утвердил Вену в качестве первого речного города Европы. “Я не знаю, слышу ли я Дунай или вальс о Дунае, – писал композитор Иоганн фон Хербек. – То ли это река течет бесконечно, то ли вальс кружится безостановочно”. Когда в 1899 году Иоганн Штраус скончался, в Вене шутили: закончилось время Франца Иосифа. И по сути оказались правы.

¹⁸ После заключения в марте 1867 года соглашения (т.н. компромисса) между императором Австрии Францем Иосифом и представителями венгерского национального движения во главе с Ференцем Деаком возникла дуалистическая монархия. Соглашение предусматривало предоставление венгерской части государства самостоятельности во внутренних делах при совместном с Веней решении вопросов внешней, оборонной и финансовой политики.

Отто Болер. Иоганн Штраус. Силуэт. До 1900 года.

Партитура вальса “На прекрасном голубом Дунае”. 1872 год.

Водная тема, очевидно, годами переливалась в гениальной душе музыканта. Один из биографов Штрауса утверждает, что при работе над своим знаменитым произведением композитор использовал мотивы вальса “Волны и валы” (Op. 141), навеянного в начале 1850-х годов поездкой в североморский порт Гамбург. Штраус дал дунайскому вальсу лживое название, поскольку, как считается, был вдохновлен стихотворением Карла Исидора Бека “На прекрасном голубом Дунае”, но ведь поэты всегда выдают желаемое за действительное. Кстати, поэт Бек – вот истинный подданный имперского универсального государства: выходец из семьи торговца-еврея, он вырос в Пеште, увлекался классической философией

в Вене и сочинял на немецком языке напыщенные романы в стихах из мадьярской жизни. Критики находили в его произведениях “страстный венгерский характер”. Стих о Дунае Бек сочинил в 1850 году, имея в виду цвет реки в своем родном городе Байе на юге Венгрии, но вода там, поверьте, ничуть не голубее, чем в Австрии. Текст к уже готовой партитуре Штрауса сочинил поэт Венского хорового общества Йозеф Вайль; знатоки признали его работу неудачной. Вальс получил распространение прежде всего в оркестровой версии, хотя другие поэты, два австрийских немца и француз, позже подобрали к чарующей мелодии более или менее складные слова: о родственности Дуная и Рейна, о стремительной и медленной волне, о вечной германской славе, о влажном шепоте русалок и венском порыве к Черному морю.

Тот, кто бывал в австрийской столице, знает: вальс Штрауса – совершенно венская по идеологии, духу и текстуре музыка, соответствующая идеальному характеру этого легко танцующего города, однако вовсе не соответствующая характеру венской связи с Дунаем. Вена, за что ее якобы и невзлюбил неудачник Гитлер, никогда не пыталась полностью присвоить, целиком впитать в себя Дунай. Вспоминаю свое первое знакомство со столицей Австрии: выяснилось, что до главной реки из центра надо добираться, что она здесь не парадный проспект, что окрестные озера не менее важны для мироощущения жителей Вены, чем центральная водная магистраль. Рациональному городу с патетическим стилем архитектуры, очевидно, покойнее жилось в паре-тройке километров от берега широкого потока, часто грозившего неприятностями. Этот парадокс (танцующий город по идее не должен и не может быть рациональным), полагаю, предопределен главным историческим противоречием эпохи Габсбургов: их обширное государство, парализованное международными и национальными конфликтами, задолго до своей кончины утратило пассионарность и волю к переменам, а другой дунайской судьбы Австрия себе не выбрала.

Гедонизм жителей Вены, любителей танцев и иных чувственных развлечений, странным образом сопровождался всеобщей склонностью к бюрократическому порядку. Это подтверждено документами разных эпох, зафиксировано и в художественном творчестве. Например, герои драм сугубо литературного классика, одного из главных творцов габсбургского мифа, Франца Грильпарцера¹⁹, готовы прямо-таки умереть за порядок, воспринимаемый как данный свыше божественный ход вещей. Психологи находят подобному мировосприятию свое объяснение: австрийская ментальность рассматривает личность в функции частицы исторически заданной иерархии мира, отсюда, кстати, и неприятие Веной нарушителя традиций Наполеона Бонапарта.

Через столетие после победы над “корсиканским чудовищем” государство Габсбургов одним его подданным все еще казалось вечным, как Дунай, а другие ощущали в политике и ежедневной жизни совершенно речную зыбкость: между разными слоями населения, между разными народами то и дело вспыхивала вражда. Буржуа ненавидели социал-демократов, славяне не доверяли немцам, неимущие завидовали богатым, окраины норовили убежать от центра. Суть империи все больше сводилась к придворным, чиновникам, генералам, священникам. Столица воплощала в себе огромную страну до такой степени, что стала ее главным стилем – венский кофе, венская кухня, венский вальс, венский стул определяли Австро-Венгрию. Этот сытый город по-прежнему любил скромное и неброское: идилличную статику, размеренность необременительных будней, иногда подчиненных мягким правилам несвободы, что позволяло еще полнее наслаждаться преимуществами уютного существования. “Вена может занять первое место в отношении слабости и косности духовной жизни, напряжение и энергия которой ничтожны, – с сожалением писал в конце XIX века музыкальный

¹⁹ Франц Грильпарцер (1791–1872) – австрийский поэт и драматург, автор многочисленных пьес с политическим подтекстом, философских эссе и критических заметок. Драмы Грильпарцера на темы австрийской истории вызвали живые общественные споры.

критик Михаэль Граф. – Единственная область, в которой венский дух творчески проявил себя, – венский вальс – в сущности не что иное, как музыкально облагороженное филистерское благодушие”. Примерно такой Вена кое в чем остается и теперь: я уверен, что как раз в этом городе в полных покое и довольстве доживает свой век умиротворенное пенсионерское счастье. Это покойное довольство воспроизводит само себя, поколение за поколением.

Вена не состоит с водой в таких сложных и изысканных отношениях, как Амстердам, Венеция или Петербург, превратившие речную или морскую гладь в главную архитектурную горизонталь. Берлин, Париж, Рим, Москва, Лондон более или менее умело включили свои реки в городское пространство, использовали их как каналы проникновения в каменную среду потоков прохладного воздуха и свежих идей. Для Вены река тем не менее системообразующая метафора, примерно такая же, как музыка Штрауса. “Дунай, стрела собора Святого Стефана, цепь альпийских вершин вдаль, и все это в легкой дымке католического фимиама – вот сокращенный вариант образа Вены”, — делился размышлениями со своим дневником немецкий композитор Роберт Шуман, не нашедший, кстати, признания в Австрии. Забегая вперед, замечу, что единственная столица, захотевшая или сумевшая безоговорочно подчинить себе широкий Дунай, – Будапешт, объединивший во имя этой цели все ресурсы венгерской нации, весь мадьярский гонор и все три своих исторических центра. А знаменитый штраусовский вальс, символ символов Вены, правильнее называть “Рядом с прекрасным Дунаем”.

ЛЮДИ ДУНАЯ
ЭДУАРД ЗЮСС
Геопозт

Эдуард Зюсс родился в 1831 году в Лондоне в саксонско-еврейской семье торговца шерстью. Трехлетним ребенком родители перевезли его в Прагу, еще через десятилетие Зюссы обосновались в Вене. Эдуард увлекся геологией и девятнадцати лет от роду опубликовал первую научную работу, статью о почвах и термальных водах Карлсбада (теперь Карловы Вары в Чехии). Помимо изучения минералов Зюсс активно интересовался политикой. Студентом он принимал участие в венских революционных боях 1848 года и получил ранение в ногу, позже был арестован и месяц провел в тюрьме. С годами Зюсс остепенился, возглавил кафедру геологии Венского университета, вошел сначала в комиссию по снабжению города водой, потом в парламент земли Нижняя Австрия, а в 1873 году стал депутатом рейхсрата (парламента австрийской части монархии Габсбургов). Первая монография Зюсса (1862) называлась «Происхождение и состав почвы Вены и ее влияние на жизнь горожан». В 1870-е годы Зюсс сыграл ключевую роль в грандиозной по тем временам инженерной операции спрямления русла Дуная и организации водопроводного снабжения Вены. Зюсс придерживался

левых политических убеждений и считался одним из лучших парламентских ораторов. С той же пассионарностью он проявлял себя на научном поприще: Зюссу принадлежит гипотеза о существовании праисторических суперконтинента Гондвана и океана Тетис, Зюсс ввел в оборот термины “атмосфера” и “биосфера”, в капитальном трехтомном труде “Лик Земли” обобщил главные достижения геологии XIX века. Предметом конкретного научного интереса этого ученого много лет оставалась стратиграфия Альп, однако Зюсс много теоретизировал также на общие темы образования морских впадин, горных цепей, формирования твердой и жидкой оболочек планеты. Его избрали почетным членом академий наук (австрийскую Академию наук он в 1898 году возглавил) и географических обществ многих стран, в том числе России. Владимир Обручев называл Зюсса “философом и поэтом геологии”, а недоброжелатели окрестили его “геопоэтом”, поскольку считали больше литератором, чем ученым. Зюсс скончался накануне Первой мировой войны; один из его пятерых сыновей стал известным геологом. Именем Зюсса названы кратеры на Луне и Марсе. Венский водопровод до сих пор по старинке называют “вода Зюсса”.

Конечно, когда человечество накопило достаточную сумму инженерных знаний, Вена упорядочила Дунай, сделала его безопаснее, но по большому счету оставила реку в покое, не закабалая гранитом набережных и бесконечными перепонками мостов. Тем не менее в общей сложности работы в русле реки продолжались целое столетие и вошли в историю гидрографии как пример грамотно организованной масштабной водно-инженерной операции. Дунай выплескивается из долины Вахау на равнину, обозначаемую географами как Венский бассейн, километрах в тридцати выше австрийской столицы. Полтора века назад главное речное русло разделялось здесь на рукава. Левобережье представляло собой заболоченный луг шириной в пять или восемь километров, рассеченный на островки и полуострова извилистым рукавом Кайзервассер и множеством рукавчиков покороче. На этой большой пустоши с перелесками размещались в основном хутора да хозяйственные постройки. При каждом половодье равнину затапливало.

В эпоху Наполеоновских войн эти места, а вместе с ними и Дунай вошли в историю: у Асперна и Эсслинга Бонапарт потерпел первое в своей военной карьере чувствительное поражение. Дело было так. В середине мая 1809 года французы без боя заняли Вену и решили дать войскам эрцгерцога Карла Людвиг Австрийского генеральное сражение на левом берегу Дуная. Саперы за ночь наладили несколько деревянных переправ, но закрепиться на речном острове Лобау, где разместился командный пункт императора, сумела только половина его семидесятитысячной армии: Дунай разволновался, надломил главный мост и разрушил второстепенные. Это стало одним из факторов, в конце концов решивших исход упорной битвы (местечко Эсслинг переходило из рук в руки десять раз) в пользу австрийцев

Наполеон утверждал, что отступил по собственной воле, но правду от современников и потомков французскому императору скрыть не удалось. В сражении при Асперне был смертельно ранен любимец Бонапарта маршал Жан Ланн, потери сторон составили почти по 25 тысяч человек. Утомленный Карл не стал навязывать противнику новой битвы. Может быть, эрцгерцог ошибся, потому что Наполеон разработал свежий план форсирования Дуная, через месяц переправил свою армию на левый берег и взял реванш в еще более кровавой схватке у местечка Ваграм, в пятнадцати километрах от Вены. На этот раз река не помогла Австрийской империи, потому что время высокой воды миновало. Поражение Габсбургов оказалось ужасным не столько в военном, сколько в моральном и политическом отношениях. Россия, союзница Франции в той войне, по условиям мирного договора полу-

чила Тарнопольский округ в Галиции с населением четыреста тысяч человек. До Бородинского сражения не оставалось и трех лет.

Конечно, Дунай переходил в наступление не только в военное время. Река регулярно захватывала бедняцкие кварталы, жители которых спасались от наводнений на чердаках и крышах, в отчаянии наблюдая за тем, как бурная волна уничтожает их имущество. Проекты регулирования Дуная, сведения его рукавов в одно русло и постройки постоянного моста возникали в Вене с начала XIX столетия, еще до нашествия Бонапарта, но особенно остро вопрос встал после наводнения 1862 года.

Отстаивая на заседании городского парламента необходимость спрямления русла Дуная, тридцатилетний геолог Эдуард Зюсс, интересовавшийся работами на Суэцком канале, воскликнул: “Тот, кто слышал скрежет землечерпалок, кто пережил волнение ночных трудов на плотинах и мгновения триумфа при успехе, на всю жизнь превратится в горячего защитника подобных предприятий, во благо человека обуздывающих грозные силы природы”. Один проект предполагал сохранить дугообразное русло Дуная за счет подъема его берегов и осушения рукавов, другой предусматривал прокладку прямого русла длиной семь километров. Бургомистр Каэтан фон Фильдер (энтомолог с международной репутацией, обладатель выдающейся коллекции индийских бабочек) поддержал второй проект. За спрямление русла высказался и руководитель работ инженер и барон Густав Риттер фон Векс.

Главная сложность предприятия заключалась вот в чем: протяженность подлежащей спрямлению дуги Дуная составляла четырнадцать километров, а падение реки на этом участке превышало пять с половиной метров. Столь быстрая река имеет склонность к “одичанию”, размыву берегов и неконтролируемому разделению на рукава. Течение не только переносит песок и ил, но и передвигает по дну гальку и валуны. Говорят, в тихую ночь можно даже услышать подводное шуршание камней. Там, где образуются завихрения, а также на внешней стороне изгибов русла выше уровня воды скапливается галька. Почва в таких местах зарастает травой и кустами, которые задерживают песок и ил. Так образуются острова, “разводящие” речной ток по равнине.

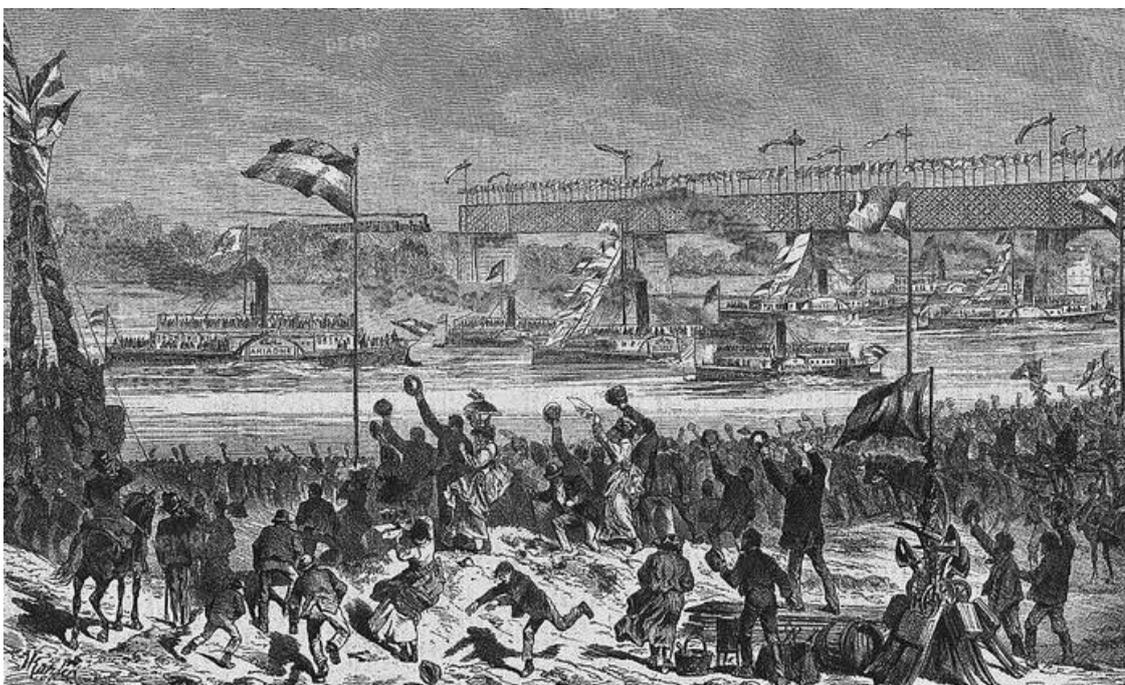
Карта Вены и Дуная. 1780 год.

Согласно первоначальному проекту канал должен был иметь три метра глубины и около 350 метров ширины. Барон фон Векс предполагал на втором километре трассы водотока устроить воронкообразное сужение, рассчитывая, что мощная река сама расширит и углубит новое русло. Однако специалисты предсказали: Дунай частично останется в старом русле, а частично “одичает”, проложив рукава ниже места сужения. Первоначальный проект пришлось поэтому отвергнуть, а это вдвое, до тринадцати миллионов кубометров, увеличивало объем земляных работ.

Весной 1870 года эти земляные работы начались, и продвигались они на удивление гладко, вероятно, потому, что все было толково и до мелочей подготовлено. Зюсс успевал параллельно с выполнением обязанностей одного из руководителей операции проводить научные исследования: в пластах вынутых галечников он обнаружил ископаемые порфир и мелафир, а на привезенных из Суэца землечерпалках отыскал тропические ракушки, которые приживались в северных широтах и образовывали в речной воде колонии. К весне 1875 года канал – 6700 на 285 метров – был обустроен. На его левом берегу оставили свободным пологий полукилометровый пояс на случай разливов реки. Новое русло отсекли от старого дамбой. На дне канала выступила грунтовая вода, уровень которой оказался на два метра ниже, чем в главном дунайском токе. Зюсс руководил пропуском воды сквозь дамбу из старого русла в новое. Напор оказался столь мощным, что правую кромку канала размыло. Тогда у поврежденного берега затопили груженную камнем баржу. Дунай не подчинялся, и заградительные работы продолжались: река боролась тем яростнее, чем настойчивее ей сужали коридор. Пришлось прибегнуть к фашинам с валунами, связанным железными канатами и укрепленным рельсами. 30 мая 1875 года по новому руслу открылась навигация, но в ноябре сильные дожди вызвали наводнение. В конце зимы Дунай притащил лед и на нижнем участке канала, где продолжалась подсыпка берегов, выбрасывал на сушу наносы промерзшей почвы. Уровень реки поднялся на пять метров, и, чтобы избежать затопления, пришлось пустить избыток воды по старому руслу. Весенние половодья причинили очередные

хлопоты, пока берега не были сверхнадежно укреплены. В 1876 году Дунай наконец сдался, опасность регулярных наводнений отступила. Эдуард Зюсс вернулся к теоретической геологии.

“Виктория над Дунаем при Вене” вошла в учебники гидротехники. Но практика показала, что усилий фон Векса и Зюсса оказалось мало: дважды в самом конце XIX века, а также в 1954 году уровень воды в Дунае поднимался так высоко, что венские низины затапливало. Кроме того, городу требовались новые безопасные территории на левом берегу. Поэтому в 1972 году опять начались работы по регулировке реки: параллельно руслу прокопали еще один канал шириной двести метров, отделенный от детища Зюсса и Векса долгим и узким, словно игла, насыпным островом Донауинцель. Длиннющий Донауинцель превратился в популярную рекреационную зону – с бесчисленными кабаками, ресторанами, ночными клубами, разными спортивными площадками, пляжами для nudистов и для тех, кто поскромнее.

Дунай в Вене. Рисунок 1875 года.

Набережная Франца Иосифа и Дунайский канал. Открытка 1900 года.

На дунайском левобережье теперь расположены два района Вены из двадцати двух (самые обширные и самые населенные), один из которых символично называется Donaustadt, Дунайский город. Но даже массовое жилое строительство не связало реку с городом в такой степени, чтобы можно было сказать: Вена стоит на Дунае. Скорее, некоторые районы города стоят на дунайских берегах. В 1970-е годы, после того как ООН выбрала столицу Австрии своей третьей после Нью-Йорка и Парижа резиденцией, на пойменных территориях воздвигли Международный центр, в котором разместились дипломаты и чиновники из сотни стран. Неподалеку поставлен фасадом к Дунаю бетонно-стекольный комплекс-квартал Donau City – это примерно то же самое, что Москва-Сити, только не такое крутое. В эпоху глобализации подобные постройки, конечно, имеют право на жизнь, они удобны, функциональны, снабжены большим количеством смотровых площадок и ресторанов высокой кухни. Старое русло реки напоминает о прошлом лишь несколькими буро-голубыми кружевами; остров Лобау, сохранив луга и перелески, перестал быть островом; о героизме солдат эрцгерцога Карла напоминает спящий мраморный лев у кирхи Святого Мартина. Две главные площади Донауштадта названы патетически: площадь Героев Асперна и площадь Победы при Асперне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.